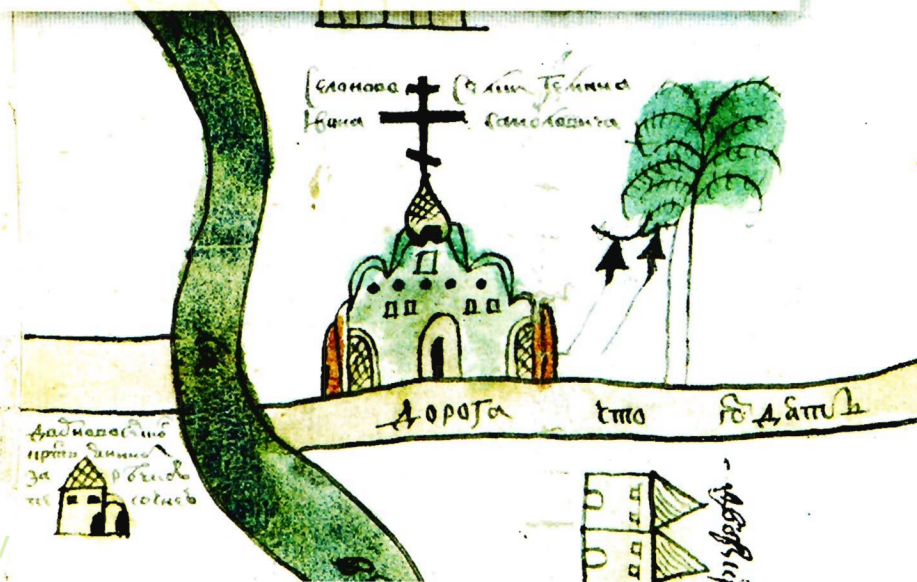
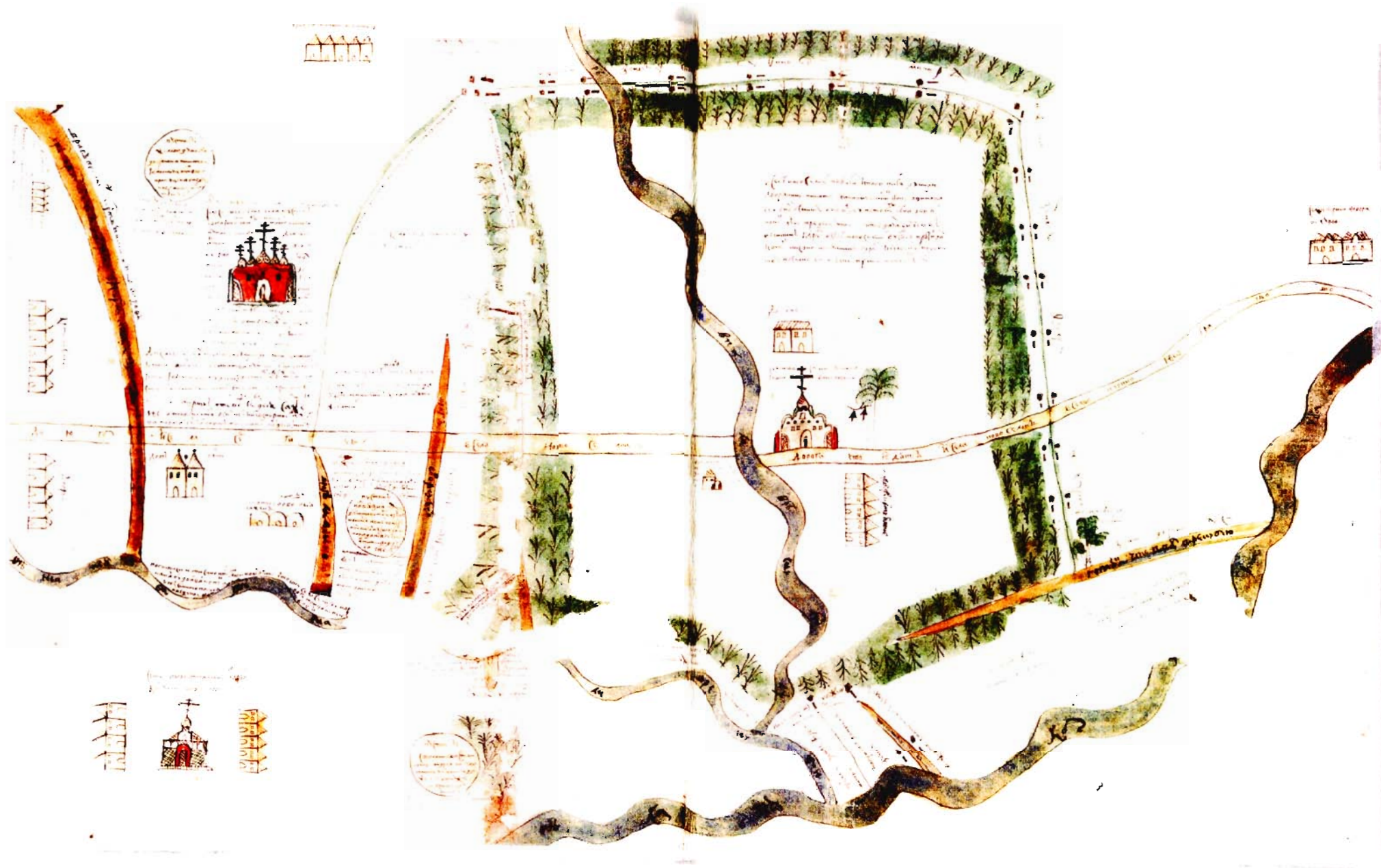

К.А. Кочегаров

Русское
правительство
и семья
украинского гетмана
Ивана Самойловича
в 1681–1687 гг.

Чертеж вотчины гетмана И.С. Самойловича —
села Новоселки и смежных владений.

Август 1685 г.

(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Д. 229)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Славяноведения

К.А. КОЧЕГАРОВ

Русское
правительство
и семья
украинского гетмана
Ивана Самойловича
в 1681–1687 гг.

Москва
2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
К75

**Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Традиции и инновации в истории и культуре»**

Ответственный редактор
доктор исторических наук Б.В. Носов

Рецензенты:
кандидат исторических наук Л.П. Марней;
кандидат исторических наук Д.Д. Богоявленский

Кочегаров К.А.

К75 Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681—1687 гг. — М., 2012. — 224 с.

ISBN 978-5-7576-0261-5

В монографии на основе новых, малоизвестных архивных источников, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, рассматриваются вопросы взаимоотношений гетмана Украины Ивана Самойловича и русских правящих кругов в вопросах матримониальной политики. Неизвестные ранее обстоятельства брака гетманской дочери Прасковьи и боярина Федора Шереметева позволяют показать тесную связь И. Самойловича с различными боярскими группировками в Москве, выявить его активное участие в имущественных и семейных делах Шереметевых. Рассматривается и тесно связанный с этим процесс получения гетманом вотчин на территории Великороссии. В книге показано, как весь этот комплекс вопросов был тесно увязан с политическими отношениями гетманской администрации и русского правительства.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-7576-0261-5

© К.А. Кочегаров, 2012
© Институт славяноведения РАН, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Вхождение Украины в состав России¹, состоявшееся в 1654 г., поставило перед русской и украинской элитами ряд важных вопросов о путях и степени интеграции в рамках единого государства. В историографии сложилось обобщенное мнение, что характер данных процессов в политической, экономической и социальной сферах определялся в целом стремлением русского правительства как можно скорее ликвидировать или нивелировать автономию Гетманщины, тогда как казачество шло на сближение вынужденно, под давлением обстоятельств.

Не возражая против данной схемы в целом, хотелось бы отметить, что существуют факты, которые в нее не укладываются. При желании можно привести достаточное количество примеров, когда гетманская власть была более заинтересована в сотрудничестве, нежели центральное правительство. Нередко степень заинтересованности в интеграции на том или ином направлении можно определить как равную и обоюдную.

Несмотря на актуальность и важность темы русско-украинских связей во второй половине XVII в. для современных историков России и Украины, их исследование сводится главным образом к изучению взаимоотношений в политической сфере. Немало иных сюжетов остаются малоизученными или же вовсе неизвестными. К одному из них, как представляется, относится политика царского правительства в отношении самого гетмана, его семьи и родственников в матримониальных, поземельных и имущественных аспектах.

Еще с древности политические контакты нередко подкреплялись родовыми, семейными и брачными союзами, что рассматривалось как дополнительная гарантия прочности и долговечности взаимоотношений. Не стали исключением в этом и русско-украинские отно-

шения второй половины XVII в. Уже в январе 1654 г., вскоре после Переяславской рады, на Украине ходили слухи о возможной свадьбе дочери Богдана Хмельницкого и некоего племянника русской царицы². Это показывает, что вариант установления родственных связей между гетманским семейством и царским двором казался современникам в тот момент вполне логичным средством укрепления недавно установившихся тесных связей Гетманства с Русским государством. Известно, что в 1665 г. гетман Иван Мартынович Брюховецкий взял в жены одну из представительниц русской знати — московскую дворянку Дарью Алферьевну Исканскую, падчерицу окольного князя Д.А. Долгорукого³.

Важную роль установление родственных связей с представителями российской элиты играло и в политике гетмана Ивана Самойловича Самойловича. Сын простого священника из волинского местечка Ходорков, он сделал головокружительную карьеру в 60-х гг. XVII столетия, пройдя за двенадцать лет путь от сотенного писаря в Красном Колье до черниговского полковника, генерального судьи и, наконец, гетмана Войска Запорожского, которым он был избран на раде в Казахьей Дубраве (недалеко от Конотопа) в 1672 г. Карьере Самойловича, помимо хорошего для своего времени образования, полученного в Киевском коллегиуме, в немалой степени способствовали и личные качества, среди которых в первую очередь следует выделить незаурядный талант политика, умевшего находить взаимопонимание с различными центрами влияния, будь то русское правительство или группировки казачьей старшины. Это предопределило то, что Самойлович владел гетманской булавой дольше, чем кто-либо из его предшественников, — целых пятнадцать лет. В 1687 г., после неудачи Первого Крымского похода, он был все-таки свергнут группой казачьей старшины при активной поддержке части русских правящих кругов во главе с В.В. Голицыным, окончив свои дни в сибирской ссылке⁴.

Примечательно, что, по всей видимости, именно на дочери Брюховецкого от Исканской женился один из сыновей гетмана Самойловича, Григорий, будучи уже черниговским полковником⁵. Но все же одним из наиболее ярких примеров матримониальной политики царского двора в отношении гетмана стал брак гетманской дочери Прасковьи и боярина Федора Петровича Шереметева, представителя одного из наиболее знатных русских родов. Брак Прасковьи и Федора

оказал заметное влияние на русско-украинские отношения в 1682—1685 гг., а его заключение и дальнейшая судьба их семьи позволяют полнее представить многие существенные стороны отношений гетмана с русским правительством.

Матримониальная политика гетмана И. Самойловича в рамках отношений с царским двором ранее не изучалась специально, хотя отдельные ее эпизоды были предметом внимания исследователей.

Впервые некоторые важные обстоятельства и факты гетманской политики, связанные с организацией сватовства дочери Прасковьи, были представлены Д.Н. Бантыш-Каменским в первом издании его «Истории Малой России». Автор, описывая посольство в Москву И.С. Мазепы в марте 1682 г., отмечал, что «предводитель козаков испрашивал тогда у царя позволения на брак своей дочери Прасковьи с князем Четвертинским; но ему в том отказано было». Бантыш-Каменский привел даже фамилии кандидатов в мужья, предложенных русским правительством взамен «польского жениха» через посредство стольника и полковника Александра Федоровича Карандеева. Исследователь не только сообщил о выборе гетманом в супружество своей дочери стольника Ф.П. Шереметева и указал время, когда состоялась свадьба, но и обратил внимание на последующие попытки Самойловича переиграть уже вроде бы состоявшуюся брачную комбинацию, сосватав Прасковью «за сына знаменитого князя Василия Васильевича Голицына». Бантыш-Каменский предположил, что исполнению этого гетманского намерения помешал «хитрый» Мазепа «для своих собственных видов». Исследователь упомянул и о назначении Ф.П. Шереметева воеводой в Киев, и о возврате им гетману приданого покойной жены⁶. При подготовке второго издания своего труда автор существенно переработал его, значительно дополнив и расширив содержание исследования. При этом он одновременно сократил или перенес из основного текста в примечания некоторые фрагменты, в число которых попали и подробности о семейной жизни гетмана Ивана Самойловича, в т.ч. и вышеприведенные сюжеты⁷.

В результате историки, в том или ином контексте обращавшиеся к событиям поиска гетманом Самойловичем партии для своей дочери Прасковьи, черпали информацию не непосредственно из труда Д.Н. Бантыш-Каменского, а из работ, авторы которых рассматривали данный сюжет на основе первого издания «Истории Малой России»,

пересказывая его не всегда верно. Это привело к ряду погрешностей в последующей историографии. Так, например, С. Терновский на основе первого издания работы Д.Н. Бантыш-Каменского писал, что Самойлович желал породниться со Святополк-Четвертинскими, но по настоянию московского правительства отдал ее за Ф.П. Шереметева. И далее, неверно интерпретируя информацию историка, он утверждал, что гетман «исполнил свое давнишнее желание» после смерти Ф.П. Шереметева⁸. Эту ошибку более чем через сто лет повторил современный украинский исследователь⁹. Хотя на самом деле Ф.П. Шереметев овдовел в 1685 г., а за племянника киевского митрополита Гedeона (Святополк-Четвертинского) была выдана не Прасковья, а младшая дочь Самойловича.

Выписки из архивного дела о поездке в Батурин А.Ф. Карандеева с указанием имен предлагавшихся правительством женихов и сообщением о выборе гетманом Ф.П. Шереметева сохранились также в бумагах (портфель № 1) российского историка Г.Ф. Миллера. В 1846 г. они были изданы О. Бодянским¹⁰, но лишь сейчас эта информация привлекла внимание историка А.С. Алмазова, который безуспешно пытался найти архивный первоисточник сведений Миллера¹¹.

Выдающиеся представители классической русской историографии второй половины XIX в. — С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров уделили браку Федора Шереметева и Прасковьи Самойлович некоторое место в своих фундаментальных трудах, посвященных соответственно истории России и Украины¹². Тогда же заметный вклад в изучение проблематики внес А. Востоков, рассмотревший попытки Шереметевых вернуть отобранное у них приданое покойной боярыни Прасковьи после свержения гетмана И. Самойловича. В своей заметке он приводит содержание росписи вещей, на возвращение которых претендовали Шереметевы¹³.

Во второй половине XX в. интерес к рассматриваемой теме проявил украинский эмигрантский историк А.П. Оглоблин, чьи взгляды во многом определили позицию современной украинской историографии. В рамках своих исследований мазепинской эпохи он уделил немало внимания связям семьи Самойловичей с московским боярством, и особенно с Шереметевыми¹⁴.

Наиболее развернуто необходимость изучения обстоятельств брака П.И. Самойлович и Ф.П. Шереметева обосновал недавно аме-

риканский исследователь русской истории Пол Бушкович. Историк отмечал по поводу этого не только связь Шереметевых с Киевом, где представители этого рода неоднократно были воеводами, но и констатировал взаимную заинтересованность русской аристократии и казацкой старшины в контактах подобного рода¹⁵. Между тем незнание историками обстоятельств женитьбы Ф.П. Шереметева на гетманской дочери приводит порой к достаточно вольной трактовке даже самого факта этого брака¹⁶.

Последствия исправлений, внесенных Д.Н. Бантыш-Каменским в переиздание «Истории Малой России», ощущаются в историографии до сих пор. Так, исследователь политической деятельности гетмана Ивана Самойловича А.С. Алмазов, не зная, вероятно, об этом, считал, что историк лишь выдвинул предположение о намерении Мазепы помешать браку дочери Самойловича в своем сочинении «Жизнь Мазепы». Считая, по всей видимости, что подкрепляет это мнение свидетельством нового архивного документа¹⁷, А.С. Алмазов на самом деле основывался на том же самом источнике, что и Бантыш-Каменский¹⁸. В обоих случаях высказанные суждения в равной степени основаны на некритическом восприятии жалобы И.С. Мазепы, что-де гетман обвинял его в «нерадении» относительно устройства брака Прасковьи Самойлович и сына В.В. Голицына.

По поводу указанной заметки А.С. Алмазова может быть высказан еще ряд замечаний. Так, он ошибочно пишет, что И.М. Брюховецкий женился «на дочери князя Долгорукого» (в действительности на менее знатной падчерице, что в данном случае весьма важно) и что Прасковья Шереметева была погребена в Михайловском монастыре (там состоялось отпевание, а само погребение — в Киево-Печерском). Делая вывод, что отношения В.В. Голицына и И.С. Самойловича, испорченные в 1677 г., «наладились» после 1682 г., автор основывается на случаях официального обмена подношениями и ходатайства гетмана перед царями по поводу женитьбы Якова Самойловича. Экстраполяция подобных сугубо протокольно-церемониальных примеров на реальные взаимоотношения обоих политиков вызывает большие сомнения. Упрощением страдают и рассуждения А.С. Алмазова, касающиеся связи просьб гетмана о назначении зятя киевским воеводой с материальным благосостоянием семьи Ф.П. Шереметева, а утверждение, что у Прасковьи «не сложились отношения с родственниками»

мужа, не имеет достаточной опоры в источниках¹⁹. В целом указанная работа, суммируя главным образом уже присутствующие в историографии факты, грешит поспешностью выводов и вносит мало нового в исследуемую проблематику. Материалы данной статьи были включены А.С. Алмазовым в его новую монографию, посвященную гетману И. Самойловичу, где были обнародованы и некоторые новые данные, непосредственно связанные с темой данного исследования. Автор справедливо отмечает, что и женитьба Шереметева на дочери гетмана, и пожалование вотчинами в Великороссии выступали средствами обеспечения лояльности Самойловича царскому престолу. Вместе с тем в рамках общего исследования фактически этой констатацией и ограничиваются попытки Алмазова исследовать политику царского правительства в отношении гетманской семьи в матримониальных и имущественных делах²⁰.

Помимо вопроса о замужестве Прасковьи, не последнее место в матримониальной политике Самойловича занимало устройство судьбы младшей дочери Анастасии, которую гетман в 1686 г. намеревался выдать замуж за племянника киевского митрополита — Юрия Андреевича Святополк-Четвертинского²¹, а также женитьба сына Якова на видной представительнице смоленской шляхты²². Обе эти темы практически не освещены в литературе, однако они имеют немаловажное значение для характеристики политики Самойловича в целом.

С матримониальной политикой гетмана связана и тема царских земельных пожалований как гетманскому зятю — боярину Ф.П. Шереметеву, так и самому Ивану Самойловичу, который пытался, среди прочего, приобрести вотчину в Великороссии на собственные средства. В литературе существуют лишь краткие упоминания об этом²³.

До Ивана Самойловича ни один гетман не взаимодействовал с Москвой столь тесно в матримониальных и имущественных вопросах. Период, который затронут в книге, — с 1682 г. до свержения гетмана в 1687 г. — является одним из наиболее важных с точки зрения избранной проблематики²⁴. Именно в 1682 г. произошли события, изменившие характер отношений царского двора к гетману и его семье. Старшая дочь гетмана Прасковья вышла замуж за боярина Ф.П. Шереметева, а его сын Яков был отпущен к отцу на Украину, что по-

ложило конец почти десятилетнему пребыванию гетманских сыновей в русской столице, в т.ч. и в качестве заложников верности царскому престолу их отца. Последующие годы, почти вплоть до свержения Самойловича с гетманства в 1687 г., характеризовались повышенным вниманием царского правительства к семейным делам гетмана. Целью этого было привязать его интересы к Москве не только в политическом, но и в личном плане. Все это стало предметом рассмотрения и анализа в данном исследовании.

В монографии в рамках изучения частных взаимоотношений царского двора и гетмана не будут специально затронуты вопросы, имеющие более формальный и церемониальный характер, как, например, официальные поздравления сторон по случаю знаменательных дат (праздники, рождение детей и т.д.), выдача царского жалованья гетману и старшине или дары Самойловича царским сановникам, в частности В.В. Голицыну, наконец, направление к И. Самойловичу врачей и лекарей из царской Аптеки²⁵.

Отношения «посольских дел оберегателя» с гетманом также изучаются в связи с обозначенными выше сюжетами, хотя вполне могут претендовать и на самостоятельное исследование. Стоит, однако, отметить, что, оперируя официальными документами Посольского и Малороссийского приказов, чрезвычайно трудно отделить отношения *ex officio* от реального расположения субъектов друг к другу. Читая наполненную взаимными любезностями и уверениями в искреннем расположении переписку Самойловича и Голицына, практически невозможно уловить ту грань, где дипломатия и политический расчет уступали место реальным человеческим чувствам. В этом смысле, как представляется, подобную корреспонденцию следует воспринимать с известной осторожностью, избегая буквальной трактовки содержащихся в ней сентенций.

Обозначенные аспекты контактов гетмана и царского двора позволяют, как представляется, не только более полно осветить частную составляющую русско-украинских связей указанного периода, но и поставить более широкие вопросы в изучении отношений Москвы и Батурина второй половины XVII в.

Поэтому, помимо выяснения фактической стороны дела, которая сегодня практически неизвестна даже многим специалистам, главной задачей работы является, с одной стороны, исследование политики

царского правительства по отношению к гетманской семье в матримониальном и имущественном вопросах, с другой — анализ связанной с этим позиции и деятельности самого Ивана Самойловича. Какие цели преследовало в этой области русское правительство и насколько позиция Москвы отвечала действиям и намерениям гетмана, совпадала с его замыслами или, напротив, им противоречила? Какие объективные и субъективные препятствия влияли на характер и прочность родственных связей между представителями правящих верхов России и Украины и как отражались на прочих (главным образом политических) взаимоотношениях сторон? Можно ли говорить, что, укрепляя личные связи с русской аристократией, гетман одновременно стремился получить больше свободы в решении внутриукраинских вопросов или вполне сознательно стремился к более тесной интеграции с общерусской политической элитой?

Конечно же окончательный ответ на поставленные вопросы может быть дан в результате систематической и глубокой научной проработки различных аспектов русско-украинских отношений на протяжении второй половины XVII в., которую отечественной историографии только еще предстоит сделать. Тем не менее проведенное исследование, как представляется, послужит изучению указанной проблематики в более широком временном и фактическом контексте.

Источниковую базу работы составили главным образом два фонда Российского государственного архива древних актов — Малороссийские дела Посольского приказа (фонд 124) и документы Малороссийского приказа (фонд 229).

Из материалов фонда 124 в основном использовались дела 1 и 3 описей. Документы описи 1 составляют, как правило, столбцы (реже тетради), содержащие статейные списки царских посланцев на Украину, статьи, подававшиеся от имени гетмана в приказ, отпуски грамот к гетману, переложения его посланий на царское имя и т.д. Опись 3 содержит оригинальные украинские документы (письма, инструкции, статьи). К сожалению, их доля в исследовании не велика по сравнению с документами московского делопроизводства, но порою они позволяют сделать весьма ценные наблюдения и уточнения.

Опись 1 фонда 224 также включает в себе столбцы, содержащие те же формы документов (письма, отпуски, статьи, инструкции), что и первая опись фонда 124. Стоит отметить, что в делах Малорос-

сийского приказа, в отличие от Посольского, находятся также документы, связанные со снабжением находившихся в Москве гетманских послов, выдачей им жалованья, а также с личными, семейными и имущественными делами гетмана. Опись 2 фонда Малороссийского приказа — это книги, которые могут содержать в себе самые разнообразные документы, как оригинальные украинские, так и материалы московского делопроизводства. В данном исследовании использовалась книга № 53, в которой фиксировалась вся входящая и исходящая корреспонденция с гетманом Самойловичем за 1682—1684 гг. (даты прибытия и выезда московских и украинских посланцев, краткое содержание привозимых ими документов, переговоров и т.д.). Подобные книги, к сожалению, не велись систематически (или не сохранились полностью) за все время существования Гетманщины в составе Русского государства во второй половине XVII в. Значение книги № 53 ценно тем, что порой она дает нам информацию о письмах и миссиях, материалы по которым в виде отдельных дел (столбцов, книг) не сохранились. Остальные описи двух вышеуказанных фондов, а также материалы других коллекций РГАДА хотя и дают некоторые важные источниковые дополнения для исследования избранной проблематики, тем не менее носят вспомогательный характер.

Из мемуарных источников в работе использовался «Дневник» Патрика Гордона, шотландского офицера на русской службе²⁶. Источник этот имеет особую ценность в связи с тем, что Гордон несколько лет прослужил в Киеве, участвовал в обороне Чигирина и Крымских походах и хорошо знал ситуацию на Украине. К сожалению, дневник сохранился не за все эти годы, однако даже материал дошедших до нас томов еще далеко не полностью исчерпан с точки зрения изучения русско-украинских отношений.

Отсутствие систематических публикаций источников из фондов РГАДА по истории русско-украинских отношений²⁷, политике царского правительства в украинских делах, деятельности гетманов в период последнего двадцатилетия XVII в. приводит к тому, что большинство историков, так или иначе затрагивающих данный период, основываются, за небольшими исключениями, на той фактической базе, которая была сформирована еще в позапрошлом столетии, главным образом трудами Д.Н. Бантыш-Каменского, С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова.

Обращение к архивным документам позволяет не только расширить наши представления об истории Войска Запорожского или в широком плане об истории Украины в составе Русского государства во второй половине XVII в., но и поставить новые вопросы и исследовательские проблемы, ранее совершенно не затрагивавшиеся или же рассматривавшиеся вскользь, в рамках более общих работ. К их числу принадлежит и тема данного исследования.

* * *

За помощь и ценные замечания, высказанные во время работы над книгой, благодарю сотрудников отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН, сотрудников Российского государственного архива древних актов и начальника отдела научной информации и публикации документов Е.Е. Рычаловского — за благожелательность и содействие в работе с документами архивных фондов; доктора исторических наук М.В. Короткову — за консультации при объяснении названий вещей и предметов украинского и русского быта XVII в.

Примечания

¹ О современной научной трактовке событий 1654 г., в т.ч. термина «воссоединение» в российской историографии, см.: *Заборовский Л.В.* Переяславская рада и московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // *Россия—Украина: история взаимоотношений*. М., 1997. С. 45; *Флоря Б.Н.* Спорные проблемы русско-украинских отношений в первой половине и середине XVII в. // *Белоруссия и Украина: История и культура*. Ежегодник — 2003. М., 2003. С. 36—37.

² Об этом доносили польским корреспондентам из Ясс, в свою очередь получив известие с Украины. О том же расспрашивали киево-печерского монаха Макария Криничского где-то в украинских городах Речи Посполитой (на Волыни?). См.: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 9. Кн. 1. Київ, 1996. С. 768.

³ См. об этом подробно: *Горобець В.* «Хочю [...] поняти б за себя московскаго народу вдову...» (Жінки в політичній біографії Івана Брюховецького) // *Соціум. Альманах соціальної історії*. Вип. 2. Київ, 2003. С. 153—160. При этом киевский полковник В. Дворецкий сватался к сестре гетманской жены (Там же. С. 158).

⁴ См. работы, в которых биография И. Самойловича представлена наиболее полно: *Костомаров Н.И.* Руина // *Исторические монографии и исследования*. Т. 15. СПб., 1882. С. 390 и след.; *Сергієнко Г.* Іван Самойлович // *Володарі гетьманської булави*. Київ, 1994; *Алмазов А.С.* Политический портрет украин-

ского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672—1687). М., 2012.

⁵ Горобець В. Вказ. праця. С. 163—164. В. Горобець предполагает, что свадьба состоялась в середине 1680-х гг., однако мне не удалось отыскать каких-либо упоминаний об этом браке в материалах Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА).

⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. Ч. 2. 1-е изд. М., 1822. С. 156, 163—165. Мнение о том, что И.С. Мазепа намеренно воспрепятствовал браку дочери гетмана и А.В. Голицына, было повторено историком в ряде последующих работ. См.: Бантыш-Каменский Д.Н. Жизнь Мазепы. М., 1834. С. 10; *Его же*. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 3. К.М. М., 1836. С. 234.

⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. 2-е изд. Ч. 2. От присоединения сей страны к Российскому государству до избрания в гетманы Мазепы. М., 1830. С. 186. См. также: Примечания. С. 40—41.

⁸ Терновский С. Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату // Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 5. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620—1694 гг.). Киев, 1872. С. 97.

⁹ Харишин М.В. Історія підпорядкування Української православної церкви Московському патріархату. Київ, 1995. С. 132.

¹⁰ Миллер Г.Ф. Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах. СПб., 1846. С. 63.

¹¹ Алмазов А.С. Политический портрет... С. 260.

¹² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 365—366, 368, 375; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 641—642. Историк ошибочно указывает, что местом последнего упокоения боярыни Прасковьи стал Михайловский монастырь (на самом деле — Киево-Печерский).

¹³ Востоков А. Приданое П.И. Шереметевой // Киевская старина. 1888. Т. 22. № 8. С. 39—45.

¹⁴ Оглоблин О. Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. С. 175—176. Историк также ошибочно говорит о Ф.П. Шереметеве как о покойнике применительно к первым годам гетманства И.С. Мазепы (Там же. С. 176), видимо не без влияния работы С. Терновского (А.П. Оглоблин не дает ссылки, поэтому однозначно этого утверждать нельзя).

¹⁵ Бушкович П. Россия и Украинское гетманство в 1653—1725 годах // Белоруссия и Украина: история и культура. Ежегодник — 2003. М., 2003. С. 84—85.

¹⁶ Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. С. 261. Историк утверждает, что Ф.П. Шереметев якобы «познакомился в Украине с дочерью гетмана Ивана Самойловича и женился на ней».

- ¹⁷ Алмазов А.С. Использование гетманом И.С. Самойловичем родственных связей с московским боярством как одного из средств усиления своего политического и общественного веса на Левобережной Украине // Ключевские чтения — 2011. Т. 1. Василий Осипович Ключевский и познание русской истории: Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2011. С. 112—113.
- ¹⁸ Речь идет о деле, хранящемся в РГАДА: Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 25.
- ¹⁹ Алмазов А.С. Использование гетманом И.С. Самойловичем... С. 112—114.
- ²⁰ Алмазов А.С. Политический портрет... С. 194—197.
- ²¹ См. упоминания об этом в историографии: Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен... 1-е изд. Ч. 2. С. 173, 178, 180; Там же. Ч. 3. М., 1822. С. 9 (при переработке своего труда историк перенес сведения о выезде в Россию Ю.А. Святополк-Четвертинского в примечания. См.: Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. 2-е изд. Ч. 2. М., 1830. Примечания. С. 44); Соловьев С.М. Указ. соч. С. 394, 472, 476—477; Оглоблин О. Вказ. праця. С. 82. К.В. Харлампович (Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 221) и Г. Сергиенко (Сергієнко Г. Вказ. праця. С. 374) ошибочно утверждали, что князь Юрий был уже женат на дочери И. Самойловича к моменту избрания в киевские митрополиты епископа Гedeона.
- ²² О последнем факте упоминал еще Д.Н. Бантыш-Каменский (Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен... 1-е изд. Ч. 2. С. 164), а также А.С. Алмазов (Алмазов А.С. Использование гетманом И.С. Самойловичем... С. 113).
- ²³ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен... 1-е изд. Ч. 2. С. 165; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 374; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 643; Плохинский М.М. Гетман Мазепа в роли великорусского помещика // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 4. Харьков, 1892. [Отд. 3]. С. 25—26.
- ²⁴ В книге не будет рассматриваться специально судьба гетманской семьи после свержения, за исключением сюжетов, связанных с дочерью Анастасией и ее женихом князем Ю.А. Святополк-Четвертинским.
- ²⁵ Последнюю тему я планирую рассмотреть в отдельной статье.
- ²⁶ Гордон П. Дневник, 1684—1689. М., 2009. См. также: Кочегаров К.А. Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679—1680 гг. (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона) // Славянский альманах — 2010. М., 2011.
- ²⁷ Наиболее фундаментальная публикация источников по русско-украинским отношениям, «Акты Южной и Западной России», заканчивается, как известно, 1678 г. (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 13. 1677—1678. СПб., 1884). Большое значение имеет также публикация переписки гетмана И.С. Мазепы, начатая украинским исследователем В.В. Станиславским (Листи Івана Мазепи. Т. 1. 1687—1691. Київ, 2002; Т. 2. 1691—1700. Київ, 2010), однако это почти единственный пример систематической публикаторской деятельности на данном направлении.

Глава 1

**РУССКО-УКРАИНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
О БРАКЕ ДОЧЕРИ ГЕТМАНА И ЕЕ ЗАМУЖЕСТВО
С БОЯРИНОМ Ф.П. ШЕРЕМЕТЕВЫМ**

I

Источники, непосредственно касающиеся начала переговоров Москвы и Батурина о браке гетманской дочери, не сохранились. Данные события возможно реконструировать лишь на основе позднейших документов, составленных спустя более чем полгода, данные которых в значительной мере не полны. Прежде всего это дело о поездке весной 1682 г. к гетману Самойловичу стольника и стрелецкого полковника Александра Федоровича Карандеева вместе с подьячим Малороссийского приказа Емельяном Шестаковым¹.

По свидетельству Карандеева, в апреле 1682 г. гетман говорил ему, что еще осенью 1681 г. в русскую столицу был послан Иван Степанович Мазепа, среди прочего, «бити челом», чтобы царь Федор «пожаловал ево, гетмана, за верные <...> службы и радение, указал отдать ему, гетману, дочь свою, девицу Парасковью в сочетание законного брака мужеви, в державу королевского величества полского, русской благочестивой веры, а не католику — князю Четвертинскому». Однако возвратившийся в Батурин Мазепа поведал, «что ему, гетману <...> будучи в подданстве под высокодержавною его царского величества рукою и верных многих его государских службах пребываючи, в державу иных посторонних государей, которые и несть католики и иных вер, но благочестивых, дочь свою в сочетание законного брака мужеви, опричь государства его царского величества отдать не годитца, и естли б то могло учинитися и ему, гетману, было то ото многих в подозрение, что опричь государства великого государя <...> отдал дочь свою в Полшу, с которыми поляки у Войска Запорожского из давних лет были ссоры и войны великие, и Войско Запорожское, учиняс у царского величества в подданстве за его государскою обороною <...> ис полского ига свободены»².

Дело о приезде И.С. Мазепы в Москву осенью 1681 г. не было обнаружено нами в архиве (вполне возможно, оно не сохранилось). По

расходным столбцам Малороссийского приказа можно установить, что гетманский «проезжий лист» знатному войсковому товарищу Мазепе датирован 15 октября. Прибыл он в русскую столицу 30 октября в товариществе 5 казаков (всего «свита» составляла 9 человек). 11 ноября последовал указ приобрести для Мазепы царское жалование — 10 аршин сукна («лундыш») и 5 аршин камки, которое он должен был получить на отпуске³. Видимо, вскоре после этого дня Мазепа покинул Москву. Известно также, что посланец 31 октября подал в приказ гетманскую инструкцию⁴.

Второй раз, по словам гетмана А.Ф. Карандееву, Мазепа вел переговоры в Москве о браке гетманской дочери уже весной 1682 г. Он просил царского позволения выдать дочь «замуж за своего царского величества какого за боярина и(с) славного давного дому». В ответ Мазепе заявили, «чтоб он, гетман Иван Самойлович, выбрал дочери в мужá московского государства из родов давних, и славных, и богатых, и всегда в чести пребывающих»⁵.

Дело о приезде Мазепы в Москву в марте 1682 г. не только сохранилось⁶, но и было частично введено в научный оборот еще Н.И. Костомаровым⁷. Однако в его материалах и, в частности, в гетманской инструкции Мазепе нет никаких намеков на переговоры посланца с царским правительством по поводу брака Прасковьи. На совещаниях в Посольском приказе Мазепа, прибывший в Москву 22 марта, обсуждал ряд важных вопросов: винные откупа, обмен пленными с крымскими татарами, заселение наместником молдавского господаря Яном Драгиничем земель на Правом берегу Днепра, конфликт между жителями гетманского «регимента» и Слободской Украины, организацию селитряных промыслов для гетманских казаков на землях Ахтырского полка, расквартирование наемных полков, посылку царских войск в малороссийские города и жалование для казаков Запорожской Сечи и проч.⁸ В данной Мазепе гетманской инструкции также отмечалось, что тому приказано говорить «изустно о известных делах»⁹. Однако в записи переговоров в Посольском приказе отмечен лишь один вопрос, который косвенно был связан с делом сватовства гетманской дочери. Мазепа говорил, что «многие годы Киевская митрополия вдовствует и пастыря не имеет. И о том-де, как духовная, так и посполитый народ скорбят». Самойлович, сообщил Мазепа, собирается «по обещанию» нынешним летом ехать в Киево-Печерскую лавру, чтобы

«говорить о том духовным, как бы учинить в Киеве митрополию с благословения святейшего московского патриарха». В связи с этим гетман просил соответствующего царского указа, а также подобрать и прислать необходимые выписки из статей и переписки с предыдущими гетманами: «...и буде наперед де сего при обрании гетманском или в пересылках что было, о том бы выписать и ему отписать, чтоб он ведал, как з духовными киевскими в том поступать»¹⁰.

Связь этих гетманских инициатив с намерением выдать замуж Прасковью Ивановну становится понятной, если учесть, что в 1685 г. при поддержке Самойловича киевским митрополитом был избран выехавший из Речи Посполитой луцкий епископ князь Гедеон (Святополк-Четвертинский), с которым гетман хотел породниться, выдав замуж одну из своих дочерей, сначала, в 1681 г., — за сына (?), а в дальнейшем, в 1686 г., — за племянника князя¹¹.

У Д.Н. Бантыш-Каменского не было достаточно оснований, чтобы прояснить, к кому сватал свою дочь гетман в 1681—1682 гг. — к племяннику епископа Гедеона Юрию или к кому-то еще из князей Святополк-Четвертинских¹². И действительно, внимательный анализ известных источников не дает однозначного ответа на данный вопрос. Так, во время переговоров с подьячим Малороссийского приказа Иваном Тороповым (о них см. ниже), И.С. Мазепа утверждал, что гетман просил царя Федора о позволении на брак дочери именно с сыном епископа Гедеона. Кроме того, известно, что князь Юрий Святополк-Четвертинский, племянник Гедеона, выехавший в Россию в 1686 г., был католиком, тогда как в 1681—1682 гг. речь шла именно о представителе рода Святополк-Четвертинских, исповедовавшем православие. Таким образом, скорее всего, в каждом отдельном случае речь шла о разных лицах. Вместе с тем в родословных росписях князей Святополк-Четвертинских нет сведений о детях епископа Гедеона (а следовательно, и о вступлении его в брак)¹³, отсутствие которых косвенно подтверждается и фактом хиротонии его в луцкие владыки в возрасте моложе тридцати лет¹⁴.

Похожая ситуация имела место ранее: в 1663 г. велись переговоры о женитьбе кандидата на гетманство И.М. Брюховецкого на дочери епископа Мстиславского и Оршанского и местоблюстителя Киевской митрополии Мефодия (Максима Филимоновича). И хотя эта брачная комбинация не была осуществлена, позднее Мефодий и Брюховецкий породнились путем брака дочери епископа и племянника гетма-

на¹⁵. Этот факт, вкупе с последующими попытками Самойловича породниться с киевским митрополитом Гедеоном, свидетельствовал о важной тенденции в жизни политической элиты Украины. Гетманы, будучи выходцами из средних социальных слоев (Брюховецкий — по видимому из мелкой шляхты, Самойлович — из низшего духовенства), выдвигали планы укрепления своего положения в правящей элите путем завязывания родственных связей, в т.ч. и с первенствующими иерархами Киевской митрополии, также рассчитывавшими получить от этого определенные политические выгоды.

Кроме того, установление родственных связей между двумя наиболее влиятельными группами украинской элиты — генеральной старшиной и высшим киевским духовенством — выступало средством консолидации украинской элиты вообще. Особенную важность это имело в свете того, что события середины столетия привели к радикальным переменам в социальной структуре украинского общества и формированию новой элиты, которая всячески стремилась закрепить свои недавно приобретенные позиции как путем укрепления материального благосостояния, так и практикой мезальянсов.

II

Ключевым этапом в переговорах Москвы и Батурина о замужестве Прасковьи Самойлович стала миссия на Украину А.Ф. Карандеева и Е. Шестакова. Царский указ об их поездке появился 2 апреля¹⁶, за 25 дней до смерти царя Федора Алексеевича и последовавших за ней бурных событий мая 1682 г. 5 апреля Карандеев и Шестаков в товариществе И.С. Мазепы покинули Москву и 14 апреля прибыли в Батурын. На следующий день Мазепа позвал обоих на аудиенцию к гетману¹⁷.

Среди прочего на встрече обсуждался и вопрос о Киевской митрополии. В соответствии с просьбой гетмана, переданной ранее через Мазепу, Карандееву была выдана «о Киевской митрополии <...> с постановленных статей выписка, как о том в статьях написано»¹⁸. Соответственно и в статейном списке Карандеева и Шестакова кратко отмечено, что стольник и полковник говорил Самойловичу об избрании киевского митрополита «против постановленных переяславских статей»¹⁹, вручив ему полученную из Малороссийского приказа выписку. Гетман ответил, что собирается осенью поехать помолиться в Киево-Печерский монас-

тырь, где будет держать совет со старшиной и церковными иерархами, по результатам которого придет в Москву «статьи»²⁰.

Однако самой важной темой на встрече Самойловича и Карандеева стала женитьба гетманской дочери. После обсуждения предыдущих договоренностей (см. об этом выше) стольник объявил имена предлагавшихся московским правительством женихов. Ими были (в порядке перечисления в статейном списке): сын боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, стольник Федор Петрович Шереметев, стольники князь Григорий Федорович Долгорукий и Федор Матвеевич Пушкин, сын окольничего Матвея Степановича, а также не названный по имени сын Федора Плещеева²¹ (возможно, Семен Федоров сын Плещеев, упоминающийся как комнатный стольник царя Петра Алексеевича в сентябре 1683 г.²²).

Г.Ф. Долгорукий впоследствии стал известным дипломатом Петровской эпохи, много лет был русским резидентом в Речи Посполитой. «Человек деятельный, активный и самостоятельный, европейский дипломат», — так характеризует его исследователь русско-польских отношений конца XVII — начала XVIII в., польский историк Я. Бурдович-Новицкий²³. Жизнь другого кандидата в женихи — Ф.М. Пушкина окончилась трагически. В 1697 г. он был казнен за участие в заговоре стрелецкого полковника И.Е. Цыклера²⁴.

Сам гетман, впрочем, еще ранее прочил в женихи своей дочери сына В.В. Голицына, Алексея, которого в списке не оказалось, поскольку, по имеющимся данным, на соответствующую просьбу Самойловича, переданную через Мазепу весной 1682 г., В.В. Голицын ответил отказом²⁵.

Однако даже определиться с женихом на основе предложенного списка гетман должен был по рекомендациям Москвы. Карандеев, по всей видимости, не знал (об этом свидетельствует его допрос в приказе по возвращении в Москву), что выбор предрешен, поэтому в соответствии с полученными им формальными указаниями предложил Самойловичу, чтобы он, «помысля, выбрал дочери своей в мужа» из представленных кандидатур. При этом стольник и полковник уверял, что все они «люди в Московском государстве искони великославные и честные, родов боярских и богатые». Гетман поблагодарил за царскую милость и, как отмечено в статейном списке, «от радости прослезился». Самойлович сказал, что он «о том законном сочетании помыслит з же-

ною и детми и з генералною старшиною, а вначале будет молитца Богу и молебствовать». Обсуждение царских предложений длилось с 15 по 23 апреля. «И многие у него (у гетмана. — К.К.) о том слезы были», — констатировалось в статейном списке Карандеева и Шестакова.

Гетман считал нужным посоветоваться и с севским воеводой и думным дворянином Леонтием Романовичем Неплюевым, который «по грамоте» Самойловича прибыл в Батурин 22 апреля. Это подтверждает и запись в статейном списке, что ответ Карандееву гетман дал «при бытности» Неплюева в гетманской ставке. По словам Самойловича, он, «помысля з домашними своими и с старшиною, всемогущему Богу и Пречистой его Богоматери и киево-печерским чудотворцом и всем святым молебствовал и пред святыми иконами метал жребий, на кого именем вынетца, и изволением праведнаго Бога и Пречистой Богородицы и за молитвами всех святых и по указу великого государя в ден святаго великомученика Георгия (23 апреля ст.ст. — К.К.) вынимался жребий к сочетанию законного брака дочери ево гетманской дважды Федорово имя Петровича Шереметева»²⁶.

Однако, как уже отмечалось, помимо божественной воли в форме жребия, на выбор Самойловичем и его ближайшим окружением кандидатуры Ф.П. Шереметева повлияли и доводы вполне рационального порядка, и в первую очередь рекомендации, полученные гетманом из Москвы. Об этом мы узнаем из ответного письма гетмана боярину И.М. Языкову, который был «первым министром»²⁷ царствования Федора Алексеевича и одним из главных организаторов сватовства. «Изволил твоя милость дати мне совет, чтоб я с ним вступал в сватовство», — напоминал Языкову гетман, говоря о П.В. Большом Шереметеве. Кроме того, при посредстве Языкова Самойлович «подлинно уведомился», что и царь Федор поддерживает эту кандидатуру. «А так, узнав я в той мере Божией предуведение, все иные до того домового дела мысли моей с человеческой немощи всякое намерение оставя, полагаю на добродетельном совете вашей велможности и мою убого человека волю», — подводил итог гетман, констатируя, что согласен отдать дочь за Ф.П. Шереметева²⁸.

После определения с кандидатом в женихи Самойлович попросил А.Ф. Карандеева, чтобы царь назначил П.В. Большого Шереметева воеводой севского и белгородского полков с резиденцией в Курске, а его сына Федора пожаловал «повышением чести» и «отпустил с Мос-

квы к нему, гетману, в Батурин, не задержав». Федор даже не должен был заезжать в Курск по дороге, «чтоб по милостивому его великого государя указу то законное сочетание совершит нынешним мясоедом за неделю до Троицына дня», т.е. 28 мая (в 1682 г. день Св. Троицы приходился на 4 июня).

Гетман просил о назначении в свадебный поезд по царскому указу («а в поезде быт кому великий государь укажет»), считая, что в нем «пристойно» принять участие старшему брату жениха Борису Петровичу Шереметеву, князю Якову Алексеевичу Голицыну²⁹, Л.Р. Неплюеву, самому А.Ф. Карандееву. В дружки жениха гетман предлагал севского дьяка Клим Судейкина или «кому государь укажет». Всех, кто должен был выехать из Москвы, гетман предложил отпустить «налегке, без великих зборов и уборов, чтоб великих убытков обеим сторонам не было, и в тех уборах на обе стороны умаления чести не будет».

Изложив свои соображения по поводу сватовства и свадьбы, в конце разговора Самойлович просил отпустить из Москвы вместе с Ф.П. Шереметевым и его сына Якова³⁰.

Шереметевы — потомки московского боярина Андрея Кобылы — входили в число наиболее родовитой старомосковской нетитулованной знати и крупных вотчинников России³¹. Отец жениха Петр Васильевич Большой Шереметев был одним из самых влиятельных и состоятельных вельмож московского двора. Как единственный сын боярина Василия Петровича, он унаследовал значительные земельные владения³². После того как его дядя Василий Борисович Шереметев попал в крымский плен под Чудновом (1660 г.), Петр Васильевич стал в России старшим в своем роду³³. К началу 1660-х гг. он зарекомендовал себя опытным государственным деятелем и дипломатом. В 1662—1663 гг. Шереметев-старший был воеводой в Севске, а с 1666 г. несколько лет исправлял ту же должность в Киеве, в т.ч. и во время трагических событий восстания гетмана И.М. Брюховецкого 1668 г., сумев приобрести себе авторитет среди казацкой старшины и других слоев украинского общества. Известен случай, когда Шереметев, получив взятку от киевских мещан за вывод с Подола рейтар, построил на эти деньги солдатам избы в Верхнем городе. Он добился прекращения неконтролируемых поборов с киевских мещан и посольства со стороны гетмана И.М. Брюховецкого, выступил против предложения московского правительства закрыть братскую школу при киевском Богоявленском монастыре, считая, что это может вызвать

недовольство украинского общества³⁴. Когда сторонник правобережного гетмана П.Д. Дорошенко митрополит Иосиф Нелюбович-Тукальский предложил ему добровольно передать Дорошенко Киев, намекая, что в противном случае воеводу может ожидать участь попавшего в плен к татарам дяди, Шереметев ответил, что ему то «не страх и не печаль, но радость и веселие, что за Христа и великого государя умирать». Он выразил готовность вместе с вверенным ему гарнизоном «за Киев стоять и умирать, покамест наши души есть в теле»³⁵.

Сам жених — Ф.П. Шереметев родился где-то между 1653 и 1658 гг.³⁶ Придворную службу он начал во второй половине 1670-х гг., в т.ч. был рындой на приемах иностранных послов³⁷. В 1681 г., когда его отец три месяца вновь был киевским воеводой, Федор находился при нем в товарищах³⁸. Как установил П.В. Седов, П.В. Большой Шереметев был выслан в Киев вместо возвращенного с дороги (якобы из-за болезни) князя П.С. Прозоровского, для которого это назначение историк считает «очевидной немилостью»³⁹. Возможно, и для Шереметева-старшего оно означало то же самое. Однако опала если имела место, была кратковременной. Вскоре боярин вернулся в Москву и в ноябре 1681 г. вошел в состав недавно созданного высшего судебного органа — Расправной палаты⁴⁰.

25 апреля Иван Самойлович вручил А.Ф. Карандееву грамоту к царю Федору и отпустил его в обратный путь. Однако прибывший 5 мая⁴¹ в русскую столицу стольник не только не застал царя в живых, но и обнаружил, что сам он отставлен от командования полком за злоупотребления и взятки и даже приговорен к наказанию кнутом⁴². К власти на короткое время пришла боярская группировка Нарышкиных, которым удалось провозгласить царем Петра — младшего сына царя Алексея Михайловича. Поэтому возвратившийся в Москву Карандеев «был допрашиван» (формально — уже по указу царя Петра, но кем конкретно — не указано) о результатах своей поездки на основе поданного им в Малороссийский приказ «письма». В нем кратко излагалась предыстория сватовства гетманской дочери, при этом констатировалось, что на просьбу Самойловича отдать дочь «в супружество в сторону королевского величества польского за князя Четвертинского» его посланцу Ивану Мазепе по царскому указу «в том отказано». Второй приезд Мазепы в марте 1682 г. уже связывался с просьбой гетмана выдать Прасковью за русского боярина.

В связи с этим А.Ф. Карандеев должен был разъяснить «подлинно», в каком году было «первое гетманское челобитье о выдании дочери своей за князя Четвертинского» и кто ему объявлял царский указ «о выбрани женихов Московского государства» для Прасковьи⁴³. Стольник и полковник сообщил, что указ «сказал» ему боярин и оружейничий Иван Максимович Языков, при этом «ис приказу Малыя России в наказе о том ему, Александру, не написано и на писме ему ни откуды не дано». Ни о времени первого гетманского челобитья, ни о том, «доносил» ли Мазепа в оба приезда гетманские просьбы «словесно» или «на писме подавал», Карандеев не знал. Он лишь пересказал содержание привезенной им грамоты Самойловича, в которой последний благодарил царя Федора за позволение отдать дочь «Московского государства высокого из родов дому за боярина в супружество»⁴⁴.

III

После принятия гетманского решения о кандидатуре жениха в Москву из Батурина немедленно выехал старший канцелярист Василий Леонтьевич Кочубей. В столицу он, видимо, прибыл даже раньше А.Ф. Карандеева, 3 мая⁴⁵. В грамоте на имя покойного царя Федора (от 25 апреля)⁴⁶, привезенной старшим канцеляристом, гетман в самых изысканных и хвалебных выражениях благодарил монарха за позволение на брак Прасковьи с одним из московских вельмож. «Изо уст <...> столника и полковника (А.Ф. Карандеева. — *К.К.*) услышал есмь, что не токмо о народных нуждах вся страны малороссийские, подо мною благодатию Божиею и вашею монаршескою благостынею обретающейся (в оригинале «обретающе ея». — *К.К.*), милосердно промышляете, — угодливо писал Самойлович, — но и особственно о убогом дому моем, дело потребное приведячи к належитому желания моего совершенству превысоким своим монаршеским величеством благостынное прилагати изволяете милосердие»⁴⁷. Гетман притворно сетовал, что не достоин столь высокой милости, что не может вообразить себе, как отблагодарить за оказанную ему услугу, что даже вся его «недолгая» служба царям (10 лет!) недостаточна, чтобы получить царскую милость, которую он принимал «внутри» своего сердца⁴⁸. «Вы пресветлый благодетелю, — продолжал славословие Самойлович, — подобася Богу, всем благая дающему не тако по моей службе, яко по

своему милосердому изволению, велию милость свою аки отец показывая, во исправления настоящего домаго дела моего милостиво влагаетесь, прото и я, верный ваш, царского пресветлого величества подданной, многократным к ногам монаршеским челобитьем моим покорственно благодарствую и худой особы моей волю в изыщную и многомогущую волю вашу монаршескую и сердца моего изволения в Божие предвидение и в ваше царского пресветлого величества благо разсмотрительное предприятие влагаю». Далее гетман сообщал о своем выборе, павшем на Ф.П. Шереметева. Лицемерно выражая надежду, что выбор этот будет одобрен в русской столице, Самойлович обещался верно служить царю со всем своим «домом», просил его «соединяющихся законному браку <...> соблюдать в милосердом своем призрении». С Кочубеем гетман ожидал окончательного царского указа по поводу намеченного бракосочетания⁴⁹.

Кроме того, старший канцелярист привез уже упоминавшееся гетманское письмо И.М. Языкову, в котором Самойлович благодарил боярина за поддержку и просил и впредь оказывать ему протекцию при московском дворе⁵⁰. Гетман убеждал Языкова, что от своих посланцев, часто «бывающих у пресветлого престола монаршеского», не раз слышал о боярине как о человеке, который «по своей истинной добродейской благодетели от истинного сердца походячими словами» желает ему добра. «Извол же ваша велможность, — просил он, — желати мне то, что может быть ко утешению, а я, как со всем домом моим в милосердную надежду монарха нашего отдался есмь и вечно отдаюсь, так и вашу милость во всяких моих нуждах беру себе за предстателя и заступника». Самойлович просил сообщить ему как можно скорее об окончательном решении царя по поводу брака его дочери. Как и в разговоре с Карандеевым, он выражал надежду, что свадьба совершится «сего мясоеду»⁵¹. Известно, что в мае же гетман испросил благословение на брак дочери от московского патриарха^{51а}.

Сохранилась данная Кочубею инструкция, содержащая вопросы, которые он должен был обсудить с главой Посольского и Малороссийского приказов думным дьяком Ларионом Ивановым⁵². Документ этот не касался «домовых дел» Самойловича. Помимо традиционных опасений гетмана касательно польских происков против России и Украины и связанной с этим необходимости укрепления пограничных городов (прежде всего царской «отчины» — Киева),

Кочубей также должен был потребовать выдачи беглых малороссиан, поселившихся в слободах недалеко от Конотопа, основанных пугивльскими помещиками недалеко от территорий, находившихся под гетманской властью, а также уничтожения самих слобод⁵³. Вопрос этот уже ранее обсуждался в рамках отношений Батурина и Москвы⁵⁴, и Самойлович вновь обращал внимание русского правительства, что побег из городов «его регимента» приводят к снижению числа податного населения, а соответственно к сокращению средств на содержание охотничьего войска, которое, как напоминал гетман русским властям, существует для «зажитку державы <...> монаршое». Гетман заявлял, что он неизменно выдает беглецов приезжающим к нему русским дворянам или же дает универсалы на сыск таковых, и выражал готовность согласиться с побегам в Великороссию при условии отказа русского правительства от подобной же практики в отношении Украины⁵⁵. Данное предложение демонстрировало отсутствие принципиальных возражений у гетманской власти против взаимного переселения жителей Великороссии в Малороссию и обратно, что способствовало бы дальнейшему сближению украинского и русского народов в рамках единого государства. Не исключено, что теперь, после сватовства Прасковьи и Федора Шереметева, Самойлович рассчитывал, что его просьба встретит в русской столице большее понимание, нежели раньше. Однако ни об обсуждении Кочубеем каких-то политических вопросов, ни о реакции русского правительства на гетманские просьбы на данный момент ничего неизвестно.

По приезде в столицу Кочубея боярин Петр Васильевич Большой Шереметев звал к себе в гости жившего в столице гетманского сына — Якова, а затем нанес ему ответный визит уже вместе с женихом «и по рукам бил»⁵⁶. Рукобилье означало окончательную договоренность о свадьбе. Однако уже почти решенное дело вдруг расстроилось по неясным до конца причинам. Возможно, сказалось произошедшее 1 мая отстранение от власти И.М. Языкова вместе с другими фаворитами царствования Федора⁵⁷, означавшее и удаление его от дела сватовства (что подтверждается и фактом расспроса вернувшегося в Москву Карандеева), и усиление влияния приближенных нового царя (в т.ч. прибывшего 12 мая вечером в столицу А.С. Матвеева⁵⁸), которые имели свои виды на брак гетманской дочери. Так или иначе, в грамоте Самойловичу от 13 мая 1682 г., несмотря на «обнадеживание» гетмана от

имени воцарившегося монарха содержать его в «милостивом жалованье и в призренье» за «верные и радетельные службы и о Войске Запорожском, и о посполитом народе малороссийском всегдашнее попечение и против неприятельского наступления храброе и мужественное с Войском Запорожским ополчение», сообщалось об откладывании свадьбы Прасковьи и Федора на неопределенный срок. Вместе с тем московское правительство подтверждало принципиальное согласие на этот брак: «И мы, великий государь <...> того благого и милостивого к тебе намерения брата нашего <...> не отлагаем, — говорилось в царской грамоте, — но еще и милостиво к совершению того доброго дела призрити изволяем, но <...> того дела ныне ради настоящего, по воли Божией учинившагося случая к совершению привести невозможно». В грамоте содержалась ссылка на более пространное разъяснение причин данного решения, направленное гетману с выехавшими на Украину думным дворянином Иваном Афанасьевичем Желябужским и дьяком Максимом Бурцовым⁵⁹. Обнаружить отпуск этой грамоты в деле о поездке Желябужского (о ней см. ниже) мне не удалось.

Стрелецкое восстание 15—17 мая, сопровождавшееся убийствами многих представителей русских правящих кругов, тем более заставило и русское правительство, и, по всей вероятности, боярина П.В. Большого Шереметева, который в числе прочих уговаривал 15 мая пришедших к Грановитой палате стрельцов разойтись⁶⁰, на время «забыть» о планах женитьбы сына.

Это вызвало опасения гетмана Самойловича, который был серьезно обеспокоен отсутствием из русской столицы каких-то вестей. 10 мая он получил послание от Кочубея, что тот будет вскоре отпущен обратно, однако возвращение канцеляриста затягивалось, а новых писем не было. 25 мая встревоженный гетман писал Л.Р. Неплюеву: «...а что так продолжилось, того не могу дожидаться до сего часа, о том немало скорблю, что не имею с Москвы не только от него (Кочубея. — К.К.), но от иных ни от кого никакой ведомости приятельской». Гетман просил севского воеводу сообщить ему последние известия о событиях в Москве, уверяя Неплюева, что «от того немалая будет сердцу моему утеха»⁶¹.

Уже после некоторой стабилизации обстановки в русской столице Василий Кочубей покинул Москву 21 мая вместе с подьячим Малороссийского приказа Иваном Тороповым⁶². Приехавший туда с отпиской Л.Р. Неплюева севский подьячий Захар Титов сообщил, что

встретил их 22 мая «на Наре-реке в обед», а еще 17 мая в Севск прибыл посланный Кочубеем в Батурин казак. Он переговорил о чем-то с Неплюевым и двинулся дальше⁶³, видимо, не только с сообщением о московских событиях 15 мая, но и о рукобיתье Шереметева-отца с Яковом и решении царского правительства отложить свадьбу.

Майские волнения стрельцов и борьба боярских группировок внесли свою долю неразберихи и в русско-украинские отношения. Еще 28 апреля появился царский указ с приказанием ехать на Украину И.А. Желябужскому и М. Бурцову для принятия присяги гетмана, старшины и казаков, а также остального населения царю Петру⁶⁴. 16 мая они прибыли в гетманскую ставку, а 17 мая гетман Самойлович, старшина, рядовые казаки и прочие жители Батурина «в соборной церкви <...> пред Святым Христовым Евангелием» учинили присягу на верность царю Петру Алексеевичу «и у крестоприводной записи руками своими подписали». В остальные полки «приводить к вере» были направлены четверо московских дворян и гетманские посланцы с соответствующими универсалами⁶⁵. Впоследствии в июне 1682 г., после провозглашения царями двух братьев — Ивана и Петра, украинскому населению пришлось присягать повторно, уже двум монархам.

Выехавший с Кочубеем Торопов был направлен навстречу возвращавшимся с Украины Желябужскому и Бурцову. 26 мая подьячий и канцелярист встретили царских посланцев в Болхове. Торопов передал им царский указ ехать обратно к гетману с сообщением «о стрелецком челобитье на столников и полковников в налогах и во взятках и о стрелецком приходе в Кремль и о побиении от них бояр и думных людей и столников». Самойлович, выслушав вторично прибывшего к нему Желябужского, «предал то судбам Божиим». 1 июня гетман отпустил Желябужского и Бурцова, оставив Торопова в Батурине «для дел великого государя и для вестей»⁶⁶.

2 июня И. Самойлович вновь пригласил И. Торопова к себе «тайно», чтобы еще раз подробно расспросить его как очевидца «о приходе стрелцов в Кремль и о убивстве от них бояр». Подьячий гетману «сказывал подробну, как было». После обсуждения событий московской смуты гетман перешел к личным вопросам. Он напомнил Торопову, что еще при жизни царя Федора по его указу «зачалось у нево домовое дело» с боярином П.В. Большим Шереметевым. При этом гетман отметил, что после смерти Федора Алексеевича устроению брака

способствовала («милосердовала») мать царя Петра, царица Наталья Кирилловна. Получив из Москвы известие о решении правительства отложить свадьбу, обеспокоенный гетман спросил подьячего: «И то дело в совершенство притти может ли, и Федор Петрович каков возрастом, и нрав у него лехкой ли, и к их нравом поступен ли будет?» Торопов подтвердил, что ныне свадьбе состояться «невозможно», сославшись и на то, что Самойловичу было сообщено об этом в отправленной от имени царя Петра грамоте. «А как по милости Божии ныне время успокоитца, — продолжал подьячий, — и то ево дело по указу великого государя в совершенство притти может, а Федор Петрович молодец доброй, и дому старова и честнова, и нрав у него лехкой, и иных нравов будет поступен, толко что он не богат».

Гетман тем не менее продолжал настаивать на назначении П.В. Большого Шереметева воеводой в Курск, предлагая, чтобы Федор был у него «в товарищах». «И как нынешнее время успокоитца, чтоб указал великий государь домашнее ево дело в совершенство привести, — попросил он и добавил, — а в богатстве надежда вся на Бога, да и он, гетман <...> не покинет» своего зятя⁶⁷. Впоследствии, впрочем, оказалось, что материальному благосостоянию своего зятя Самойлович придавал немаловажное значение. Вообще любовь Самойловича к деньгам и богатству, а также его скупость были общеизвестны⁶⁸.

Свидетельство об участии царицы Натальи Кирилловны в организации брака Прасковьи после смерти царя Федора подчеркивает стремление группировки Нарышкиных обеспечить поддержку новому царю со стороны гетмана, в т.ч. и с целью укрепить свои позиции в противоборстве с Милославскими. Возможно, что Нарышкины рассчитывали таким образом теснее привязать к себе и Шереметевых⁶⁹.

Однако стремительные перемены в расстановке политических сил в Москве оказали, по всей вероятности, свое влияние и на позицию Самойловича относительно уже вроде бы согласованного брачного союза. 16 мая первым судьей Посольского приказа стал боярин В.В. Голицын⁷⁰, 26-го под нажимом стрельцов царями были провозглашены два брата — Иван и Петр, что положило начало оформлению системы регентства при малолетних царях их старшей сестры — царевны Софьи⁷¹. Все это означало значительное умаление влияния Нарышкиных на государственные дела. Возможно, что гетман, чутко реагирующий на все изменения в составе правящих кругов Русско-

го государства, знал и о назначении, которое отдавало в руки Голицына и сношения с Малороссией, и о других политических переменах в Москве. Достоверно известно, что уже 2 июня (через неделю) Самойлович знал о воцарении Ивана и Петра⁷². Поэтому через И.С. Мазепу он предпринял последнюю попытку перестроить будущий брак и добиться обручения своей дочери с сыном В.В. Голицына. Об этом мы узнаем из не имеющей точной даты записки (обозначен лишь год — 7190-й) о разговоре не названного по имени подьячего Малороссийского приказа с И.С. Мазепой касательно сватовства гетманской дочери⁷³, связанной, судя по всему, как раз с пребыванием И. Торопова в Батурине в конце мая — начале июня.

И.С. Мазепа позвал московского подьячего «будто для приязни, а знатно, что по гетманскому приказу». Вначале он напомнил собеседнику о своих предыдущих миссиях в Москву. При этом теперь их содержание излагалось в ином свете, более выгодном для гетмана на данный момент. Итак, Мазепа поведал, что осенью 1681 г. с ним якобы было «словесно» наказано следующее: «...присылал ис Полши к нему, гетману, епископ лвовской (ошибочно, должно быть «луцкий». — *К.К.*) князь Четвертенской за сына своего сватат дочь ево Парасковью, и гетман-де ему отказал, что он без воли государя своего того учинит не смеет и чтоб о том донести до великого государя, чтоб великий государь пожаловал ево, указал дочь ево гетманскую взять к Москве в супружество из дву родов Голицыным да Шереметевым, а именно князю Алексею Васильевичу». Царю было «донесено» о просьбе гетмана, и Федор Алексеевич пожаловал Самойловича, указав его дочь «к Москве <...> взят». Мазепа обратил внимание подьячего, что, за кого будет отдана Прасковья, тогда гетману объявлено не было, обещали объявить позже⁷⁴. Таким образом, Самойлович не только дезавуировал свою просьбу о женитьбе дочери на «сыне» епископа Гедеоны, но и демонстрировал, что идея брака Прасковьи и представителя московской аристократии исходила из Батурина, а не из Москвы. Более того, Мазепа утверждал, что уже тогда гетман определился с кандидатурой предполагавшегося жениха.

Говоря о своей поездке в русскую столицу «в делах войсковых» во время Великого поста (в марте 1682 г.), Мазепа сообщил, что «бил челом» от имени гетмана царю да говорил боярину князю В.В. Голицыну, чтоб «изволил гетманскую дочь взят в супружество сыну своему», кня-

зю Алексею. По свидетельству Мазепы, В.В. Голицын о том «поумолчал и ему сказал, что у него сын ево зговорен, и записми укреплен, и перстен к невесте послан, и для того невозможно то учинить, а он бы де ему в том деле рад был»⁷⁵.

Весьма вероятно, что подобные переговоры действительно имели место. При этом сам отказ Голицына мог быть обусловлен двумя факторами. Во-первых, личными обстоятельствами. Возможно, Голицын затаил обиду на Самойловича за то, что во время службы на Украине в его местническом споре с Г.Г. Ромодановским гетман взял сторону последнего⁷⁶, может быть, он не хотел ссориться с Шереметевыми, если принять во внимание, что Ф.П. Шереметев уже весной 1682 г. рассматривался в качестве возможного жениха или же его отец действительно имел договоренности о женитьбе сына на Прасковье Самойлович. Во-вторых, брак гетманской дочери был вопросом большой политической важности, и список кандидатур, видимо, утверждался коллегиально, на совещании ближайших царских советников (в т.ч. И.М. Языкова) либо даже Боярской думы. Поэтому нельзя исключать, что А.В. Голицын не был включен в перечень женихов Прасковьи из опасения, что это чересчур усилит политическое влияние его отца.

Алексей Васильевич Голицын родился в 1668/1669 г. (известно, что в январе 1722 г. ему было 53 года). Благодаря поддержке влиятельного отца он уже в 1676 г. получил чин стольника, а в апреле 1682 г. стал комнатным стольником царя Петра Алексеевича. Однако «сговорная запись» о замужестве А.В. Голицына с Марьей Исаевной Квашниной датирована 7191 г. (1682/1683 г.)⁷⁷, т.е. не могла возникнуть ранее сентября 1682 г. Поэтому если Голицын и имел договоренности о женитьбе сына к весне 1682 г., то они либо не были оформлены документально, либо существовал еще один, более ранний вариант «сговорной записи».

В начале лета 1682 г., после значительного усиления позиций Голицына в правительстве, гетман вновь решил попытать счастья, вернувшись к варианту «старой» брачной комбинации. Поэтому Мазепа заявил Торопову, что Самойлович надеялся на родство с Голицыными и теперь гневается на него, «бутто то дело ушло ево нерадением и ныне-де изволит ли он, боярин, то дело учинит и в союз приятельской с ним, гетманом, притти». Торопов ответил, что, если сватовство обговорено и «записми укреплено», а жених и невеста обменялись перстнями — ничего уже разорвать нельзя. Однако Мазепа, справедливо

рассуждая, что вопрос свадьбы гетманской дочери и сына одного из знатнейших бояр Московского государства — вопрос политический, резонно заметил, что «есть ли де в том изволение и желательство в приятство к гетману будет ево боярина», и царь на то позволит, «и те запиши и все сватовство оставит будет возможно», ничего в этом страшного нет. Мазепа просил подьячего передать Голицыну еще подумать над предложением гетмана и дать ответ. В завершение разговора Мазепа добавил, что Самойлович «приятства ево (В.В. Голицына. — К.К.) к себе желает и Господа Бога о том молит, и чтоб-де о том у него, боярина [было] тайно, чтоб Шереметевым было о том неизвесно, а Шереметев-де, хвала Господу Богу, старова роду и доброй молодец, толко-де лутче, чтоб дал Бог Голицына». Подьячий пообещал, что обо всем кому надо донесет и Мазепе будет дан ответ⁷⁸. Выехал Иван Торопов из Батурина 13 июня, прибыв в Москву 22 июня 1682 г.⁷⁹

Как уже отмечалось, жалобы Мазепы на гнев патрона за его «нерадение» в деле подготовки брака Прасковьи Самойлович и Алексея Голицына дали повод историкам утверждать, что будущий гетман намеренно помешал его заключению⁸⁰. Вышеприведенное свидетельство источника не дает, однако, твердой почвы для подобных выводов. Если бы Мазепа вел какие-то интриги в данном вопросе и получил за это выговор от гетмана, вряд ли он признался бы в этом московскому подьячему. Слова Мазепы можно воспринимать и как средство донести недовольство Самойловича до московского двора в приемлемой форме (не мог же гетман, в самом деле, публично гневаться на В.В. Голицына) и как оправдание перед И. Тороповым, что ему вновь приходится обсуждать уже вроде бы закрытый и не весьма приятный для московского правительства вопрос. В любом случае лишь с большой долей условности мы можем считать данное свидетельство отображением какого-то реального противодействия matrimonialным планам Самойловича со стороны выходца с Правобережья и бывшего писаря правобережного гетмана П.Д. Дорошенко, положение которого в Батурине нельзя считать к тому моменту достаточно прочным. Мазепа был лишь знатным войсковым товарищем, не имел никаких центральных «урядов». В это время он всеми силами старался завоевать доверие гетмана, а не интриговать против него.

Вскоре после отъезда Торопова гетман написал Неплюеву. К официальному письму⁸¹, составленному в гетманской канцелярии, Самой-

лович приложил обширное собственноручное послание, в котором, как представляется, намекал на желание получить ответ от В.В. Голицына по поводу сделанных через Торопова предложений. «Знати еще ростирки (беспорядки. — К.К.) домовые на Москве не утихли, поневаж не отбираемо часто от их великих государей наших себе на писма наши ответу, о чом пилно просилисмо, особливе просилем его милости боярина князя Василия Васильевича, яко нашего добродее и знакомца, жеби з ласки своей не препоминал мене часто засилати писмом своим и того не получаю грех ради наших», — писал гетман Неплюеву.

В письме, не предназначенном для лишних глаз, гетман выражал неподдельную тревогу за ситуацию в русской столице и надеялся на скорое ее успокоение, связывая это и с внешней и с внутренней стабильностью самой Гетманщины. Он сетовал, что поляки, распуская слухи о московской «смуте», «еще и вдесятеро приложили, чого и не чинилося на Москве и по всему свету росписали шкодливые и непристойные речи на все государство Московское. Нехай толко им самим то Господь Бог обернет, счо они на нас (курсив мой. — К.К.) советуют».

«За ласкою Божиею и счастьем монархов наших и призрением, — признавал Самойлович, — як монаршим, так и всего народу московского любовною прихильностию к себе уже то одинадцатий рок на уряде гетманском зостаючи, безпрестанно верностью моею старалемся и стараюся паки бы впред Богу и потом государем нашим помазанником Божиим и всему государству прислужитися и всякова добра имати и Украине тутейшей всякую целость чинити, о том не раз и присягою моею перед Святым Евангелием и под клятвами страшными подтвердилем, цале спустившееся на Господа Бога и на их, великих государей, оборону и заступление, которое, признавши самую правду, аж до тих пор час мевалисмо: самим скутком, же своими государскими силами, от всех врагов наших ратными своими боронели и защищали».

Поэтому и теперь гетман просил Неплюева писать в Москву, чтобы там «и моей, хоча мелкой особи и всего тутейшого украинского не забывают народу, поневаж и иншое себе помощи по все тие часы, так и тепер не искалismo. Толок по Бозе всю нашу надею на их великих государей наших, и на их государских ратних людей и здоровье наше цале складаем»⁸².

Все эти сокровенные мысли Самойловича, высказанные в достаточно сложный для Русского государства момент, весьма показатель-

ны. Их, конечно же, следует воспринимать с известной долей критicisma, поскольку было бы бессмысленно отрицать, что в Батурине не осознавали суть происходивших в Москве процессов, заключавшуюся в определенном ослаблении центральной власти в результате воцарения двух малолетних монархов, установления регентства царевны Софьи и борьбы боярских группировок за политическое влияние.

Свидетельства этому, хотя и достаточно поздние, мы находим в материалах, связанных уже со свержением Ивана Самойловича с гетманства. Так, украинская старшина в доносе на гетмана свидетельствовала, что, после того как Софья стала «писаться» великой государыней (т.е. в 1686 г.), он неоднократно отмечал, что от правления молодых царей «ума несовершенного» и «невесты», при том что множество «зацных» бояр «побито», можно ожидать только «шатости и упадку»⁸³. Следствие по делу черниговского полковника Г.И. Самойловича показало, что подобные же слова тот говорил племяннику гетмана Михаилу Васильевичу Самойловичу. По свидетельству последнего, после возвращения из Москвы Григорий будто бы сказал, что, «будучи на Москве, видел: править и держать московского государства некому и строения ни от кого нет, *самая-де крепость во всей Руси его, Гришкин, отец* (курсив мой. — К.К.)»⁸⁴. В ходе следствия Г.И. Самойлович отрекся от этих слов, но признал факты других «непристойных» высказываний (в письмах к гадяцкому полковнику, в частности) о великих государях. Григорий, впрочем, оправдывался, что лишь пересказывал речи, которые слышали «на Москве» братья Семен и Яков, вернувшиеся домой вскоре после «смятения» 1682 г.⁸⁵

Все это не удивительно на фоне тех разговоров, которые велись в политических кругах Москвы о возможности разделения царства между Софьей и братьями⁸⁶, слабости боярства («зяблое дерево»)⁸⁷, малолетстве царей, младшего из которых «с ума споили», а старшего Нарышкины «ни во что не поставили»⁸⁸ или о том, что царевне, как «девке», непригоже править страной⁸⁹. О малолетстве монархов гетман, впрочем, напоминал царскому правительству открыто⁹⁰.

Таким образом, в 1682—1683 гг. откровенные беседы в ближайшем окружении гетмана о политической ситуации в столице Русского государства сочетались с посильным содействием в ее скорейшем урегулировании, от которого зависела и стабильность власти самого Самойловича⁹¹. Однако начиная с 1686 г., когда в отношениях гетман-

ской администрации и царского правительства наступило определенное охлаждение, гетман стал позволять себе резкие высказывания в адрес царского правительства перед более широким кругом казацкой старшины.

IV

Так или иначе, но проблема брака гетманской дочери оказалась отложена русским правительством, раздираемым борьбой придворных группировок и пытавшимся успокоить стрелецкие волнения, до самой осени. Неизвестно и о какой-либо реакции В.В. Голицына и русского правительства на новые попытки Самойловича выдать дочь за сына главы Посольского приказа. По всей видимости, эта инициатива гетмана была оставлена без внимания. Впрочем, летом 1682 г. Самойловичу пришлось также столкнуться с серьезными проблемами, которые вполне могли отвлечь его от устройства брака Прасковьи. Гетман должен был противодействовать интригам польского двора на Украине, одной из целей которых было его собственное свержение⁹².

Отношения Москвы и Батурина летом — в начале осени по этому вопросу сложно проследить и потому, что дела за 1682 г. о поездках гетманских посланцев в Москву и царских в Батурин сохранились не полностью. Так, в 1-й описи 124-го фонда РГАДА вообще отсутствуют дела за период конца августа — конца октября 1682 г., возможно, в связи с отсутствием царского двора в Москве по причине нового витка внутривластного политического противостояния в Русском государстве, получившего название «Хованщина». Восполнить данную лакуну позволяет «Книга записная сидения в государственном Посольском, да в Приказе Малыя России боярина князя Василья Васильевича Голицына да думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева с товарищи 190-го году мая с 13 числа», фактически охватывающая период с конца апреля 1682 г. по август 1684 г.⁹³ В ней кратко фиксировалось содержание наиважнейших входящих и исходящих документов, касавшихся Малороссии. Ее появление, по всей видимости, представляет собой результат попыток В.В. Голицына упорядочить украинские дела после того, как он возглавил Малороссийский и Посольский приказы.

«Книга записная» помогает хотя бы в общем плане восстановить этап сношений Батурина и Москвы в сентябре 1682 г., который не-

посредственно предшествовал свадьбе Прасковьи Самойлович и Федора Шереметева, и последовавшие за ней события.

13 сентября в Москву с важной миссией прибыли сын гетмана, стародубский полковник Семен Самойлович и знатный войсковой товарищ Иван Мазепа. Они должны были поблагодарить царей Ивана и Петра за подтверждение прав и вольностей Войска Запорожского, за жалование гетману в честь восшествия на престол двух малолетних монархов, а также обсудить ряд важных вопросов⁹⁴.

Еще 9 сентября в Москву к И.А. Хованскому из Саввино-Сторожевского монастыря, где в тот момент находился царский двор, было направлено указание выслать туда гетманского сына «без мотчанья», причем все привезенные Семеном гетманские грамоты и инструкцию «в Приказ у него иметь и переводить не велели»⁹⁵.

В.В. Голицын принял посланцев 16 сентября «в походе» на своем дворе в селе Воздвиженском. Мазепа и Самойлович подали «статьи на письме», в основном посвященные проблеме противодействия попыткам польского правительства организовать антироссийские и антигетманские выступления на Левобережной Украине⁹⁶.

Кроме того, внимание привлекает предложение гетмана, касавшееся, говоря современным языком, укрепления мер доверия в отношениях между Москвой и Батуриным. Связь его с установлением родственных связей между гетманским семейством и знатным русским родом несомненна. Выдавая свою дочь за московского боярина, гетман рассчитывал получить от этого политические выгоды в виде более активного участия в выработке тех решений внешней и внутренней политики России, которые так или иначе затрагивали интересы украинских земель. «При сидении в Приказе Малыя Росии думного дьяка Лариона Иванова посыланы к нему, гетману, великих государей указы и с вестовых всяких ведомостей списки, — говорилось в гетманской инструкции, — и писывал он, думной, то, что есть радостно и надежно, а того, что не радостно и притрудно, не списал». Самойлович просил: «Чтоб ныне совершенно о всяких делах писать имянно для ведома»⁹⁷.

В тот же день Мазепа и Семен Самойлович были «на приезде» у великих государей⁹⁸. А 17 сентября они подали в Посольский приказ две гетманские грамоты, доставленные курьером Кондратом Соловьем. В одной из них напоминалось, «что у него, гетмана, з боярином с Петром Васильевичем Шереметевым постановлено слово, чтоб

быть детям их в брачном союзе и великие б государи начинание их милосердо указали исполнити и меншова сына ево Иякова с Москвы отпустить»⁹⁹. Хотя других письменных свидетельств обсуждения вопроса о свадьбе гетманской дочери во время визита С.И. Самойловича и И.С. Мазепы не сохранилось, нет никаких сомнений, что он занимал на переговорах в Воздвиженском важное место. Об этом свидетельствует и содержание царской грамоты от 24 сентября, которую подъячий Малороссийского приказа Василий Баутин повез в Батурин. В связи с казнью отца и сына Хованских «за многие вины и за злой умысл и за измену» гетману сообщали, что другого сына мятежного князя — Петра Ивановича Хованского, бывшего воеводой Белгородского разряда, велено отрешить от должности и сослать из Курска с женой и детьми в Нижний Новгород. На вакантную должность, в связи с предыдущей просьбой И. Самойловича, назначался Петр Васильевич Большой Шереметев, а его сыну Федору отдавался в управление Севский разряд¹⁰⁰. После принятия окончательного решения о браке Ф.П. Шереметева и П.И. Самойловича 21 сентября жених был пожалован в бояре, причем сразу из стольников¹⁰¹.

Еще одна царская грамота — от 30 сентября непосредственно трактовала основную цель миссии Самойловича и Мазепы как обсуждение будущей свадьбы Прасковьи и Федора. Гетмана информировали о царском позволении на брак, связывая с этим решением царского правительства и вышеупомянутые назначения отца и сына Шереметевых. Касательно младшего гетманского сына в Москве решили, что Якову «быть на Москве до указу, а отпущен он будет по времени»¹⁰². 30 сентября из Москвы вместе с Мазепой и С. Самойловичем на гетманскую свадьбу выехал царский посланец — А.Ф. Карандеев. Ему было велено спросить гетмана Самойловича «о здоровье и за службу ево похвалит», а также «быт ему, Александру, в Батурине, покамест то брачное дело совершение примет»¹⁰³.

Таким образом, в ходе переговоров в Воздвиженском было принято окончательное решение о свадьбе Прасковьи и Федора. Вслед за Мазепой, Семеном Самойловичем и А.Ф. Карандеевым на Украину выехал Ф.П. Шереметев, а возможно, и его отец. Указ о назначении жениха гетманской дочери севским воеводой состоялся ближе к середине октября. Молодой Шереметев назначался не просто городовым воеводой, а командующим военного округа — Севского разряда¹⁰⁴. Такой должности удостаивались, как правило, достаточно опытные

военачальники и администраторы. 19 октября 1682 г. Ф.П. Шереметев прибыл в Севск, где принял город и Севский разряд у воеводы Л.Р. Неплюева¹⁰⁵. Оттуда он выехал в Малороссию.

В нашем распоряжении отсутствуют источники, которые позволяли бы хотя бы в общих чертах реконструировать свадьбу гетманской дочери. Сама свадьба состоялась где-то в начале ноября. На пышное торжество в Батурин съехалась вся казацкая старшина с богатыми подарками. Племянник гетмана и гадацкий полковник М.В. Самойлович поднес Ф.П. Шереметеву карету с лошадьми, а Прасковье — дюжину серебряных позолоченных ложек, на которых «имя боярыни ей милости в трех литерах выражено». Черниговский полковник В. Борковский вместе с супругой подарил дорогую утварь, киевский полковник Г.К. Коровка-Вольский — штуку венецианского атласа, его жена — штуку адамашки и «образ трех святителей, в серебро оправный злотистый». Миргородский полковник Д. Апостол преподнес боярину дорогую саблю в оправе, так же как и переяславский полковник Л. Полуботок, а супруга последнего — два серебряных кубка. Различные подарки (деньги и вещи) привезли прибывшие с супругами лубенский полковник М. Ильяшенко, прилуцкий — Л. Горленко и нежинский — Я. Жураковский. Перстень ценой в 30 руб. подарил Прасковье И.С. Мазепа¹⁰⁶. Богатейшее приданое дал за дочерью отец¹⁰⁷.

Прибывшего на свадьбу в Батурин Карандеева встречала «вся старшина войсковая и полковники», собравшиеся «сего времени для веселя в дому» гетмана. Привезенную Карандеевым грамоту гетман, «для объяснения превеликих ваших монарших милостей и щедрот», велел прочитать при всех вслух. «А так все полковники и старшина радостно того слухаючи, упали на землю, покорное Богу и вам, великим государем, за тую милующую нас благостиню, воздаючи благодарение и певне славят и славятимут во веки, по Богу ваше, великих государей, преславное и великолепное имя», — сообщал в Москву Самойлович^{107а}.

Свадьба была и важным политическим мероприятием для казацкой старшины. На ней посланец правобережного полковника В. Искрицкого пытался вручить Д. Апостолу секретные письма¹⁰⁸, а бывший киевский полковник К. Солонина присягал гетману на верность, получив прощение в честь радостного события¹⁰⁹.

Известно, что о заключении брака Прасковьи Ивановны и Федора Петровича гетман уведомил царей через «коротко писанный лист» от

9 ноября 1682 г. из Глухова. Он сообщал, что «исправлением Божиим <...> дело совершилося и брачный милых зобополне детей наших союз до належитого пришел skutku». Самойлович благодарил за содействие организации брака как правительство Федора Алексеевича, так и нынешние московские власти. Гетман писал, что будет «Господа Бога о сим благодарити и при радости сердечной отцевской, слезами моими о доброе тым детям нашим житье великолепыны славы, превысокий Престол его Божественный» молить. «Не унижоне перед пресветлым вашим монаршим престолом упадаючи, челом бью, — писал гетман, — и яко за милосердное монаршое призрение, поводом нам до исполнения сего законного дела будучое, так и за овую превеликую милост, что у пресветлого и преславного вашего монаршеского престола милый зят мой совершенною честию есть пожалован, сердцем и душею унижоне вам, великим государям, вашему царскому пресветлому величеству дякую»¹¹⁰. В «Книге записной» также отмечено, что 18 ноября в Москву вернулся А.Ф. Карандеев, привезший уже официальную грамоту Самойловича о свершившемся с П.В. Большим Шереметевым «сродничестве» и брачном союзе их детей. В тот же день гетману была отправлена грамота, что Якова Самойловича великие государи «со всеми при нем будущими людьми изволили отпустить к нему, гетману»¹¹¹. Младший сын гетмана приехал в Батурин 5 декабря¹¹², проведя в России почти три с половиной года¹¹³. А 26 декабря капитан Филипп Сапогов привез в Москву гетманскую грамоту, в которой официально сообщалось, что Яков прибыл к отцу «в добром здравии и великим государям бьет челом»¹¹⁴.

Отпуск гетманского сына в Батурин был важным событием во взаимоотношениях царского двора и гетмана Самойловича. До этого сыновья его — Семен, Григорий и Яков попеременно жили в русской столице, чем гарантировалась в т.ч. и верность гетмана царскому престолу. Теперь же, отпуская Якова по просьбе отца, московское правительство демонстрировало, что более не видит необходимости в подобной гарантии.

От гетманских сыновей в Москве остался обширный двор «с каменным и з деревянным строением», купленный из казны в 1674 г. по царскому указу. После отъезда Якова Самойловича на Украину за двором следили гетманские люди — Богдан Лисов¹¹⁵ «с товарищи». Вскоре по гетманскому «челобитью» они были отпущены домой, а прибывшие в Москву генеральный бунчужный К.И. Голуб и старший войсковой канцелярист В.Л. Кочубей попросили, чтобы двор «нико-

му отдан не был и никаких особ на нем ставить не велеть, а чтоб тому двору впред быть для приезду к Москве детей и присланных» самого гетмана. Царское правительство выполнило это желание, направив Самойловичу соответствующую грамоту 13 декабря 1685 г.¹¹⁶

А.Ф. Карандеев привез и гетманское письмо к В.В. Голицыну. Самойлович писал ему «яко поважному и о всех делах ведающему пресветлого монаршого престола сенаторови». Гетман благодарил Голицына за ласковый прием сына Семена в сентябре 1682 г. «А надто истинная то в христианском нашем законе хвалебная вашей княжой велможности справует любовь, — продолжал Самойлович, — же поважным своим предложением виолесь речи до того, абы наше з боярином его милостью и оружейничим Петром Василевичем Шереметевым сповиновачене около сопряжения в союз законного брака милых детей наших до належитого пришло совершенства и же милый зять мой з премногой монаршой милости пожалован есть честию совершенною». «За все теды тое я мно[го]кратне покорне вашей княжой милости дякую, — писал гетман, — и всякими способами пристойными ку оказаню моей вдячности и отслужовати буду. А прошу унижоне извол ваша милость у велможной своей благодетельной ласце и вперед ховати мене, зычливого приятеля своего»¹¹⁷. В собственноручной цедуле Самойлович отдельно благодарил Голицына за то, что тот постоянно уведомляет его «о всяких повожениях», т.е. о важных для гетмана решениях московской политики¹¹⁸.

Но только 8 декабря подъячий Алексей Меншиков повез (среди прочих) грамоту гетману с официальным царским поздравлением по поводу свадьбы¹¹⁹. Черновик отпуска ее сохранился в столбцах Малороссийского приказа. Гетману сообщали, что царям «по доношению» Карандеева известно о произошедшем, и заверяли, что его служба великим государям «забвенна» не будет. Стоит отметить, что в тексте документа Ф.П. Шереметев был поименован наместником кондийским¹²⁰. Обладание почетным наместническим титулом было для него, вкупе с получением начальства над Севским разрядом и боярства, тем пресловутым «повышением чести», о котором так хлопотал Самойлович.

Как уже отмечалось, вопрос брака гетманской дочери имел для московского правительства большое политическое значение. В том, что перспектива замужества Прасковьи именно с Ф.П. Шереметевым осталась актуальной и после майских событий 1682 г., сыграло, види-

мо, свою роль сближение отца жениха с победившей группировкой Милославских, с которой, по мнению П. Бушковича, он ранее никак связан не был¹²¹. Об этом свидетельствовало назначение П.В. Большого Шереметева оружейником — главой Оружейной палаты 21 июня¹²².

Переговоры о браке гетманской дочери и боярского сына, увенчавшиеся в конце концов свадьбой, продемонстрировали ряд знаменательных тенденций в отношениях гетмана и царского двора.

Задуманный гетманом брак с небогатым родственником (все же нельзя однозначно говорить, что речь шла о сыне) луцкого епископа Гедео́на мог принести Самойловичу две ощутимых выгоды. Во-первых, вчерашний «попович», как нередко именовали гетмана казаки, получал шанс породниться с княжеским родом Рюриковичей. Такой вариант родства был одним из наиболее почетных (если не самым почетным) с точки зрения знатности для православного населения бывшего Древнерусского государства. Во-вторых, как уже говорилось, речь шла о родстве с православным владыкой, что значительно укрепляло бы связи гетманского семейства с западнорусской Православной Церковью. Не исключено в этом случае, что Самойлович уже в 1681 г. имел некие договоренности с Гедео́ном о поддержке его избрания в киевские митрополиты. Все это, несомненно, было одним из средств закрепления положения семьи Самойловичей на высших ступенях украинского социума, тем более важного в условиях выборности гетманской должности и существования иных атрибутов казацкой демократии, что обеспечивало как относительную легкость продвижения вверх по карьерно-социальной лестнице, так и стремительное падение с достигнутых высот.

А что означала реализация подобной матримониальной комбинации Самойловича для интересов Москвы? В столице прекрасно помнили историю его пути к гетманской булаве, которая в значительной мере была обеспечена поддержкой русского правительства. Лояльность Самойловича царскому престолу показывает, что и он вполне отдавал себе в этом отчет. «Кабы не было мне государской милости, то у нас бы на всякий год было по десяти гетманов», — говорил гетман стольнику С.Е. Алмазову в 1676 г.¹²³ Очевидно поэтому, что укрепление позиций гетманского семейства без опоры на поддержку царского двора не входило в планы российских властей.

Следует помнить и о том, что, согласно сохранившимся документам, Прасковью предполагалось отдать замуж «в Польшу», в государство, к которому московские политики не испытывали сколько-нибудь стойкого доверия. Даже отдаленные перспективы усиления влияния на гетманское семейство со стороны политических кругов Речи Посполитой, с которой Россия еще недавно вела за Украину кровопролитную борьбу, были для Москвы совершенно неприемлемыми.

При царском дворе хорошо понимали, что отказ в реализации избранной гетманом брачной партии без ущерба для русско-украинских отношений может компенсировать только не менее привлекательная альтернатива. Такой альтернативой и стала кандидатура Ф.П. Шереметева, решение по которой принималось на самом высоком правительственном уровне.

Нельзя сказать, чтобы гетман Самойлович сильно огорчился подобному предложению (и в этом смысле сообщение статейного списка Карандеева о слезах в гетманском доме следует воспринимать иносказательно). Возможно, он просто не решался ранее просить царское правительство о чем-то подобном. Об этом свидетельствуют и гетманские предложения В.В. Голицыну по поводу женитьбы его сына. Поняв, что царский двор готов принять гетманскую семью в круг наиболее знатных персон Русского государства, Самойлович немедленно стал зондировать более выгодные в этом смысле варианты.

Не менее отчетливо представлял гетман и политические выгоды этого брака. Во-первых, казацкой старшине демонстрировалось, что Москва намерена поддерживать Самойловича не только в ближайшем будущем, но и в долгосрочной перспективе. Во-вторых, родство с представителем знатного боярского дома Шереметевых давало Самойловичу обоснованные надежды, что доверие к нему со стороны правительства возрастет, выразившись в более тесном участии гетмана в выработке тех решений русской политики, которые в той или иной степени касались украинских интересов.

Вместе с тем и для Москвы и для Батурина это был практически первый опыт (не считая неудачного и краткосрочного эпизода, связанного с женитьбой Брюховецкого) установления матримониальных связей такого уровня. В итоге различное понимание и оценка сторонами значения этого акта уже в ближайшее время поставили на повестку дня русско-украинских отношений такие вопросы, появление которых вряд ли могли предвидеть и в русской столице, и в гетманской ставке.

Примечания

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15.

² Там же. Л. 52—53.

³ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 3, 5, 43. 3 ноября датирован указ выдать Мазепе жалование на 20 руб., пяти казакам — на 3 руб. каждому, двум челядникам — на рубль каждому (л. 23). 7 ноября датирован указ в Ямской приказ — снабдить отъезжающего Мазепу подводами (л. 38), 8-го — распоряжение выдать поденный корм на 2 недели «в дорогу» (л. 41).

⁴ Материалы для истории медицины в России. Вып. 4. СПб., 1885. С. 1258.

⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 53.

⁶ Там же. Д. 12.

⁷ Костомаров Н.И. Руина // Исторические монографии и исследования. Т. 15. СПб., 1882. С. 622—624. 1 апреля, менее чем за месяц до смерти царя Федора, И.С. Мазепа и его спутники «видели великого государя пресветлые очи и были у руки» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 192. Л. 11).

⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 12. Л. 5—21, 81—113.

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 91—92.

¹¹ Планы эти осуществились уже после свержения Самойловича, когда замуж за Юрия вышла другая дочь гетмана Анастасия. Подробнее о выезде в Россию Юрия Святополк-Четвертинского и его сватовстве к гетманской дочери см. в главе 4.

¹² Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. 1-е изд. Ч. 2. М., 1822. С. 173.

¹³ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. С. 123.

¹⁴ Лукашева С.С. Геден // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 517. В статье упомянуто о попытках И.С. Самойловича породниться с князьями Святополк-Четвертинскими (Там же. С. 517—518).

¹⁵ Горобець В. «Хочю [...] поняти б за себя московского народу вдову...» (Жінки в політичній біографії Івана Брюховецького) // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 2. Київ, 2003. С. 152, 162.

¹⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 37, 40, 41.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Речь, по всей видимости, шла о восьмой статье Переяславских статей 1659 г., где декларировался переход Киевской митрополии «под благословение» московского патриарха на условиях сохранения автономии во внутрицерковных делах. См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. 1657—1659. СПб., 1863. С. 264. См. также:

Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 5. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620—1694). С. 79.

²⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 43—45. При этом в соответствии с наказом «в тайне» А.Ф. Карандеев говорил гетману, чтобы тот не ездил в Киев «в малолюдстве». Самойлович заметил, что он и прежде «в малолюдстве не ездывал», а ныне и подавно, причем не только из-за возможности крымских набегов, но и опасаясь «внутренней злости» (Там же. Л. 7, 47—48).

²¹ Там же. Л. 52—54.

²² Дворцовые разряды. Т. 4. СПб., 1855. Стб. 245. В документе на месте, где должно быть вписано имя сына Федора Плещеева, оставлен пропуск (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 54.). Возможно, это означает, что в Москве, давая инструкции Карандееву, не определились окончательно, кто из сыновей Ф. Плещеева будет предложен гетману в качестве кандидата в женихи.

²³ *Burdowicz-Nowicki J. Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697—1706. Kraków, 2010. S. 271—272.*

²⁴ См., напр.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 527—530; Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 196—200.

²⁵ Подробнее об обстоятельствах этого см. ниже.

²⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 54—55.

²⁷ Так называет его в своих записках Б.И. Куракин. См.: Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 46.

²⁸ И.С. Самойлович — И.М. Языкову. 25 апреля 1682 г. Батурин. — РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 21. Л. 74—75.

²⁹ Я.А. Голицын (1659—1683), видимо, был приглашен гетманом на свадьбу из-за своего родства с Шереметевыми. Он был женат на Евфимии Васильевне Шереметевой (дочь В.Б. Шереметева, двоюродного брата П.В. Большого Шереметева, отца жениха). См.: Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. Т. 1. СПб., 1892. С. 123—124; Барсуков А.П. Родословие Шереметевых. СПб., 1899. С. 8.

³⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 50, 53—55.

³¹ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 154, 161.

³² Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 5. СПб., 1888. С. 235.

³³ Там же. Кн. 6. СПб., 1892. С. 116.

³⁴ Там же. С. 174, 177, 214, 337—338, 342—350, 402—403, 410—411, 413—415.

³⁵ Там же. Кн. 7. СПб., 1899. С. 155—157.

³⁶ Там же. Кн. 5. СПб., 1888. С. 239—240.

³⁷ Там же. Кн. 8. СПб., 1904. С. 139, 150, 169, 269.

³⁸ Там же. С. 483—484.

³⁹ Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 361.

⁴⁰ Там же. С. 415.

⁴¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 51.

⁴² В.И. Буганов, основываясь на опубликованных С.М. Соловьевым разрядных записях, утверждал, что А.Ф. Карандеев был наказан кнутом 1 мая (*Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 117*), что противоречит дате возвращения полковника в Москву, указанной в его статейном списке. Однако в публикации С.М. Соловьева говорится, что 1 мая появился царский указ о наказании провинившихся полковников (*Соловьев С.М. Указ. соч. С. 314*) и, возможно, «кнутование» Карандеева состоялось уже по его возвращении в Москву либо не состоялось вовсе.

⁴³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 56—57.

⁴⁴ Там же. Л. 58.

⁴⁵ Этой датой, по крайней мере, датирована подача им гетманских грамот в приказ. См.: Там же. Д. 21. Л. 1. В начале года Кочубей уже посещал Москву, о чем свидетельствуют расходные документы Малороссийского приказа о выдаче ему царского жалованья в честь праздника Богоявления (5 и 6 января), аудиенции у царя Федора (9 января) и «в дорогу» (12 января). См.: Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 192. Л. 2. Четвертым мая датировано распоряжение о выдаче Кочубею и трем его спутникам царского жалованья «на приезде», 7 мая они получили аудиенцию у царя Петра (Там же. Л. 12).

⁴⁶ Трудно судить, насколько различалось содержание грамот, доставленных Карандеевым и Кочубеем, поскольку текст первой мне обнаружить не удалось.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 21. Л. 2.

⁴⁸ «О сем радости и страха исполнен будучи, недоумею, какое воздати имам вам, пресветлому монарху, благодарствие, радуясь, яко верной моей (должно быть, «верные мои». — *К.К.*) службы подданные изобретают мне милосердное ваше монаршеское призрение, но боюсь страхом, яко худый есмь и от малого прислуги моей возраста, недостоин таковой монаршеской благодати восприятия, однакож Творца вся твари всесоделную видечи силу, понеже все Божественным Его совершаетца Промыслом и от Него есть вашему царского пресветлого величества праведному достоинству многим благодетельствовати усвоенное дело, ибо ни ко единому слуху, но внутрь сердца моего благодарственно принимаю сию преизобилную вашу монаршескую благостыню, паче же смиренным лицом моим, падши на землю, покорственно сердечным вопию гласом, понеже вы, великий света монарх, о моем, меньшого слуги своего, добре промышляете, тогда по Бозе вы, великий государь, моя крепость и утверждение» (Там же. Л. 2—4).

⁴⁹ Там же. Л. 4—6.

⁵⁰ Там же. Л. 74—76. «А понеже ис подлинного приращения горливое родительское о дочери моей належит мне имети попечение, тогда хотя перестая довольне на том Божиим предуведение, на воле монаршеской и на совете вашей велиможности, — писал Самойлович, — однако ж вашу велиможность, как разумно-

го при лице пресветлом монаршеском сенатора и всякие добродетели достойного христианина, прошу покорственно, изволь в том деле нашем ужелати мне свое добродейские милости, что б я з детьми, привев дело в совершенство, не пришел в отчаяние, но радовался и вечно вашей велможности бил челом».

⁵¹ Там же.

^{51a} Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 217.

⁵² «Термена мови его милости пана Ивана Самойловича, гетмана, до его милости думного дьяка Илариона Ивановича через Василия Кочубея, канцеляристу войскового, посланая з Батурина». — Там же. Оп. 3. Д. 413. Л. 1—4.

⁵³ Там же. Л. 1—3.

⁵⁴ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 611—612.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 413. Л. 2—3.

⁵⁶ Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 41. Об этом 2 июня гетман сообщил подьячему И. Торопову на основе полученного им письма от В. Кочубея.

⁵⁷ Буганов В.И. Указ. соч. С. 128.

⁵⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 260.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 21. Л. 7—13.

⁶⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 261, 321.

⁶¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682. Д. 18. Л. 77—78.

⁶² Об этом свидетельствовал подьячий приказа Большой казны М. Ларионов, присланный И.А. Желябужским в Москву с отпиской. См.: Там же. Л. 79.

⁶³ Там же. Л. 25. Любопытно, что по дороге на Украину Кочубей встретил «под Белевом у Николы Гостулского» купца Григория Иванова сына Камынина, ехавшего с товарами из Лихвина в Чернигов. Тот говорил канцеляристу «непристойные слова», что якобы «на Украине черкасы изменили». Камынин утверждал, что слышал эту новость от малороссийского купца, ехавшего с товаром в Великую Россию. Это ввергло Кочубея в такой шок, что «от тех слов посланец не ел двои сутки» (Там же. Л. 46).

⁶⁴ Там же. Л. 1.

⁶⁵ Отписка И.А. Желябужского и М. Бурцова на имя царя Петра. — Там же. Л. 35.

⁶⁶ Там же. Л. 39.

⁶⁷ Там же. Л. 40—41.

⁶⁸ Гордон П. Дневник, 1684—1689. М., 2009. С. 143.

⁶⁹ О попытке Натальи Кирилловны заручиться, среди прочих, поддержкой Шереметевых говорит А.А. Матвеев. См.: Матвеев А.А. Записки // Записки русских людей. СПб., 1841. С. 6. В историографии существует дискуссия касательно управления государством в короткий период единоличного царствования Петра. А.С. Лавров писал о создании регентского совета знати, С.М. Шамин поддержал ранее высказывавшееся мнение о переходе власти к Н.К. Нарышкиной как регентше при малолетнем сыне. См. об этом: Шамин С.М.

Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 176. В пользу последней точки зрения говорит и свидетельство И.С. Самойловича об участии матери Петра в организации брака гетманской дочери и боярина Ф.П. Шереметева.

⁷⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 319.

⁷¹ Лавров А.С. Указ. соч. С. 72—78.

⁷² В этот день гетман на разговоре с И. Тороповым «бил челом» царю Ивану и Петру, прося прощения за то, что «он лист свой писал с ним подьячим к одной особе царского величества, а не к обоим, не ведая еще о том подлинно». См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 18. Л. 46.

⁷³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 25.

⁷⁴ Там же. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Л. 1—2.

⁷⁶ Об этом сообщал П. Гордон, описывая свержение И.С. Самойловича в 1687 г. См.: Гордон П. Указ. соч. С. 143. См. также: Седов П.В. Указ. соч. С. 295—296; Бушкович П. Указ. соч. С. 112—113.

⁷⁷ Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. Стб. 238. См. также: Воскобойникова Н.П. Материалы к биографии Алексея Васильевича Голицына // Российское самодержавие и бюрократия. Сборник статей в честь Наталии Федоровны Демидовой. М.; Новосибирск, 2000. С. 148.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 25. Л. 2—3.

⁷⁹ Там же. Д. 18. Л. 46.

⁸⁰ Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 156; Алмазов А.С. Использование гетманом И.С. Самойловичем родственных связей с московским боярством как одного из средств усиления своего политического и общественного веса на Левобережной Украине // Ключевские чтения — 2011. Т. 1. Василий Осипович Ключевский и познание русской истории: Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2011. С. 112—113.

⁸¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 415. Л. 1. Письмо от 26 июня 1682 г. В послании Самойлович благодарил Неплюева за регулярную корреспонденцию и надеялся, что частый обмен письмами между ними продолжится и впредь. Перевод см.: Там же. Оп. 1. 1682 г. Д. 18. Л. 160—161.

⁸² Там же. Оп. 3. Д. 415. Л. 2—3. Перевод см.: Там же. Оп. 1. 1682 г. Д. 18. Л. 162—165.

⁸³ Яковлева Т.Г. Донос старшины на И. Самойловича: аналіз першоджерела // Український історичний журнал. 2006. № 4. С. 195. Позднее автор опубликовала донос еще раз (Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. С. 484—492).

⁸⁴ Востоков А. Суд и казнь Григория Самойловича // Киевская старина. 1889. Т. 24. № 1. С. 52. Речь шла о поездке черниговского полковника в Москву в конце 1685 — начале 1686 г. вместе с И.С. Мазепой.

- ⁸⁵ Востоков А. Указ. соч. С. 54, 56. О «хульных» словах Григория в адрес царствующих особ, правда без конкретных примеров, сообщила в своем доносе и казацкая старшина. См.: Яковлева Т.Г. Донос... С. 195.
- ⁸⁶ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 29, 91—92, 101—104.
- ⁸⁷ Там же. Стб. 37.
- ⁸⁸ Там же. Стб. 36—37, 49—50, 54, 110.
- ⁸⁹ Там же. Стб. 46—47, 92.
- ⁹⁰ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 648; Станіславський В.В. Статті гетьмана Самойловича щодо «вічного миру» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 1. Київ, 2000. С. 380.
- ⁹¹ Политика гетмана И.С. Самойловича во время Московской «смуты» 1682 г. требует отдельного, более подробного исследования.
- ⁹² Подробнее об этом см.: Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 105—120.
- ⁹³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53.
- ⁹⁴ Там же. Л. 10—12.
- ⁹⁵ Восстание в Москве 1682 года: сборник документов. М., 1976. С. 122. Как известно, приезд С.И. Самойловича был использован правительством Софьи — В.В. Голицына для вызова в Троицу И.А. Хованского и расправы с ним. Там же. С. 81—83, 128—129, 300.
- ⁹⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 11—14 об.
- ⁹⁷ Там же. Л. 14 об.
- ⁹⁸ Восстание в Москве 1682 года... С. 85.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 15.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 16 об. — 17.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 210. Оп. 2. Боярские списки. Д. 22. Л. 3 об.
- ¹⁰² Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 18—18 об.
- ¹⁰³ Там же. Л. 19.
- ¹⁰⁴ Память из Разрядного в приказ Большого дворца о посылке грамоты трубчевскому воеводе Петру Чаадаеву с требованием, чтобы он «был послушен» вновь назначенному севскому воеводе Ф.П. Шереметеву. 15 октября 1682 г. Подписал думный дьяк Любим Домнин. — РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 405. Л. 81—82. Сохранился также не совсем ясный черновик царского указа в Разрядный приказ о назначении (среди прочего) Шереметевых в Курск и Севск где-то после 17 сентября 1682 г. (Восстание в Москве 1682 года... С. 136—137). Текст документа довольно противоречив и содержание отдельных листов не во всем согласуется между собой.
- ¹⁰⁵ Отписка Ф.П. Шереметева. 19 октября 1682 г. Севск. — РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 405. Л. 191—194.
- ¹⁰⁶ См. приложение, документ № 4.

¹⁰⁷ Там же.

^{107a} РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 422. Л. 1. Грамота датирована 9 ноября 1682 г. Глухов.

¹⁰⁸ Подробнее см.: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 118—119.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 321. В январе 1683 г. И. Самойлович говорил Л.Р. Неплюеву, что К. Солонина «клялся ему, гетману, пред Спасовым образом, что никакова зла и измены против государства Московского и его, гетмана, не мыслил, и сказал, что ни про что с полской стороны не ведает и в тех своих словах ему, гетману, крест целовал и обещался <...> великим государям служить и прямить верно». После присяги в Батурине Самойлович заставил бывшего киевского полковника присягать «вдругорядь», в Киево-Печерском монастыре при архимандрите Иннокентии Гизеле и «потому ево обещанию свободна учинил». Как следует из фрагментов наказа Л.Р. Неплюеву, ранее гетман запрашивал царское правительство, что ему делать с Солониной, но из Москвы ответили, чтобы Самойлович поступил с ним «по своему рассмотрению» (Там же. Л. 239, 262—268). Об отрешении К. Солонины от должности см.: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 107.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 423. Л. 1.

¹¹¹ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 23.

¹¹² Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 77. Об этом сообщил 18 декабря на расспросе в Малороссийском приказе гетманский гонец Григорий Булдаковский.

¹¹³ Согласно выписке о жаловании гетманским сыновьям, Яков прибыл в Москву 12 июня 1679 г. См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 67.

¹¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 33.

¹¹⁵ Богдан Лисов — «дворецкий» Якова, живший вместе с ним в Москве в конце 1670 — начале 1680-х гг. Сохранился царский указ от 24 февраля 1680 г. дать из Малороссийского приказа Павлу Васильковскому, учителю гетманского сына, и Б. Лисову, «для нынешнего настоящего зимнего времени», первому «за мех лисей с четью хрептовой» — 11 руб. 8 алтын, второму «за мех лисей с четью ж хрептовой же» — 9 руб. См.: Там же. Оп. 1. Д. 152. Л. 61.

¹¹⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 24. Л. 1—3.

¹¹⁷ Там же. Ф. 3. Д. 424. Л. 1—1 об. Письмо датировано 9 ноября 1682 г. Глухов.

¹¹⁸ Там же. Л. 2.

¹¹⁹ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 25 об.—26.

¹²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 29—30.

¹²¹ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 135.

¹²² *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 330.

¹²³ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 523.

Глава 2

ГЕТМАН САМОЙЛОВИЧ, ЧЕТА ШЕРЕМЕТЕВЫХ И ЦАРСКИЙ ДВОР В 1682—1684 гг.

I

Во второй половине ноября 1682 г., вскоре после бракосочетания, Ф.П. Шереметев вернулся к месту службы — в Севск, по всей видимости, вместе с молодой женой¹. Гетман не забывал своих «детей», направив туда генерального хорунжего М.А. Миклашевского с двумя сотнями золотых и восемью штуками сафьяна².

Породнившись с одной из наиболее знатных боярских фамилий, честолюбивый Самойлович, впрочем, полагал, что к «чести» севско-го воеводы, которой пожаловали его зятя, необходимо добавить и солидную материальную базу. Не удовлетворился он и полученной Ф.П. Шереметевым должностью, предприняв в скором времени попытки еще выше продвинуть по чиновной лестнице нового родственника. Почти сразу после бракосочетания Самойлович приложил на самых разных направлениях значительные усилия, чтобы содействовать переводу Шереметевых на службу в Москву. Кроме того, заботясь о престиже своей семьи, он намеревался хлопотать об аудиенции молодоженов у великих государей.

Один из поводов поспособствовать возвышению зятя Самойловичу вскоре представился в связи с поездкой на Украину стольника Василия Абрамовича Лопухина и подъячего Емельяна Шестакова. Царский указ об их посылке в Батурин появился 15 декабря 1682 г., тогда же стольник и подъячий «были у руки» царей Ивана и Петра и через два дня выехали из столицы³. Лопухин повез Самойловичу среди прочего и «особую» царскую грамоту с извещением, что царям бил челом П.В. Большой Шереметев, у которого «зговорен <...> сын ево», стольник Владимир Петрович Шереметев «женитца», тогда как дочь Марью Петровну боярин намеревается «выдат замуж». «И тому брачному союзу приходит время и срок», — констатировалось в царской грамоте. Поэтому цари уважили челобитые Шереметева и разрешили гетманскому свату выехать в Москву⁴.

Согласно наказу В.А. Лопухин должен был передать Самойловичу, что Ф.П. Шереметеву вместе с товарищем белгородского воеводы П.Д. Скуратовым указано выступать «в сход» к гетману в случае нападения на край

неприятельских войск, «не описываясь к царю» (вероятно, имелось в виду возможное вторжение польских или крымско-татарских войск)⁵.

О высоком доверии московского правительства к украинскому гетману, для завоевания которого тот приложил немалые усилия, свидетельствовало и привезенное Лопухиным, адресованное гетману письмо В.В. Голицына, в котором последний сообщал гетману «о московском поведении, что милостивым Божиим призрением и счастьем великих государей наших <...> и праведными молитвами все, что было не тихомирно, то совершенно уже утихомирilos, понеже непокоровые все к первому превратилися смирению и послушанию»⁶.

25 декабря на подъезде к Батуруну Лопухина и Шестакова торжественно встретил знатный войсковой товарищ И.С. Мазепа с эскортом казаков охочекомонных полков во главе с полковниками Андреем Ребриковским и Дмитрием Чечелем, а также батуринским сотником Еремой Андреевым. На следующий день гетман принял у себя царских посланцев в присутствии генерального судьи Ивана Домонтовича, генерального писаря Саввы Прокопова и «вместо есаула» — Ивана Мазепы. Материалы дела о поездке Лопухина и Шестакова сохранились не полностью⁷. Из имеющихся в нашем распоряжении документов (фрагментов наказа и статейного списка) следует, что на переговорах обсуждались в основном вопросы положения городских стрельцов на Украине в связи с недавними событиями в Москве (особенно гетман беспокоился о гарнизоне Переяславля, где стрельцы волновались и едва не убили воеводу князя Ивана Белосельского, который схоронился у местного полковника Л. Полуботка), увеличения численности русских войск в украинских городах и проч.⁸

Не были забыты и семейные дела Самойловича, который, пользуясь доверием и расположением к себе царского правительства, попросил вызвать в Москву Ф.П. Шереметева с супругой «для того, чтоб ему себе купить двор московской и деревню»⁹.

29 декабря И.С. Мазепа сопровождал Лопухина и Шестакова на отпускную аудиенцию. 4 января 1683 г. они прибыли в Москву¹⁰, подав на следующий день в приказ гетманские грамоты. В одной из них (от 28 декабря) И. Самойлович благодарил за вызов в Москву из Курска П.В. Большого Шереметева «для самых его нужд домашних» и сообщал, что Лопухин словесно донесет царям просьбы уже о гетманских домашних делах¹¹.

Лопухин доставил письмо гетмана для В.В. Голицына. «Усердственно радуюся о том, что велможность ваша, мой благодетель и приятел,

любительными своими письмами мене, слугу своего, многожды посещаешь, — говорилось в нем, — за что покорственно воздаю благодарение и впред прошу, не отдаляй мене от добродетельной своей милости». Самойлович благодарил русского канцлера за его сообщение о стабилизации внутривосточной обстановки в Москве и заверял Голицына, что он «со всем Войском Запорожским зело о том возрадовался». «Благодарение воздаю Господу Богу и прошу Его Святой милости, дабы и во все времена благословил великих государей наших <...> таковым счастьем, дабы смирное и долголетное на своих высоких и преславных российского царствия престолах имели государствование»¹².

Однако о намерении П.В. Большого Шереметева выехать в Москву И. Самойлович узнал еще до прибытия в Батурин В.А. Лопухина и Е. Шестакова. В Москву был немедленно направлен гетманский гонец — войсковой канцелярист (писарь) Григорий Булдаковский, прибывший туда 18 декабря¹³. Помимо доклада о взаимоотношениях гетмана с Крымским ханством, ситуации на Правобережной Украине и проч.¹⁴, гонец должен был обратиться с просьбой к В.В. Голицыну касательно отъезда в Москву Ф.П. Шереметева с супругой.

В «особом письмеце» от 11 декабря 1682 г. гетман благодарил В.В. Голицына за то, что именно с его «благодати и милости многоприятной объявилось помощи к приятелскому нашему з боярином Петром Васильевичем Большим Шереметевым сосвоению» и сообщал, что знает о намерениях «приятеля» и свата ехать в Москву. «Того ради, — просил Голицына гетман, — желаю аз сердечно, чтоб и дети мои, боярин Федор Петрович с своею женою, а дочерию моею, туды ж к царствующему граду для отдания нижайшаго великим государям челобитья, не омедлевая, сим же зимним путем поехали». Голицына гетман просил поспособствовать осуществлению его просьбы, чтобы Федор и Прасковья «сподобилися пресветлые великих государей видети очи»¹⁵.

27 декабря 1682 г. или вскоре после этого дня Г. Булдаковский двинулся в обратный путь, увозя с собой датированную этим числом и царскую грамоту Ф.П. Шереметеву в Севск. Со ссылкой на гетманское челобитье и «доношение» В.В. Голицына (от 18 декабря) гетманскому зятю позволялось выехать в Москву, но лишь дождавшись возвращения в Севск из столицы Л.Р. Неплюева¹⁶. Ф.П. Шереметев, впрочем, не особенно беспокоился, что город на какое-то время останется без воеводы. Еще остановившись в Севске по пути в Москву, Булдаковский не нашел гетманского зятя на месте службы, который,

как оказалось, уехал в Курск к отцу, оставив город в отсутствие Неплюева на попечение дьяка Федора Ефимьева¹⁷.

По окончании своей миссии Г. Булдаковский повез и ответное письмо гетману от В.В. Голицына, уверявшего, что «донес» великим государям обо всех просьбах гетмана, в частности и об отпуске Шереметевых к Москве¹⁸.

Однако еще ранее, чем И. Самойлович получил эти послания, в Москву 27 декабря примчался очередной гонец — слуга гетмана Александр Созон (Созонов) уже с единственной задачей — ускорить приезд Шереметевых в русскую столицу. В новом письме В.В. Голицыну гетман вновь напоминал о своей предыдущей просьбе — разрешить скорейший выезд в Москву отцу и сыну Шереметевым, чтобы его зять с супругой могли «ради сочетания своего в законный брак должное от себе пресветлому монаршему престолу отдати челобитье», и просил еще раз ходатайствовать за него при дворе. «Яко и сам-то ваша княжая велможность разсудити изволишь, — писал гетман князю, — что зятю моему, конечно належит та должность, дабы за неизреченные монаршеские милости так блаженные памяти от великого государя <...> Федора Алексеевича <...> в начинание того брачного дела оказанные, яко и от их, ныне благополучно обладающих скипетродержцев их царского пресветлого величества, и самому онго совершенству <...> безотложно учинил свое благодарствие»¹⁹. Если через Г. Булдаковского гетман обращался с этой просьбой только к канцлеру, то теперь прислал и соответствующий «покорственный лист» к царям.

В грамоте на имя царей Ивана и Петра Иван Самойлович благодарил за полученную им 18 декабря грамоту с официальными царскими поздравлениями по поводу свадьбы дочери. «Ваше милостивое и премилостивое монаршеское поздравление <...> — писал гетман, — аки слово Божие, вся благая плодствующее, в сердце мое приняв аз, тако совершенною о том радостью радуюся и со изливанием сердечных слез хвалю о сем, иже есть всему начало и конец всеблагого Бога, тако многократное всенижайшее и всепокорнейшее мое до лица земли творя челобитие, сердцем и душою достойное вам, великим государям, воздаю благодарение. И верными моими службами купно з детми моими во вся дни века нашего должны будем вам, великим государям, желати и прияти всякого добра и благополучия». Поскольку зятю его, считал Самойлович, «належит, очевидно, за многие ваши монаршеские прещедрые и превысокие милости отдати вам, великим государям, под

нози пресветлого престола нижайшее челобитье», гетман просил послать «повеление», чтобы сват и зять его ехали в Москву, и известить его о соответствующем царском указе Шереметевым²⁰.

Как видно, сами Шереметевы сообщили гетману о намерении его свата выехать в Москву. Вполне возможно, что именно по просьбе П.В. Большого Шереметева Самойлович стал усиленно хлопотать о вызове в столицу и зятя с дочерью, в то время как Ф.П. Шереметев уже готовился покинуть Севск, не дожидаясь царского указа.

Сношения гетманской администрации и московского правительства во второй половине декабря 1682 — первой половине января 1683 г. характеризовались особой интенсивностью. Центральную роль в них играла миссия к гетману севского воеводы Л.Р. Неплюева. Об этой поездке, состоявшейся по гетманскому челобитью для разговора «о делах», Самойловича информировали царской грамотой от 28 ноября. После встречи Неплюев должен был выехать в Москву²¹. 12 декабря направлявшийся в Москву Г. Булдаковский встретил в Глухове ехавшего в Батурин Неплюева²². «Тайные» переговоры думного дворянина и гетмана состоялись 15 декабря²³. Судя по дате доставленного Неплюевым гетманского письма к В.В. Голицыну, он выехал из Батурина после 16 декабря. В самом письме гетман, любезно и с нарочитой почтительностью обращаясь к Голицыну, как к тому, который «всеми делами государства московского наипочтеннейше» ведает, просил его «милостиво» выслушать «о моем домовом деле несколько слов» и «к пресветлейшему монаршескому престолу о том заступление чинить»²⁴.

Декабрьская миссия Неплюева практически не получила отражения в известных нам документах. Между тем о важности этих переговоров свидетельствует то, что именно тогда гетман через посредство окольничего обратился к царскому двору с просьбой пожаловать его зятя, дав ему земли в Рыльском или Курском уезде, «где он приищет». 30 декабря по царскому указу была послана соответствующая память из Малороссийского в Поместный приказ — дать Ф.П. Шереметеву землю «в поместье». При этом отмечалось, что «иным ево братьи то не во образец». Указ должен был быть «учинен» в Поместном приказе, а грамота — послана в Севск Л.Р. Неплюеву²⁵.

7 января 1683 г. в обратный путь на Украину двинулся А. Созон с царской грамотой, в которой вновь сообщалось, что вопрос о выезде Ф.П. Шереметева и Прасковьи решен положительно и к севскому во-

евводе послан указ ехать в столицу после возвращения в Севск из Москвы Л.Р. Неплюева²⁶.

Тем же днем датирована и царская грамота от 7 января 1683 г., которой Ф.П. Шереметев уведомлялся о назначении Л.Р. Неплюева, который сам перед этим был севским воеводой, ему в товарищи и скором его прибытии в Севск. В стандартный текст отпуска была включена рекомендация гетманскому зятю, не имевшему достаточно военно-административного опыта вершить «полковые и росправные дела сообща»²⁷. Однако уже 11 января появился царский указ о вызове молодого Шереметева в Москву²⁸.

Упорство, с которым гетман Самойлович добивался не только вызова в Москву четы Шереметевых, но и их аудиенции у царей, свидетельствует, что акт этот имел для него особенное символическое значение. Оно заключалось не столько в стремлении проявить лояльность русскому двору или же поднять престиж при московском дворе своих новых родственников и выпросить для них богатые пожалования, сколько в желании продемонстрировать казацкой старшине всестороннюю поддержку Москвы, выражавшуюся в царских милостях не только к самому гетману, но и его дочери и зятю.

В середине января 1683 г. в Москве решили опять послать к Ивану Самойловичу окольничего Л.Р. Неплюева (был пожалован в окольничие 1 января 1683 г.²⁹). Он должен был сообщить гетману, что его зятю в соответствии с гетманским челобитьем пожаловано поместье в 1 тыс. четвертей на землях Рыльского или Курского уезда, объявить о назначении в Курск нового воеводы Белгородского разряда — Алексея Семеновича Шеина (вместо П.В. Большого Шереметева) и о царском жалованье Самойловичу «за службу и радение о целости Малороссийского края»³⁰. Отпуск грамоты гетману с извещением о выезде к нему Неплюева датирован 15 января³¹, а грамоты Самойловичу о пожаловании Шереметева поместьем, которую окольничий должен был вручить гетману, — 14 января³². Царское жалованье повез из Москвы подьячий Вонифатий Парфеньев³³. Кроме того, он должен был поздравить Самойловича с рождением у того дочери Евгении³⁴.

Леонтий Неплюев получил указ ехать из Москвы в Севск, а затем в Батурин 11 января. Ответную грамоту Самойловича, статейный список поездки окольничего, а также «словесному тайному разговору записку» гетмана и воеводы Неплюева доставил в Москву подьячий В. Парфеньев 8 февраля 1683 г.³⁵ Из записки следует, что миссия Неплюева име-

ла для находившейся у власти в Москве боярской группировки особое значение. Состоявшийся 24 января новый раунд «тайных» переговоров стал продолжением предыдущей декабрьской встречи, поскольку Неплюев «против статей, о которых к великим государем декабря в 15 день он, гетман, с ним же околничим и воеводою приказывал, на те статьи ответы объявлял». Согласно 1-й статье Неплюев уверял гетмана, что «между великими государи их государской братцкой совет великим любительным союзом совершенно обязан и московского государства ко всем людям их государское общее милосердное призрение». Видимо, это был ответ на выраженную ранее обеспокоенность Самойловича внутривнутриполитической обстановкой в Москве. Кроме того, Неплюев обратил внимание на особую роль Софьи в управлении Россией: «...по общему их государскому совету их государская сестра великая государыня благоверная царица и великая княжна София Алексеевна Московское государство правит и за дела государственными посольскими и земскими в полате, люботрудно, с продолженным временем имеет повседневно пребывание и на все дела ее государыни мудрыми указы ответы и росправы скорые и всему Московскому государству пожиточные». «Она, государыня, — продолжал Неплюев, — святейшему патриарху в церковном строении чинит споможение и о постоянстве народов имеет попечение и милостию Божиею и их государским общим счастьем великия государыни благоверная царица и великия княжны Софии Алексеевны святая апостолская соборная Церковь от расколу свободна и народ в постоянство приведен и впредь всенародной крепости неотменно чае»³⁶. Гетман, выслушав статьи, возблагодарил Господа и «зело обрадовался и за объявление таковых преченных чудесных, и радосных, и высоких похвал, достойных дел на милости великих государей <...> и великия государыни <...> бил челом и кланялся до земли». Самойлович выразил удовлетворение царящим согласием между царями Иваном и Петром: «...между великим государи нашими да будет посредник и охранитель Господь Бог и да подаст им, государем нашим, вседержительная Божия десница мирное и долголетное благосчастное и здоровое на преславных российского царствия престолех пребывания». Аналогичные пожелания гетмана касались и правления Софьи³⁷. Под конец «тайного разговора» Иван Самойлович с одобрением отозвался о нормализации внутривнутриполитической обстановки в русском государстве и заявил о полной поддержке правительству царицы Софьи и В.В. Голицына³⁸.

Кроме того, Неплюев информировал гетмана о посылке стрельцов из Москвы на службу в различные города и обсудил с ним подготовку русского посольства в Речь Посполитую³⁹. Взаимоотношения с Крымом, Османской империей и Речью Посполитой, политику в отношении Запорожья, размещение стрелецкого гарнизона в Батурине, а также судьбы недавно смещенных со своих постов и арестованных за антигетманские интриги полковников — киевского Константина Солонины и переяславского Родиона Дмитрашки (Дмитрашки Райчи) гетман и окольничий обсуждали согласно сохранившемуся фрагменту статейного списка Неплюева. Окольничий также объявил гетману, что по царскому указу начальник стрелецкого гарнизона в Батурине отныне будет именоваться воеводой (в ответ на соответствующую гетманскую просьбу), что сам Неплюев назначен севским воеводой вместо отъезжающего в Москву Ф.П. Шереметева, а на воеводство в Курск вместо его отца поставлен А.С. Шеин⁴⁰.

В одной из ответных грамот И. Самойлович благодарил царей за оказанное доверие и милости, о которых его известил Л.Р. Неплюев, и за жалованье, которое привез В. Парфеньев. Гетман выражал признательность и за поздравления по поводу рождения дочери, хотя она, как говорилось в грамоте «судбами Божиими вскоре своею кончиною от мене отиде», и за пожалование его зятя поместьем, составившем «земли нарочиту меру»⁴¹.

7 февраля 1683 г. в Москву, видимо вместе с В. Парфеньевым, прибыли посланцы И. Самойловича — знатный войсковой товарищ Иван Мазепа и Кирилл Дорофеев⁴². Для обсуждения им были поручены не только семейные дела гетманских родственников, но и существенные политические вопросы, касавшиеся податной системы на Украине и экономических интересов и прав малороссийских сословий. В привезенной посланцами гетманской грамоте констатировалось, что Федор и Прасковья поехали в Москву «видет их государские пресветлые очи, да от себя он, гетман, послал с челобитьем знатного войскового товарища» И. Мазепу⁴³.

Согласно реляции находившегося в тот момент в Москве польского дипломата (автором ее был посланник в Россию С. Бентковский либо сопровождавший его И. Лядинский⁴⁴) Мазепа (в польском документе именуется уже генеральным есаулом) прибыл в столицу, как раз сопровождая зятя и дочь гетмана. Именно в ходе этого визита в Москву будущий гетман Малороссии, возвращаясь с пира от некоего бояри-

на (Ф.П. Шереметева?), подвергся нападению слуг князя Троекурова, получив несколько ран в руку и голову. За преступление двенадцать человек было наказано кнутом, а дворецкого и его сына (видимо, предводителей шайки) приговорили к смертной казни через повешение. Князю Троекурову (скорее всего, речь идет о боярине Иване Борисовиче Троекурове, главе Поместного приказа), однако, удалось откупить своих слуг от виселицы якобы за астрономическую и совершенно неправдоподобную сумму — 3500 руб. (*prołczwartą tysiąca rubli*)⁴⁵.

В письме от 18 июля 1683 г. Самойлович благодарил В.В. Голицына за скорый розыск и наказание виновных. Хотя, по словам гетмана, ему было «скорбно» узнать «о бою Ивана Мазепы», он вместе с тем выражал благодарность, что «виноватым учинен праведный суд». «Божиим поупущением почитаю тому быти случаю», — завершал он послание⁴⁶.

Несмотря на печальный инцидент и полученное ранение, Мазепа оставался в русской столице почти месяц — до начала марта 1683 г. Столь долгое пребывание в Москве одного из ближайших к Самойловичу представителей казацкой старшины объяснялось, по всей видимости, необходимостью содействия обустройству в столице гетманской дочери с мужем.

В кругу традиционных политических вопросов, обсуждавшихся, по поручению Самойловича, Мазепой с русским правительством, на первое место вышли вопросы винных откупов (т.н. аренд) и отношений с Правобережьем. Гетман обращал внимание Москвы, что аренды вызывают недовольство простого народа, которое искусно используется польской пропагандой. Однако в случае их отмены, считал Самойлович, негде будет взять денег на «войсковые потребности». Батурин также тревожила активизация политики молдавского господаря Г. Дуки по заселению пустующих земель на правом берегу Днепра. Наконец, гетман просил «малороссийских городов жителей, как духовным, так и мирским, без ево гетманских листов жалованных грамот не давать»⁴⁷. Соответствующие грамоты Самойловича Мазепа объявлял в приказе 19 февраля.

Что касается аренд, то в ответном царском послании гетману сообщалось, что великие государи указали «в малороссийских городех арендам быть по-прежнему, для того, есть ли те аренды <...> для тех неприятельских погрозок перевести, и от того будет неприятелем радость», а Самойловичу «подозрение», чем немедленно воспользуются его внутренние враги, чтобы учинить «смуту» на Левобережной Ук-

раине⁴⁸. Суть этого уклончивого ответа, была, по-видимому, в том, что московское правительство не было готово к компенсации военных расходов Украинского Гетманства в случае отмены аренд, на что недвусмысленно намекал Самойлович⁴⁹.

Будучи в Москве, Мазепа предпринял ряд важных шагов, касавшихся положения Шереметева и его жены. От имени Самойловича он доставил в Москву «в дарех свадбы (т.е. с okazji брака Ф.П. Шереметева и Прасковьи. — К.К.) аксамиты и сосуды серебряные» для матери царя Петра — царицы Натальи Кирилловны, вдовы царя Федора — царицы Марфы Матвеевны, а также царских теток и сестер⁵⁰. В царской грамоте от 10 марта, которую повез покидавший столицу Мазепа, гетмана информировали, что, в соответствии с его просьбами, боярыня Прасковья Шереметева удостоена высочайшей аудиенции не только царей Ивана и Петра, но и других членов царского семейства. Кроме того, гетмана уведомляли о пожаловании Федора и Прасковьи вотчиной — селом Борками⁵¹. Соответствующий указ был дан в тот же день⁵². В связи с этим из приказа Большого дворца Малороссийский приказ затребовал сведения о состоянии Борок, «и на каких урочищах, и что в том селе и в деревнях крестьянских и бобыльских дворов». Таких дворов оказалось 256⁵³. 19 марта 1683 г. из приказа Малой России боярину и дворецкому Василию Федоровичу Одоевскому в Большой дворец была отправлена очередная память, что Ф.П. Шереметеву «по челобитью тестя ево» велено дать из «дворцовых сел в вотчину в Резанском уезде в Старом Резанском стане на реке на Поре село Борок з деревнями». В Большом дворце должны были выдать Ф.П. Шереметеву жалованную грамоту⁵⁴, однако, как это стало ясно позднее, не выдали. Причины этого до конца не понятны.

Пожалование с. Борки в 256 дворов сразу выводило молодого Шереметева в ряды крупных вотчинников⁵⁵. Для сравнения — весь вотчинный фонд рода Шереметевых (один из крупнейших в стране), по подсчетам О.А. Шватченко, составлял в 1678 г. 2084 двора⁵⁶. По расчетам того же исследователя, средний размер особо крупной вотчины (свыше 100 дворов) в Черноземном центре России, куда входил и Рязанский уезд, составлял в 1678 г. 208,3 двора⁵⁷. Таким образом, величина данного молодому Шереметеву имения, которым ранее владели лишь заслуженные царедворцы, лишний раз подчеркивает особенный характер этого пожалования. О высоком статусе пожалования свидетельствует и то, что оно было сделано из дворцовых имений.

Будучи в русской столице, Мазепа также «по челобитью» Самойловича «за верные ево службы» ходатайствовал «словесно» о скорейшем освобождении из сибирской ссылки бывшего войскового писаря Захара Шийкевича с женой и детьми. Память о его отправке в Москву из Тобольска была послана из Малороссийского в Сибирский приказ 12 марта⁵⁸.

Помимо вотчины, гетман хлопотал и о покупке его «детям» двора в Москве. Большую поддержку Мазепе в этих делах оказал В.В. Голицын. В письме ему от 19 апреля гетман благодарил канцлера за то, что тот «своим разсуждением желателно предстательствовати изволил» оказанной Шереметеву царской милости (имелось в виду пожалование Борок). Самойлович также сообщал, что узнал от Мазепы о позволении его зятю купить московский двор. Гетман благодарил Голицына за содействие и в этом деле. «Понеже зятю моему в начале веку своего достадолжно есть своего сущаго жития [иметь], в своем особном дворе зачало и исправление, — рассуждал Самойлович, — от чего бы и мне росла утеха и пришлой утехи надежда, тогда прошу покорне, изволь ваша велможность своим высоким разумом и почтенным предложением вспомочь тому моему желанию, чтобы сват мой милый, боярин его милость Петр Васильевич Шереметев, ему, сыну своему, а зятю моему, на то отдельное житие не возбрания своего отеческого благословения»⁵⁹.

Мазепа привез в русскую столицу и предназначенную на покупку денежную сумму — 4997 ефимков. «По челобитью» гетмана они были «переделаны <...> в мелкие денги». 10 мая 1683 г. последовал царский указ передать из приказа Большой казны в Малороссийский приказ получившиеся из ефимков 2 894 руб. 19 алтын и «полшесты деньги», откуда их должны были выдать Ф.П. Шереметеву «на покупку двора»⁶⁰.

Двор, который присмотрела себе молодая семейная пара, располагался в Белом городе, на Покровке, «в приходе у церкви Николая Чудотворца». Принадлежал он вдове недавно умершего боярина и начальника Посольского приказа Василия Семеновича Волынского, Марии Яковлевне. Предыдущий владелец позаботился о расширении своих дворовых владений, прикупив участки земли у соседей, в т.ч. у князя И.А. Хованского, казненного в сентябре 1682 г. Двор, с каменными палатами, надворными постройками и садом, соседствовал с двором еще одной жертвы смуты 1682 г. — боярина А.С. Матвеева, убитого во время стрелецкого бунта в мае 1682 г. Сделка состоялась 15 мая 1683 г. Ф.П. Шереметев заплатил М.Я. Волынской 4 700 руб.⁶¹, добавив, таким образом, к деньгам, полученным из Малороссийского приказа, недоста-

ющую часть (видимо, полученную от гетмана отдельно). Текст купчей грамоты публикуется в приложении (см. документ № 1).

Таким образом, главным итогом поездки Мазепы в Москву в начале 1683 г. стало удовлетворение личных просьб Самойловича в отношении семьи его дочери. Возвышение Ф.П. Шереметева, чему гетман поспособствовал, вложив и немалые собственные средства, должно было послужить убедительным свидетельством прочности позиций Самойловича и его влияния при царском дворе и давало надежды гетману на положительное рассмотрение поступающих в Москву украинских прошений, касавшихся политических и иных вопросов.

В Москве чета Шереметевых принимала заметное участие в придворной жизни. Так, например, в царской грамоте, отправленной гетману некоторое время спустя, констатировалось, что цари Иван и Петр Шереметеву и его супруге «на приезде нашего царского величества и матери нашей благоверной государыни царицы и великой княгини Натальи Кириловны и <...> благоверной царицы и великой княгини Марфы Матвеевны и наших великих государей теток и сестры (Софьи. — К.К.), благоверных царевен и великих княжен очи видеть указали и [бояриня Прасковья] нашим великих государей нашего царского величества жалованьем пожалована от нашей царского величества казны»⁶². Участие в придворных церемониях побудило Прасковью принять меры по обновлению своего гардероба в соответствии с московской модой. Так, в реестре имущества гетманской дочери, составленном уже после ее смерти, отмечено, что жемчуг полученных ей в приданое пяти монист в пятьдесят пять нитей был использован для украшения сделанных по заказу Прасковьи шапок и кокошников на московский манер. Прасковья заказала себе в Москве новые сорочки, купила большое «зерцало», а собираясь на аудиенцию в царские покои, распорядилась из двух золотых цепочек сделать одну, которую «з Верху идучи згубила» (потеряла)⁶³. После смерти Прасковьи в 1685 г. от нее осталось два сундка с «русским платьем», содержимое которых было, по всей видимости, куплено или заказано в русской столице⁶⁴. При царском дворе особенную благосклонность к гетманской дочери проявляли царевна Софья и царица (с начала 1684 г.) Прасковья Федоровна, супруга царя Ивана Алексеевича.

Сам Ф.П. Шереметев 12—13 апреля находился среди сопровождавших царей Ивана и Петра во время торжественного выезда в Новодевичий монастырь⁶⁵, сопровождал Петра Алексеевича в походах

в село Воробьево 6 мая и 13 июля⁶⁶. Исследователь политической борьбы в верхах русского общества в эпоху регентства царевны Софьи — А.С. Лавров делает из этого вывод, что Ф.П. Шереметев прикнуд к сторонникам царя Петра. Однако историк ошибается, когда видит причину произошедшего в родственных связях Ф.П. Шереметева по линии жены с князьями Урусовыми, которые являлись сторонниками Нарышкиных⁶⁷. Очевидно, что в описываемое время Шереметев был женат на гетманской дочери и вступил в брак с княжной Урусовой значительно позже, уже после смерти первой супруги.

Причины перемен в политической ориентации молодого Шереметева при царском дворе не столь очевидны. Возможно, одной из них была размолвка между отцом и сыном из-за выдела П.В. Большим Шереметевым имущества молодым для самостоятельной жизни. Вспомним, что гетман в апреле 1683 г. осторожно выражал надежду, что отец не запретит его зятю жить отдельно, а в начале 1684 г. уже открыто сетовал, что его сват сыну Федору «ничего своего не дает» (подробнее об этом ниже). Не исключено и то, что Шереметевы не желали связывать судьбу рода только с одной из противоборствовавших группировок, и поэтому, в то время как отец принимал участие в торжественных выездах старшего царя, Федор появлялся при дворе младшего.

Между тем где-то в начале мая 1683 г. Прасковья серьезно заболела. В письме В.В. Голицыну от 20 мая (из Глухова) Самойлович сетовал, что находится «в немалой скорби, уведомився, что дочь моя Прасковья Ивановна пребывает на Москве больна и едва будет жива». Привезший письмо слуга по имени Афанасий (Дорофеев?) должен был разузнать про состояние боярыни⁶⁸. Именно он, видимо, и был тем Панасом, который привез в Москву для зятя и дочери Самойловича «двести дватцать золотых копейк»⁶⁹.

Однако опасения заботливого отца оказались напрасными. Из черновика ответного письма Голицына видно, что Прасковья к началу июня поправилась. Канцлер сообщал гетману: «а о дщери твоей боярыне Прасковье Ивановне ведомо чиню, что милостию великого Бога и твоими молитвами от скорби ее есть облегчение»⁷⁰.

Вскоре после 13 июля 1683 г. Ф.П. Шереметев, по всей вероятности вместе с Прасковьей, выехал в свою новую вотчину — село Борки. Не в последний момент, видимо, это было связано и с полученными гетманским зятем сведениями о конфликте его крестьян с соседями — казаками и драгунами села Сапожок из-за смежных земельных владений.

II

Очередным важным этапом гетманской политики, тесно связанной с судьбой Федора Шереметева и Прасковьи, стала миссия в Москву старшего канцеляриста Василия Кочубея. Согласно «Книге записной», он пробыл в русской столице более месяца — с 29 июля по 3 сентября 1683 г.⁷¹ Относящиеся к ней материалы сохранились в составе столбцов фонда 229 РГАДА (дело № 170). Однако в описях не дано адекватного отражения его содержания из-за несоответствия нумерации листов дела и составляющих его документов, из-за разрозненности и неупорядоченности отдельных столбцов⁷². Это значительно затрудняет работу исследователя с названными материалами.

Среди поручений, данных Василию Кочубею, были и касавшиеся молодоженов Шереметевых. Во-первых, он должен был просить о выдаче жалованной грамоты на с. Борки на имя Федора и Прасковьи, где было бы отмечено, что вотчина дана по челобитью гетмана. Во-вторых, добиться межевания новых владений гетманского зятя в связи с острыми конфликтами владельца Борок с соседями из-за спорных угодий. В-третьих, Кочубей должен был получить копию купчей на приобретенный в Москве для молодых двор, где было бы указано, что покупка совершена на деньги гетмана.

Вскоре после приезда в Москву (между 29 июля и 7 августа) состоялась встреча В.Л. Кочубея с В.В. Голицыным для разговора по пунктам гетманской инструкции. Свидетельство об этом сохранилось в форме документа, представляющего изложение соответствующих пунктов инструкции, сделанное Кочубеем устно или поданных предварительного «на письме», и ответов и решений Голицына, как данных старшему канцеляристу непосредственно в ходе встречи, так и записанных позднее. Однако листы этого документа в беспорядке рассеяны по всему архивному делу № 170, поэтому восстановление содержания переговоров (равно как и гетманской инструкции) представляет собой задачу отдельного источниковедческого исследования.

Одним из предметов обсуждения на встрече стал конфликт в вотчине Шереметева. Кочубей заявил, что соседские казаки и драгуны крестьян боярина «грабят, жен и детей бесчестят», и передал челобитие гетмана, чтобы великие государи велели зятя и дочь его «от таких озорников оборонит, и то село от соседей отмежевать и владеть ему с мельницею и с торгом, как владел боярин» Иван Максимович Языков.

Самойлович просил, чтобы спорные земли фактически были признаны владением Шереметева. Также Кочубей попросил выдать ему грамоту для Шереметева, «как то село будет написано» (т.е. жалованную грамоту с описанием владений, в т.ч. и присоединенных спорных земель), и список с нее — для гетмана.

Русский канцлер ответил канцеляристу, что «мало у них в вотчинах между собою ссор бывает и они о том друг на друга бьют челом великим государям», однако ни от Шереметева, ни от его супруги, ни от П.В. Большого Шереметева подобных жалоб ранее не поступало. Решение Голицына по этому заявлению вписано другим почерком между строк: «...послат дворянина нарочно, велет по писцовым книгам и ту вотчину отмежеват, а про убивство и про всякие обиды разыскать и о том к гетману в грамоте отписать»⁷³.

О решении конфликта в Борках гетман лично просил В.В. Голицына. Самойлович уверял канцлера, что «изрещи невозможно, коль многая всегда» получает он от него «приятных дружеских благодетаний», вновь благодарил Голицына, «что на приезде» в Москву Ф.П. Шереметева и Прасковьи тот «изволил <...> своим высоким предпочтенным предстательством и паче иных почтенных сенатарей ходатайствовать о показании ему, зятю моему, и дщери моей монаршеской премилосердой милости и в подаении премилостиваго жалования отчины села Борков з деревнями». Самойлович просил канцлера, «дабы оные дети мои в том премилостивом монаршеском жаловании, о котором мне в пречестной монаршеской грамоте и в присланной росписи по указу великих государей объявлено, ни от кого разорения не терпели, да и мне оттуду большой не было скорби». Голицыну, «яко тому, который всеми государственными делами» правит, Кочубей должен был вручить и гетманскую инструкцию⁷⁴. В «особом письмеце» гетман конкретизировал свое видение ситуации с Борками на основе сведений, полученных им от возвратившегося к моменту отъезда В. Кочубея из Батурина в Москву некоего посланца, а именно, «что зело великие того села Борков и деревень его людем деютца беды». «Некие там казаки, близ села Борков живущие, — жаловался гетман, — по-неприятельски тех селян наезжают, с пахотного их поля збивают, имения их грабят и самих побивают, стада конские и животину отгоняют, посеянной хлеб топчут, луга косят и толочат, жен и детей безчестят и так немилостивно безчеловечно творят»⁷⁵.

III

Конфликт в Борках между крестьянами Шереметева с соседями отнюдь не сводился к мелкой вражде крепостных двух разных вотчинников. Сапожок входил в состав возникшей еще в XVI в. Засечной черты Московского государства. В 1615 г. он был отнесен ко второму отделу (рязанские города) украинских городов в системе обороны южного пограничья. Через Сапожок, в частности, проходила Ряжская засека⁷⁶. В Сапожковском уезде шло формирование корпорации служилых казаков и драгун, несших службу по охране засечной линии. Так, известно, что в рамках политики русского правительства по помещению на землю т.н. вольных казаков, проводившейся после Смуты, в 1620 г., 16 казаков были поселены в Сапожковском уезде⁷⁷.

В 1629 г. писец Григорий Федорович Киреевский и подьячий Никита Перфильев описали и отмежевали казацкие земли. При этом в границы Сапожковского уезда входили не только «дачи», пожалованные согласно окладам приборным служилым людям — драгунам и казакам, но и т.н. «порозжая обводная земля», которую местные землевладельцы «примеривали» (т.е. захватывали) и распахивали по мере необходимости.

В интересах обороны страны, главным образом от татарских набегов, правительство вводило запрет на раздачу вотчин и поместий московским чинам в южных и юго-западных уездах (т.н. «заказные» города). В 70-е гг. XVII в. московская аристократия добилась частичного снятия этого запрета, главным образом в городах, где опасность прорыва крымцев была уже маловероятна. Однако лавирование правительства между интересами столичных чинов и мелких землевладельцев пограничья приводила к неоднократному пересмотру списка открытых городов, когда их количество то увеличивалось, то сокращалось. В число менявших свой статус городов с «заказных» на открытые на непродолжительное время попадал и Сапожок⁷⁸. Так, в мае 1677 г. раздача земель в нем вновь была запрещена⁷⁹ и в очередной раз позволена лишь указом 7 августа 1681 г.⁸⁰

Сапожковский уезд граничил с Переславль-Рязанским уездом, где в рассматриваемое время уже располагались имения многих знатных московских вотчинников — Голицыных, Волынских, Долгоруких, а также дворцовые земли, в разное время жаловавшиеся представителям московской знати. Население боярских вотчин также увеличивалось.

Еще в 1616/1617 гг. (7125 г.) половина села Красная Слобода с угодьями была пожалованна Андрею Васильевичу Волынскому за службу его отца «за царя и великого князя Василья Ивановича <...> за московское осадное сидение»⁸¹. Позднее Волынский продал землю боярину Б.И. Морозову, который активно занялся колонизацией приобретенных владений, результатом чего и стало основание быстро розросшегося села Борки⁸². В 1672 г. после смерти последнего представителя рода Морозовых — Ивана Глебовича — Борки вместе с другими его владениями перешли в казну. В октябре 1680 г. царь Федор пожаловал бывшие имения Морозовых своим фаворитам — И.М. Языкову и А.Т. Лихачеву (последнему — «за чигиринскую службу»⁸³). Первому досталось село Борки, второму — половина села Красная Слобода. В общем владение они получили также расположенный рядом, за рекой Порой, значительный участок леса, где новоявленные собственники договорились о полюбовном разграничении (что подтверждается и жалованной грамотой Ф.П. Шереметеву⁸⁴). При этом, как пишет П.В. Седов, Языков и Лихачев выдвинули претензии и на земли соседних мелких землевладельцев. В феврале 1682 г. фавориты выхлопотали царский указ о передаче им спорных земель в поместье, ссылаясь на перенаселенность своих вотчин, но с условием, что «иным та дача не в образец»⁸⁵. Этой служилой мелкотой были как раз казаки и драгуны Сапожковского уезда.

Хотя фавориты царя Федора формально воспользовались указом 1681 г., пожалование носило исключительный характер. Это становится тем более очевидным, если принять во внимание результаты недавнего исследования М.Ю. Зенченко. Историк, проанализировавший практику раздач земель в уездах, еще недавно бывших «казачьими», пришел к выводам, что большинство московских бояр и дворян, «нахватавших» отводных грамот на владения в данных районах, не получили т.н. отводных выписей, которые подтверждали бы «превращение жалованных грамот в реальную землю». То есть правительство лишь декларировало раздачу земель, а на деле всячески тормозило ее. Более того, еще в 1677 г. был принят указ, согласно которому земельные споры за «примерные» земли между московскими чинами и служилыми людьми украинских городов следовало решать в пользу последних⁸⁶. В этой связи понятно, что сапожковские казаки и драгуны вполне обоснованно рассматривали захват их земель Языковым и Лихачевым как неправомерный.

Царские фавориты недолго владели своими пожалованными и захваченными земельными приобретениями. Весьма скоро сапожковским драгунам и казакам представилась возможность взять реванш. «Смутное время» 1682 г. закончилось, как известно, для И.М. Языкова и А.Т. Лихачева печально. Первый погиб от рук разъяренных стрельцов, второй был сослан, а имущество его конфисковано. Борки вскоре были пожалованы князю И.А. Хованскому, укрепившему свое влияние при царском дворе на волне стрелецкого недовольства. В июле 1682 г. в Борки «отказывать за него князь Ивана» поехал его человек Ерофей Хлопов вместе с подьячим приказа Большого дворца Андреем Палицыным⁸⁷.

Однако в день их прибытия в Борки сапожковские казаки и драгуны, уже, несомненно, зная о произошедших в Москве переменах, решили восстановить поправленную справедливость, прежде чем новый владелец вступит в свои права. И когда борковские крестьяне поехали на поле «жат боярской ржи» во главе с приказным человеком Афиногеном Петровым и Е. Хлоповым, навстречу им выехали драгуны и казаки, которые также «роз жали, и жатую к себе возили насилством, и многую рожь с боярских десятин пожали и повозили и потолочили, и жатую рожь у крестьян с поля повозили». Началась вооруженная стычка, в которой сапожковские служилые люди выступали «болшим собранием с пищальми и с мушкетей, с луки и с копыи и з бердыши». Поэтому и поле боя осталось за ними. В ходе стычки один из боярских крестьян — Пимен Ермолаев сын Пелепелкин был убит, а еще нескольких человек налетчики «изрубили и из луков перестреляли». Оборонявшаяся сторона сумела захватить одного из драгун — Игнатия Бордаковского, которого крестьяне «поймали и привезали к мертвому телу», а затем вместе с трупом Пелепелкина и «порубленными крестьянами» отправили в Переславль-Рязанский, в съезжую избу, для освидетельствования и допроса. Допрошенный там И. Бордаковский признал, что «они-де сапошковские всяких чинов служилые люди, всех слобод драгуны и казаки, вышед с Сапошка на то боярское поле и тех крестьян с того их поля ссылали и ржи дават им не хотели, и между собою учинился у них бой и драка». Назвал Бордаковский, который, по его словам, в это время стоял с товарищами у телег «для воски той жатой ржи», и имена убийц (сержанты Константин Морозов, Иван Чернышев, Киприан Фирсов, рядовые Анисим Зеленин, Афонка Морозов и др.). Материальные убытки Е. Хлопов оценивал в триста рублей⁸⁸.

Из Переславля-Рязанского в Сапожок для «розыску в смертном убийстве» отправился площадной подьячий Ефрем Александров с четырьмя служилыми людьми. Местный воевода Алексей Волжинский встретил приехавших враждебно, отказавшись дать им местных служилых людей «в прибавку». Посланным сначала удалось поймать трех подозреваемых (Ивана Чернышева, Кондратия Лучникова и Анисима Зеленина), однако «Сапошка-де-города служилые люди тех людей у них отбили и те-де отбитые люди ушли на воевоцкой двор», где уже схоронились и остальные разыскиваемые. А. Волжинский отказался выдавать «тех оговорных людей и отписки не дал»⁸⁹. Вскоре И. Бордаковский был освобожден «на поруки в статье с записью»⁹⁰.

«Война за межу» продолжилась и после пожалования Борка Ф.П. Шереметеву. 5 июня 1683 г. уже сам воевода Сапожка А. Волжинский выехал на спорное поле во главе отряда из более чем пятисот казаков и драгун «и по хлебу <...> крестьяном <...> наругая ездили, и поперек поля по хлебу проложили большую дорогу, и отвели той <...> земли на триста десятин со ржаным и еровым хлебом да сенных покосов на тысячу копен неведомо по какому указу». Когда приказчик Сергей Разбоев и борковские крестьяне спросили воеводу, «по какому указу» он действует, тот ответил, что по царскому, но сам указ, естественно, не предъявил. При этом двое сапожковских казаков (Денис и Гурий Бочаровы) «порубили» противникам двух лошадей, но были пойманы С. Разбоевым и крестьянами и отведены «к записке» в Переславль-Рязанский. Оттуда вновь был послан подьячий со служилыми людьми осматривать потравленные хлеба и проложенную через поле «дорогу».

Так события изложены в челобитной Ф.П. Шереметева, который попутно жаловался, что А. Волжинский, «того ево села Борку захвата земского дьячка» и одного из крестьян, держит их в тюрьме в Сапожке «и морит голодною смертью многое время»⁹¹.

IV

Розыск по делу о захвате владений Шереметева в Сапожковском уезде В.В. Голицын в ответ на настойчивые просьбы гетмана сначала решил начать немедленно. Седьмым августа датирован черновик соответствующей памяти из Малороссийского приказа в Разряд с указанием послать в Рязанский уезд для розыска «дворянина добра». О том, что Кочубей намекал на межевание к Боркам спорной зем-

ли, в документе ничего не говорилось⁹². Однако дело застопорилось (возможно, вышеозначенная память послана в Разряд не была), видимо, потому, что в Малороссийском приказе сначала хотели проверить справедливость гетманских жалоб, а заодно вызвать в Москву Ф.П. Шереметева. В царской грамоте, датируемой тем же днем, что и вышеупомянутая память, т.е. 7 августа, Ф.П. Шереметеву «для наших великих государей дел» предписывалось «ехать <...> к Москве тотчас». В село Борки, где в тот момент был боярин, грамоту повез подьячий Малороссийского приказа Василий Баутин⁹³.

9 августа В. Баутин выехал из Москвы, прибыв в Борки 13 августа. Здесь он стал свидетелем новых стычек Шереметева и его крестьян с казаками и драгунами Сапожка. 14 августа боярин в сопровождении Баутина, взяв с собой двух «старых крестьян» (как следует из дальнейшего повествования, с Шереметевым были и другие его люди), поехал осматривать «старые межи и хлеба». Не успели они прибыть на поле, как «от сапожковской стороны выскочили из лесу многие люди, сапожковские казаки и драгуны с ружем, з бердыши и с копыи». Один смельчак даже «набежал на боярина с рогатиною». Ф.П. Шереметев, однако, если верить подьячему, не растерялся — «от того мужика отворотил конем и, скача с лошади, того мужика поймал»⁹⁴. Однако В. Баутину, которого менее года назад (в октябре 1682 г.) били и таскали за волосы возмущенные стрельцы в Киеве⁹⁵, вновь не повезло. Он оказался не таким расторопным. Подьячего «казаки, поймав, били», пока его не «отняли» у них двое слуг Шереметева. Боярину и его людям удалось поймать восемь злоумышленников. Казаки и драгуны взяли в плен лишь одного «боярскова человека с лошадыю». В дальнейшем Ф.П. Шереметев, видя численный перевес («в собрании многолюдство») нападавших, предпочел ретироваться, забрав с собой пленных. На допросе в Борках они показали, что казаки и рейтары организовали две засады: одни «были у крайнова куста, а другие <...> — у частой дубровы». 19 августа Василий Баутин выехал в Москву, прибыв туда через три дня. По его словам, Шереметев собирался выехать в столицу 20 августа⁹⁶. Из материалов проводившегося позднее розыска известно, что Ф.П. Шереметев отправил захваченных казаков в Переславль-Рязанский, чтобы им учинили «указ по Уложению и по новым указным статьям, не описываяс о том к великим государям»⁹⁷.

Судя по всему, В. Баутин привез письмо Ф.П. Шереметева для В.В. Голицына, где первый сообщал о получении царского указа ехать в Москву «наскоро» и о своем намерении двинуться в путь в ближайшее

время. Шереметев писал, что находится «на Резани в деревнишке своей, в селе Борках, (и) до воли Спасителя Христа Бога своего жив». Он описывал произошедшую 14 августа стычку, особо обращая внимание начальника Посольского приказа, что Баутин-то «все видел и как меня безчестили скаредными словами». Любопытно, что свое «отступление» с поля боя Ф.П. Шереметев объяснял следующим образом: «И я, видя их воровское собрание, не хотя с ними ссоры учинит и людишкам напрасные смерти видеть, поехал в деревнишку свою». О захваченных казаках Шереметев не упоминал, отмечая лишь, что «человеченка моего с лошедью они, казаки и драгуны, взяли к себе на Сапожок»⁹⁸.

Тем временем находившийся в Москве В.Л. Кочубей беспокоился затягиванием решения дела о дальнейшей судьбе вотчины гетманского зятя. Свидетельством этого является недатированный документ, представляющий собой устное обращение в приказ старшего канцеляриста, записанное с его слов кем-то из подьячих. Кочубей «покорне» припоминал об «особном желании» гетмана Ивана Самойловича, чтобы злополучное село, «в землях своих утысненное и в разоренье будущее, было расширено и так укреплено, чтоб впред там ни от кого обиды не деялися, албо если не можно того села розширить и в пожитках его оборонить, чтоб для того жебы впред свари и пану гетману скорби не деялися, иншая маетность в перемену пожалована, какая бы маетность была не тесна и от всяких ссоров свободна и волна». «А естли село Бурки (так! — *К.К.*) будет розширено и укреплено, то чтоб мельница и площед торговая по-прежнему было содержено при том же селе, о что гетман просит, — доносил В. Кочубей и добавил в конце: — Прошу милостивого призрения, чтоб мне не ни с чим отъехать до его милости пана гетмана»⁹⁹.

А 28 августа В. Кочубей подал от имени гетмана в Малороссийский приказ пространное письмо, в котором подробно излагались вышеизложенные перипетии и истоки земельных споров и конфликтов вокруг Борок, записанные войсковым канцеляристом, как это следует из текста письма, со слов приехавших в Москву тамошних крестьян¹⁰⁰. Иван Самойлович считал, что «умирить те мятежи» невозможно, пока неправомерно присоединенные к владениям И.М. Языкова земли не будут отмежеваны к Боркам. В связи с этим гетман просил, чтобы в Рязанский уезд был послан «межевщик грозной и знатной с посыльными людьми», а казакам — «мятежникам» было «учинено надлежащее наказание»¹⁰¹. Гетман сетовал, что «обнадеженный» через Мазепу по-

жалованием вотчины его зятю, «пред старшиною regimentу своего хвалился, что с премилосердой монаршеской царского пресветлого величества благодости по ево гетманскому челобитью» село Борки дано Ф.П. Шереметеву и его жене «со всеми угоды и ограничением так», как было за И.М. Языковым. В связи с этим гетман, говорилось в письме, «просит покорственно и нижайше бьет челом, дабы по милостивому государскому указу то их милостивое монаршеское жалование без умаления было сохранено и отмежевано», как при боярине Языкове, а «обида и грабежи борковские были сысканы и мятежники наказаны». Гетман просил осуществить все «вскоре, чтоб там, в Борках, болши мятежей не делалось и христианское кровопролитие не множилось». Указ о посылке межевщиков Самойлович просил объявить Кочубею, отпустив его «с обнадеживанием премилосердой милости монаршеской» на Украину, «чтоб гетманское скорбное сердце болши печалию не сокрушилось»¹⁰².

После просьбы Кочубея выдать новую жалованную грамоту на Борки и список с нее для Самойловича в Большой дворец 8 августа был направлен запрос прислать список ранее выданной грамоты¹⁰³. Однако через неделю из приказа отписали, что, хотя 21 марта 1683 г. по царскому указу велено село Борки Ф.П. Шереметеву «отказать и то село ему отказано и отказные книги в приказ Большого дворца присланы», тем не менее жалованной грамоты новому владельцу так и не выдали¹⁰⁴. 17 августа в Большой дворец послали новую память. Главе приказа, боярину и дворецкому В.Ф. Одоевскому и дьякам напомнили, что согласно челобитью гетмана, переданному в Малороссийский приказ В.Л. Кочубеем, жалованная грамота была выдана. Трудно сказать, откуда исходила правдивая информация по поводу факта выдачи грамоты — из Большого дворца или из Батурина, возможно, Самойлович судил об этом со слов Ф.П. Шереметева, который по каким-то соображениям скрыл от тестя, что грамоту так и не получил. Теперь же Самойлович просит грамоту «переписать и дат на ево гетманское имя, потому что та вотчина пожалована зятю ево <...> и жене ево <...> по ево гетманскому челобитью». Согласно царскому указу из Большого дворца должны были выдать грамоту с учетом пожеланий гетмана¹⁰⁵.

3 сентября 1683 г. Василий Кочубей покинул Москву с пакетом царских грамот. В одной из них гетману сообщалось, что о конфликте Ф.П. Шереметева с жителями Сапожка в Москве «было неизвестно», поскольку сам боярин никаких челобитных не подавал. Однако те-

перь по жалобам гетмана розыск будет произведен¹⁰⁶. В тот же день ехать в Сапожок «для розыску земель» было указано стольнику Петру Васильевичу Бутурлину¹⁰⁷. Однако в действительности несколько позже в Борки был направлен думный дворянин И.С. Телепнев.

2 сентября из Малороссийского в Земский приказ была послана память с указанием выдать В. Кочубею «выпись» для гетмана И. Самойловича на купленный для Ф.П. Шереметева двор на Покровке, если купчая записана в приказные книги, а «буде она не записана, — говорилось в памяти, — взять у боярина» Ф.П. Шереметева и «в Земском приказе записать». В отличие от Большого дворца, в Земском приказе документацию вели более ответственно, своевременно вписав купчую в книги. 3 сентября Василию Кочубею выдали копию с купчей с печатью Земского приказа. В документе было отмечено, что «тот двор куплен на ево, гетмана <...> деньги»¹⁰⁸, хотя в подлинной купчей, составленной более трех месяцев назад, об этом не говорилось (см. приложение, документ № 1).

В конце лета — начале осени Ф.П. Шереметев возвратился в Москву. Об этом свидетельствует возобновившееся его участие в придворной жизни, но уже главным образом в составе двора старшего царя Ивана Алексеевича. Если еще 18 сентября 1683 г. Ф.П. Шереметев сопровождал царя Петра, выехавшего в Троице-Сергиеву лавру¹⁰⁹, то уже 30 ноября — Ивана в походе в Саввино-Сторожевский монастырь¹¹⁰. 20 января 1684 г. гетманский зять сопровождал старшего царя в походе в Новодевичий монастырь¹¹¹, а 8 февраля — в Донской и снова в Новодевичий¹¹². П.В. Большой Шереметев также появлялся в это время при дворе Ивана Алексеевича¹¹³. Возможно, после пожалования Ф.П. Шереметеву Борок произошло кратковременное примирение отца и сына. А.С. Лавров отмечает, что Шереметев-младший начал «лавировать между двумя придворными группировками»¹¹⁴. В любом случае это свидетельствует об относительности определения составов противоборствовавших придворных «партий» Нарышкиных и Милославских на основе списков участвовавшей в дворцовых церемониях знати¹¹⁵.

V

Дело о межевании Борок и розыска нанесенных обид тамошним крестьянам сохранилось в составе столбцов Малороссийского приказа, правда, данный составителями описи заголовок («Дело гетмана Ивана

Мазепы о отмежевании села Борки со всеми землями»)¹¹⁶ неверно отражает его содержание. В действительности дело № 201 содержит статейный список думного дворянина Ивана Степановича Телепнева и дьяка Осипа Татаринова, которым был поручен розыск, а также составлявшиеся на его основе выписки «в доклад» в связи с дальнейшей тяжбой по спорным землям. Листы дела почти полностью перемешаны, и нумерация совершенно не отражает их действительного порядка. Из-за схожести содержания многих документов дела № 201 восстановление правильной последовательности расположения отдельных листов, часть из которых, по всей видимости, утрачена, представляет еще более сложную исследовательскую задачу, нежели подобная же попытка в отношении уже упоминавшегося дела о приезде в Москву В.Л. Кочубея. Тем не менее даже на основе столь неупорядоченной коллекции документов возможно реконструировать основные перипетии, развернувшиеся вокруг вотчины гетманского зятя.

Царский указ о поездке в Борки И.С. Телепнева и О. Татаринова датирован 18 октября 1683 г. Они должны были разыскать «про ссоры и про убийство» Пелепелкина по челобитью Ф.П. Шереметева¹¹⁷. Челобитные, видимо, были поданы им в соответствующий приказ вскоре после прибытия в Москву.

Начало статейного списка Телепнева и Татаринова не сохранилось. В Борки они прибыли 9 ноября и в тот же день затребовали от воеводы г. Переславль-Рязанского стольника Максима Селиванова и сапожковского воеводы А. Волжинского «расспросные речи» сапожковских драгун и казаков «и все подлинное дело для подлинного розыску». Последнего московские следователи вызвали и лично «для допросу» на съезжий двор в Борки¹¹⁸.

Третьего дня на съезжий двор боярина Ф.П. Шереметева пришел его приказчик Сергей Разбоев и подал выписку из писцовых книг межевания Кирилла Воронцова-Вельяминова «со товарищи» 1628/1629 (7137) и 1629/1630 (7138) гг., где описывалась еще половина села Красная Слобода с угодьями, пожалованная А.В. Волынскому¹¹⁹. Однако, поскольку Борок тогда еще не существовало, Телепнев и Татаринов могли на основе этой выписки лишь констатировать, что «с Сапожковским уездом межи той половине села Красной Слободы в той выписке не написано». Других документов С. Разбоев не предъявил¹²⁰.

13 ноября свои выписки из писцовых книг подала Телепневу и Татаринову депутация сапожковских драгун и казаков во главе с А. Зе-

лениным. Данные документы были более основательны. Московским следователям была вручена копия выписки из книги межевания писца Г.Ф. Киреевского и подьячего Н. Перфильева от 15 декабря 1629 г. с подписью и печатью. Однако Телепнев и Татаринов обнаружили на документе ряд позднейших приписок, в т.ч. и при описании границ спорных земель. Подобные же «уточняющие дополнения» оказались и на выписи из писцовых книг межевания Тихона Кондратьевича Кашкина и подьячего Ивана Васильева 1640/1641 (7149) и 1644/1645 (7153) гг.¹²¹

14 ноября в Борки прибыл сапожковский воевода. Он, однако, заявил, что в прошлом году (месяц и число А. Волжинский якобы не помнил) ездил «с сторонними людьми» на землю, «что в споре» с боярином Ф.П. Шереметевым по царской грамоте, присланной ему из Разбойного приказа «для розыску» по делу об убийстве П.Е. Пелепелкина. При этом «для обережи» с ним было небольшое число казаков и драгун, и приезжал он вовсе «не с великим собранием, и на вотчинную землю боярина Федора Петровича он не ездил и хлеба ево и сенных покосов не толочивал и не травливал и земли ево и сенных покосов сапошковым жителем не отводил, а ехал-де он по бортничьей стешке, где ему указали сторонние люди, а за бортничью стешку он не ездил и вновь по хлебу дороги не прокладывал». Каких-то иных подробностей произошедшего и последующих событий А. Волжинский вспомнить не смог, ссылаясь, что «писано о том в деле»¹²².

15 ноября Телепнев и Татаринов, имея на руках также материалы последнего межевания Сапожковского уезда с Переславль-Рязанским Иваном Бахметьева 1672/1673 (7181) — 1673/1674 (7182) гг., в сопровождении депутации сапожковцев во главе с А. Зелениным, борковских крестьян под предводительством С. Разбоева и «сторонних людей» (крестьян окрестных деревень) выехали «для досмотру» спорных земель «по выписям с писцовых и межевых книг».

Спорный участок межи начинался от речки Черемошни, на берегу которой напротив впадавшего в речку ржавца (ручья с дном железистого цвета) стояла ольха «с гранями». «А тот-де ржавец словет Говенной», — утверждали сапожковцы. По их мнению, межа шла «от речки налево Говенным ржавцем» через дубраву на «писцовой» дуб с гранями, от которого ныне остался только пенек. Дуб располагался возле «бортничьей стешки», которая раньше вела на Воронежскую дорогу, шедшую до Федоровского леса. Однако сейчас, говорили драгуны и казаки, стешка «запахана, а запахали ее борковские крестьяне». Однако С. Раз-

боев и двое борковских крестьян заявляли, что сапожковцы указали «неправую писцовую старинную межу». Они считали, что межа шла «Говенным ржавцем» вверх по р. Черемошне 1800 саженой до еще одного ржавца, оттуда еще немного вверх, а затем направо до «дорожки», которая вела через дубраву в Федоровский лес, где находилась «яма старинная писцовая». Эта дорожка, по утверждению борковцев, и есть «стешка бортничья, писцовая». При этом они доказывали, что в свое время Иван Бахметьев «межевал не по той бортничьей стешке», которой межевали прежние писцы, а драгуны и казаки со товарищи ту их землю «отводят в Сапожковский уезд напрасно и указывают непрямую писцовую межу». При этом обе стороны заявляли, что не знают, кто «перепортил» писцовые межи и грани. «И в том-де шлутца в повалной обыск», — отмечали московские следователи.

«По досмотру спорной земли» оказалось 2 тыс. 300 десятин, включая «пашню и перелог», сенные покосы в дубраве и участок Федоровского леса¹²³. Именно ту самую «бортничью стежку», о местоположении которой спорили стороны, и «прокладывал» сапожковский воевода А. Волжинский со своими людьми через пашню борковских крестьян в июле 1683 г.

Проводившийся Телепневым и Татариновым розыск неожиданно осложнился появлением третьей заинтересованной стороны. В тот же день «на той спорной земле бил челом великим государям словесно» человек окольничего В.С. Нарбекова, Иван Федоров, который, как тогда же выяснилось, неспроста был послан ранее в Борки для вручения московским посланцам наказа и царской грамоты. Он заявил, что из территорий, которые сапожковские казаки и борковские крестьяне «к землям своим отводят» 132 десятины (именно столько занимала спорная пашня), на самом деле пожалованы в поместье его господину. В доказательство И. Федоров подал ввозную грамоту от 21 февраля 1683 г., где прямо говорилось, что указанное количество земли от устья «Говенного ржавца» вверх Черемошни, что была дана в поместье Языкову и Лихачеву, ныне дана на тех же условиях Нарбекову¹²⁴. В.С. Нарбеков не был простым помещиком. Будучи родственником Милославских по женской линии, он входил в ближайшее окружение царевны Софьи¹²⁵. Бывшая вотчина А.Т. Лихачева — половина села Красная Слобода была пожалована ему и «на стольника князь Михайлову жену Хилкова княгиню Марью пополам». При этом «порозжая обводная земля», которой ранее Языков и Лихачев владели «вопче», дана Нарбекову «одному

в поместье». В грамоте, выданной Нарбекову из Поместного приказа, владение это было ошибочно написано «в Резанском уезде в Старорезанском стане»¹²⁶. Ситуация, когда вотчина бывшего фаворита царя Федора была пожалована в равных долях стороннику и родственнику Милославских — В.С. Нарбекову и князю М.Я. Хилкову, входившему в окружение Петра¹²⁷, весьма показательно характеризует борьбу и соперничество боярских группировок Нарышкиных и Милославских.

16 ноября Телепнев и Татаринов допрашивали «сторонних» и «тутошних» людей (крестьян окрестных сел Песочни, Покровского, Петровского, Черной Слободы и др.) по поводу границы спорных земель «по святой непорочной евангельской заповеди», однако никто из опрошенных не знал точно, где проходила межа¹²⁸. В тот же день С. Разбоев и А. Зеленин подали московским следователям «сказки», в которых назывались имена старожилов, знавших правильную границу, которую обе стороны выражали готовность признать. Указанных старожилов сыскали и допросили. Это были двое крестьян из деревни Михеевки, вотчины боярина Ивана Федоровича Волынского, — Иван Семенов сын Шпиколов (85 лет от роду) и Микула Ульянеев (63 года), которые «были в старожилах» во время межевания И. Бахметева. Кроме того, крестьяне из вотчины В.В. Голицына, второй половины с. Красная Слобода, также заявили, что знают старую межу¹²⁹. Вторичное исследование границы с участием старожилов показало, что спорная земля «объявилас в меже сапожковской»¹³⁰. В итоге 18 ноября Телепнев и Татаринов «по отводу старожилов» велели спорной землей «владет по-прежнему по писцовым и по межевым книгам сапожковским драгунам и казакам»¹³¹.

22 ноября состоялся допрос И. Бордаковского по делу об убийстве. Тот вдруг отказался от своих показаний, заявив, что вообще не знает, «был ли бой и драка», поскольку ничего не видел. Телепнев и Татаринов расспрашивали его, а также подозревавшихся в убийстве сапожковцев и прочих свидетелей. Все они, включая сапожковских попов, дружно твердили, что «Игнашка-то на них солгал»¹³². Более того, драгуны и казаки Сапожка во главе с К. Лучниковым и А. Зелениным подали встречную челобитную, что донос С. Разбоева якобы ложный и что это жители Борок их «били смертным боем», когда они пахали свою землю¹³³.

Столкнувшись с таким согласованным отказом, Телепнев и Татаринов приступили к допросу С. Разбоева по поводу самого последнего столкновения, «как за боярином за Федором Петровичем и за людьми его на поле Демка Подпрысков с товарищи с ружьем, с копыи и с рогатины и з берды-

ши гонялис». Борковский приказчик подтвердил эти факты, в т.ч. захват в плен Д. Подпрыскова и еще семерых сапожковцев и пропажу боярского крестьянина Федора Пырева. В то же время ему пришлось признать, что других незаинтересованных свидетелей преступления, кроме подьячего В. Баутина, он назвать не может¹³⁴. Телепнев и Татаринов обратились к статье 92 главы X Соборного уложения, предполагавшей 2 недели тюрьмы за нанесение бесчестия боярину. В своем статейном списке они отметили, что по поводу того, если «кто к боярину с ружьем учнет приступат или на него замахнетца и того в Уложение <...> не написано». 23 ноября было принято решение Д. Подпрыскова бить кнутом, несмотря на его оправдание, что рогатиной он «боронился <...> от людей боярина». И. Бордаковского было решено пытать из-за разницы в показаниях, но он даже под пыткой повторял последнюю версию событий.

Однако в тот же день стороны отказались от взаимных претензий. Сначала сапожковские драгуны и казаки попросили московских следователей, «чтоб великие государи пожаловали их, Демке Подпрыскову наказанья чинит не велели», и он был освобожден от битья кнутом. Затем вдруг С. Разбоев заявил, что он «у розыску убивственных дел не будет, потому что к нему <...> от боярина <...> указу и писма о том никакова нет». Сапожковцы и борковцы подали челобитную о полюбовном решении дела, после чего первым были возвращены и отнятые у них ранее лошади¹³⁵.

В итоге Телепнев и Татаринов приговорили всех сапожковских драгун и казаков, обвинявшихся в наездах на земли Ф.П. Шереметева, «дать в статье на поруки», а розыск по делам об убийстве и пропаже людей прекратить по формальной причине: вследствие невозможности провести отчную ставку из-за отказа С. Разбоева «быть у розыска»¹³⁶.

После признания за сапожковскими казаками спорных земель вся тяжба потеряла для борковских крестьян смысл, и они стремились поскорее завершить ее. Однако само дело на этом не окончилось. Гетман И. Самойлович не мог допустить, чтобы его зять «проиграл процесс» сапожковским драгунам и казакам. Не собирався отказываться от своих претензий и окольных В.Н. Нарбеков.

VI

27 ноября 1683 г. в Москву прибыл посланец гетмана — войсковой товарищ Григорий Пашковский. Он привез письмо Самойловича — В.В. Го-

лицыну с благодарностями за выдачу Кочубею «явственной грамоты» для Ф.П. Шереметева на село Борки, за высылку межевщика для межевания спорных земель и розыска об «обидах» боярским крестьянам¹³⁷.

Однако предусмотрительный гетман не удовлетворился в этом деле ролью пассивного наблюдателя и покорного ходатая перед царским первым министром. В Борки «для досмотру» прибыл доверенный человек Самойловича — «дворецкий» Кирилл Дорофеев. Он был человеком образованным и предприимчивым (продавал селитру в царскую казну¹³⁸). В Борках и Москве Дорофеев активно защищал интересы гетманского зятя. В поданной им во время или после окончания розыска челобитной (текст сохранился не полностью, взята к отпуску в приказе 8 декабря 1683 г.) он, с одной стороны, отвергал претензии В.Н. Нарбекова, который спорную землю «называет своею неведомо по каким крепостям», с другой — оспаривал произведенное Телепневым и Татариновым межевание. Дворецкий указывал, что, во-первых, в «сапожковских выписях объявились многия приписки», а во-вторых, что межевать следовало по поданному Разбоевым описанию К. Воронцова, которое показывает границу между уездами «от устья Черемошни и Пожбы до первого и до другою и до третеву ржавцов на Федоровское селище, на бортничью стешку, а з бортничьей стешки на старую Шацкую (т.е. Воронежскую¹³⁹. — К.К.) дорогу». К. Дорофеев настаивал, что «та Шацкая дорога отошла от тех мест» и это сапожковцы намеренно «проложили новую дорогу (надо понимать, что борковские крестьяне ее, в свою очередь, запахали. — К.К.), а называют ее бортничьею стешкою и Шацкою дорогою». По мнению Дорофеева, из-за того что Телепнев и Татаринов не стали межевать «по книгам Воронцова письма», которые «правые и старее всех», борковские крестьяне лишились земли, которой якобы владели более пятидесяти лет. К. Дорофеев просил выдать грамоту на спорную землю на имя самого Самойловича¹⁴⁰.

Челобитная Дорофеева показывает, что гетман предвидел негативный для него вариант развития событий, снабдив своего дворецкого соответствующими инструкциями. После окончания розыска тот уже в Москве вместо возвратившегося на Украину Кочубея продолжил добиваться решения дела в пользу Ф.П. Шереметева.

В ответ на домогательства Дорофеева В.В. Голицын велел допросить по этому поводу Телепнева и Татаринова, и те изложили уже приводившуюся выше суть дела¹⁴¹. По итогам розыска была составлена «выписка»¹⁴², доложенная царям и Софье (и, по всей вероятности,

ближним боярам) 30 января 1684 г. В результате царским указом было решено пожаловать гетмана «за ево к ним, великим государям, верные службы» и дать «зятю ево, боярину Федору Петровичю Шереметеву, и дочери ево, боярыне Парасковье Ивановне, к вотчине их Резанского уезду к селу Боркам из Сапошковского уезду и из-за межей и из гра-ней писцовых ис казачьих Сапошковских земель тысячу чети в поместье со всеми угодьи (курсив мой. — К.К.), которая земля смежна с прежнею села Борку дачею и ту дачю боярину Федору Петровичю от дачь сапошковских казаков и от иных помещиковых и вотчинниковых дачь отмежевать писцам, а написать имянно, что та новая дача тысяча чети в Сапошковском уезде (курсив мой. — К.К.), а впредь то иным не во образец и на пример не выписывать, потому, что та дача ис казачьих земель (курсив мой. — К.К.) учинена ему, боярину Федору Петровичю, и жене ево, боярыне Парасковье Ивановне, для челобитья и прошения тестя ево, гетмана Ивана Самойловича, за ево к ним, великим государям, многие и верные службы».

Писцы также должны были «все дачи сапошковских драгунов и казаков в их прежних писцовых межах и гранях, кроме сей вышепомянутой дачи, что дано боярину Федору Петровичю и жене ево, боярыне Парасковье Ивановне, измерят и буде, что в их дачах объявитца лишней земли и тое лишнюю землю написав в писцовые книги велеть владеть им же сапошковским драгуном и казаком, и детям их, и братьям, и племянником (курсив мой. — К.К.)». «Дачу» В.С. Нарбекова было решено «отставить»¹⁴³. О принятых решениях следовало послать памяти в Поместный и Иноземский приказы, а гетману Самойловичу — царскую грамоту.

Не совсем ясно, получил ли Ф.П. Шереметев лишь часть спорной земли, учитывая, что речь в царском указе шла о 1000 четей с угодьями, тогда как все захваченные И.М. Языковым и А.Т. Лихачевым угодья составляли 2300 десятин. В любом случае, это с лихвой покрывало территорию спорной пашни (132 десятины) и включало какую-то часть сенных покосов и, возможно, Федоровского леса.

Характерно, что в ходе расследования земельного спора первоначально правота той или иной стороны определялась прохождением границы между уездами, а об указе 7 августа 1681 г., объявлявшем Сапожок открытым для пожалования московских чинов городом, никто из претендентов на спорный участок не вспоминал ни теперь, ни впоследствии. В соответствии с указом 1677 г. и сложившейся прак-

тикой¹⁴⁴ примеренные земли были признаны за казаками и драгунами Сапожка. Это дополнительно подтверждает и выводы М.Ю. Зенченко о фактическом неисполнении правительством указов о раздаче земель в уездах, освобожденных от «заказа».

Только вмешательство гетмана заставило царское правительство пересмотреть результаты первоначального розыска, изменив решение в пользу Ф.П. Шереметева. Это дополнительно подчеркивает его беспрецедентный характер.

В момент принятия решения о передаче гетманскому зятю спорной земли к Батурину подъезжал царский стольник И.П. Одинцов. Ему предстояло выслушать немало горьких упреков от Самойловича, еще не знавшего о царском указе в ответ на челобитье К. Дорофеева по поводу «несправедливого» лишения его зятя принадлежавших Боркам земельных угодий.

* * *

Для гетмана Самойловича весь год после свадьбы Прасковьи и Федора прошел в неустанных хлопотах по устройству жизни семьи дочери в России. Усилия концентрировались на двух направлениях. Во-первых, на введении Прасковьи в высшие придворные круги Москвы. Этому послужило не только возвращение четы Шереметевых в столицу для получения царской аудиенции, но и более-менее регулярные визиты гетманской дочери к различным представительницам дома Романовых. Царские милости, оказанные боярыне Прасковье в русской столице, несомненно, служили укреплению престижа Самойловича и в среде украинской казацкой старшины. Все те ее представители, на которых еще недавно делала ставку Речь Посполитая в своих планах организации свержения гетмана, должны были воочию убедиться, насколько прочны и всеобъемлющи его связи с царским двором, насколько сильна оказываемая ему поддержка со стороны России. Это, кстати, дополнительно заставляло и самого Самойловича выражать всемерное одобрение политики правительства царевны Софьи и В.В. Голицына.

Во-вторых, на получении царских земельных пожалований, которые могли бы поднять благосостояние Федора и Прасковьи. Необходимо отметить, что Самойлович, в соответствии с озвученными ранее И. Торопову намерениями, оказывал значительную материальную помощь своему зятю. Она выразилась прежде всего в покупке молодоженам каменного двора в Москве. Кроме того, между Севском, а затем

Москвой и Батурином постоянно сновали гонцы, привозившие семье Прасковьи деньги и подарки от отца (см. их перечень в приложении, документ № 4). Даже «на челядь боярскую» было послано 2 тыс. злых сначала через И.С. Мазепу, а затем через М.А. Миклашевского.

Что же касается земельных пожалований, то здесь гетмана ожидали немалые проблемы. Как будет видно далее, он болезненно воспринял нежелание русского правительства открыто встать на сторону Ф.П. Шереметева в споре с драгунами и казаками Сапожка. Правителю Малой России потребовалось приложить значительные усилия, чтобы добиться необходимого результата.

Ряд косвенных свидетельств позволяет заключить, что положение, занятое в 1683 г. семьей Прасковьи при царском дворе, не до конца отвечало амбициям и желаниям Самойловича. Результатом стали попытки выхлопотать для зятя должность киевского воеводы.

Примечания

¹ Так, 4 декабря гетман писал Ф.П. Шереметеву и Л.Р. Неплюеву в Севск о своих соображениях по поводу дислокации стрелецких полков на Украине [Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 16—17], а в отписке севских воевод от 6 декабря сообщалось о получении писем гетмана и списков с польских «лазуческих листов», которые пересылались в Москву (Там же. Л. 1). См. также: *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 327.

² См. приложение, документ № 4.

³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 51—54, 58.

⁴ Там же. Л. 49—50. Из текста отпуска вычеркнуто, что Шереметев планировал женить детей в рождественский мясоед. В отсутствие Шереметева-старшего Белгородский разряд должен был ведать его товарищ, окольный П.Д. Скуратов. О посылке грамоты была сделана соответствующая запись в «Книге записной» (Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 27).

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 230, 240—243.

⁶ Письмо В.В. Голицына не сохранилось, и о его содержании можно узнать из ответного письма Самойловича от 29 декабря 1682 г. См.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 5 об.

⁷ Помимо материалов дела фонда 229, небольшой фрагмент (на 12 листах) дела о поездке Лопухина сохранился также в составе фонда 124. См.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 1.

⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 58—63 (статейный список), 253—255 (фрагмент наказа).

⁹ Там же. Л. 61.

¹⁰ Там же. Л. 55, 61.

¹¹ Там же. Л. 247—252. Гетман также благодарил царей за намерение оборонять в случае необходимости свою «отчину» — Киев, Малую Россию и проч. В другой грамоте гетман касался вопроса положения стрелецких гарнизонов на Украине (Там же. Л. 257—260. Грамота датирована 29 декабря 1682 г. Батурин). Список еще одной грамоты (начало утрачено) см.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 1—3. См. также: Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 34—35.

¹² Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. 3 об. — Л. 5 об.

¹³ В столбцах Малороссийского приказа отмечено, что грамоту гетмана в Москву доставил 18 декабря войсковой канцелярист Василий Булдаковский (Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 65), тогда как в самой грамоте он поименован Григорием. Письма И. Самойловича — В.В. Голицыну также привез войсковой канцелярист Григорий Булдаковский, но 19 декабря (Там же. Л. 79). При этом сохранились расспросные речи (от 18 декабря) в Малороссийском приказе лишь Г. Булдаковского, а также запись о доставленных им документах (Там же. Л. 76—78, 88). Также в «Книге записной» фигурирует лишь Г. Булдаковский (Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 32 об.—33). Поэтому думается, что данные расхождения в именах и датах — ошибки писцов.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 65—69, 88.

¹⁵ Там же. Л. 42—43.

¹⁶ Там же. Л. 105—107. Из перечеркнутых фрагментов отпуска грамоты Ф.П. Шереметеву следует, что сначала ему разрешили ехать в Москву после возвращения Неплюева из Батурина в Севск, где он встречался с гетманом. Но Неплюев уже 24 декабря прибыл в Москву, когда грамоту Шереметеву еще не успели отправить. Поэтому Г. Булдаковскому спустя три дня вручили уже поправленный текст. Сохранился и черновик грамоты к гетману (от 24 декабря) с информацией, аналогичной первой версии грамоты Ф.П. Шереметеву (Там же. Л. 98—100). Позднее он, видимо, был также изменен. В «Книге записной» отправка грамоты Самойловичу о выезде зятя в Москву датирована 23 декабря (Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 32 об.—33), видимо ошибочно. Помимо этого, Г. Булдаковский повез «основную» грамоту гетману о крымских делах и проч., в которой о деле Ф.П. Шереметева не упоминалось (Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 89—94 об.).

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 78. В день приезда Г. Булдаковского в Севск (выехал из Батурина 10 декабря, следовательно, в Севске был 11—12 декабря) там ждали возвращения Шереметева, который, видимо, выехал в Курск вскоре после 6 декабря (см. примечание 1).

¹⁸ Там же. Л. 113—114. Письмо датировано 24 декабря 1682 г. Москва.

¹⁹ Там же. Л. 101—104. Письмо датировано 20 декабря 1682 г. Батурин.

²⁰ Там же. Л. 108—112. Грамота датирована 20 декабря 1682 г. Батурин.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 24. Информация о поездке Неплюева к гетману дублировалась в царской грамоте Самойловичу от 10 декабря (Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 40).

²² Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 77.

²³ Там же. Л. 418.

²⁴ Там же. Л. 96—97. Письмо получено в Москве 24 декабря 1682 г.

²⁵ Там же. Л. 200—201. Челобитье гетмана через «словесное объявление» Л.Р. Неплюева датировано 24 декабря 1682 г.

²⁶ Там же. Л. 278—280. См. также: Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 33—33 об.

²⁷ Там же. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 405. Л. 44.

²⁸ Память из приказа Малой России в Разрядный приказ. Подписал дьяк Прокофий Возницын. — Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 1028. Л. 20. Отпуск царской грамоты Ф.П. Шереметеву датирован 12 января (Там же. Л. 21).

²⁹ Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Российского государства в 1682—1689 гг. М., 1999. С. 84.

³⁰ Наказ Л.Р. Неплюеву. 11 января 1683 г. — РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 305—308. О пожаловании Ф.П. Шереметеву поместья говорится в еще одном варианте наказа (Там же. Л. 262), не датированном и сохранившемся во фрагментах. Возможно, он был составлен для подьячего Вонифатья Парфеньева, выехавшего к гетману также в январе, а затем был «отставлен» (Там же. Л. 237).

³¹ Там же. Л. 286. Есть также черновой вариант грамоты, датированный 11 января (Там же. Л. 282).

³² Там же. Л. 289—291.

³³ Отпуск царской грамоты к гетману. — Там же. Л. 287—288. Жалование составляло: сорок соболей ценой в 110 руб., «два изарбафа персицкие нового образца», полбочки «ренского» вина, 150 лимонов, «белуга свежая в десять рыб», 6 осетров, «соленой рыбы три белуги урлюшных, теша (брюшная часть туши. — К.К.) белужья большая», 300 пучков вязиги, «две чети снятков сухих» да «тож число снятков свежих», бочка уксуса новгородского «доброго», бочка сивов и бочка лодуг (лодуга — рыба семейства сиговых). См. также: Там же. Л. 307.

³⁴ Там же. Л. 296—296 об. Отпуск царской грамоты, врученной В. Парфеньеву, датирован 13 января.

³⁵ Там же. Л. 410—421.

³⁶ Там же. Л. 418—419.

³⁷ Там же. Л. 419—420. «Великой государыни благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне да приложить Господь Бог к ее, государыне, мудрости чрез Святого своего Духа прензобилную премудрость, о котором ее государыни благословенном и преславном имени не токмо ближние, но и в далних странах голосится давно и недоброхотные ж наши соседи поляки, уведав на Москве ее государыни, строением добрые порядки, от лукавого своего намерения и от плевосеетелных дел престают, и то-де их государское милосердное объявление он, гетман, Иван Самойлович, имеет себе в великое утешение и в крепость, и от скорбей своих, прежде бывших во отраду и должен им государем за их государскую милость заслужит до последнего своего дыхания со всегдашним усердием».

³⁸ Там же. Л. 420. «О постоянстве в Московском государстве народов и о безопасном всего православного имени пребывании на Бога и на их государскую волю упование он, гетман, имеет и предает все мудрому строению государыне царевне и великой княжне Софии Алексеевне».

³⁹ Там же. Л. 418—421.

⁴⁰ Там же. Л. 315—327. Гетманская грамота на царское имя от 30 января 1683 г. из Батурина (Там же. Л. 422—428). См. также фрагменты наказа Л.Р. Неплюеву (Там же. Л. 262—268, 302—310). Указ командующему стрелецкого гарнизона в Батурине — Семену Воейкову писаться «столником и полковником и воеводою» датирован 1 января 1683 г. (Там же. Л. 212.).

⁴¹ Там же. Л. 411—415. Грамота датирована 30 января 1683 г. Батурин.

⁴² Речь идет о «господаре» гетмана Кирилле Дорофеевиче Грушинском. Известно, что впервые он прибыл в Москву 30 декабря 1679 г., по-видимому, к жившему там гетманскому сыну Якову. Получив 5 руб. царского жалованья на отпуске, К. Дорофеев покинул столицу 9 января (Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 38, 40, 50). 6 января он вместе со своими спутниками «были на Ердани у действа и видели его государские пресветлые очи», в честь чего получили полтину «на харч» и разного «питья» (Там же. Д. 149. Л. 205). У него был младший брат Афанасий, позднее выслуживший звание бунчукового товарища. Он также неоднократно приезжал в Москву по поручениям гетмана (См., например, дело о приезде его в Москву с гетманскими грамотами весной 1684 г.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 17. Л. 1—7 об.). А.М. Лазаревский отмечал, что братья писались как «Дорофеевичи», а не Грушинские, что подтверждается и русскими документами. См.: *Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. Белые берега*, 2008. С. 225. Примечание 327.

⁴³ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 39 об.

⁴⁴ Об авторстве реляции см. подробнее: *Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 105 и след.*

⁴⁵ Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dział 2. Rps. 1712. S. 3. В реляции также ошибочно утверждается, что Мазепа должен был забрать из Москвы сына гетмана, Якова. Фрагменты данного источника были опубликованы украинским историком Ю.А. Мыщиком с рядом неточностей и ошибок (*Мищик Ю. Фрагменти до біографії І. Мазепи // Сіверянський літопис. 2007. № 3. С. 13—14*). Так, Ю.А. Мыщик отмечает, что осужден был только лишь сын дворецкого (Там же. С. 13). Подробней об этом см.: *Кочегаров К.А. Свидетельства польских дипломатов о России в 80-е гг. XVII в.: посольский обычай, внутренняя политика, бытовые особенности. (В печати.)*

⁴⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 170. Л. 80—81.

⁴⁷ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 40—42 об.

- ⁴⁸ Черновик царской грамоты к гетману (Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 176—179). 10 марта 1683 г. Москва. По поводу возможности отмены аренд переговоры велись также с прибывшим в Москву Мазепой в марте 1682 г. (Костомаров Н.И. Руина // Исторические монографии и исследования. Т. 15. СПб., 1882. С. 623—624).
- ⁴⁹ Подобные намеки гетман делал и ранее. Так, в инструкции, привезенной И.С. Мазепой в Москву в марте 1681 г., гетман запрашивал царское правительство, как ему «держати и доволстовати» наемные полки, которые «становищами своими малороссийским людем надокучили» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 12. Л. 17).
- ⁵⁰ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 166. Сведения об этом содержатся в вымаранном тексте из черновика царской грамоты к Самойловичу, сохранившемся во фрагменте. Не исключено поэтому, что информация о доставленных Мазепой дарах представителям царского дома неполна.
- ⁵¹ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 44. Ныне село Морозовы-Борки в Сапожковском районе Рязанской обл.
- ⁵² Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 188.
- ⁵³ Там же. Л. 149—150. Подробнее описание села см.: Приложение, документ № 2 и комментарии к нему.
- ⁵⁴ Там же. Л. 165.
- ⁵⁵ См. сравнительную таблицу землевладения думных чинов на 1678 г.: Шватченко О.А. Землевладение и служба думных чинов в России. XVII — начало XVIII века. М., 1999. С. 34.
- ⁵⁶ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 283.
- ⁵⁷ Там же. С. 26—33, 36.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 147. В памяти отмечалось, что ранее подобный запрос в Сибирский приказ делался по челобитью гетмана 20 июня 1681 г., но ответа о посылке грамоты в Сибирь в Малороссийском приказе не получили. См. также: Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672—1687). М., 2012. С. 44.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 170. Л. 335—338. Письмо привез в столицу 27 апреля гонец Самойловича Дмитрий Нестеров (Нестеренко) (Там же. Л. 115), доставивший в Москву, помимо прочего, поздравления гетмана царям с Пасхой (Там же. Л. 119—120).
- ⁶⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 8. Л. 1.
- ⁶¹ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 170. Л. 44—50.
- ⁶² Там же. Л. 53—54. Грамота датирована 3 сентября 1683 г. Москва.
- ⁶³ См. приложение, документ № 4.
- ⁶⁴ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 8. СПб., 1884. Стб. 1095—1102. Сундуки были обнаружены при разделе имущества свергнутого с гетманства Самойловича в 1687 г. (подробнее об этом см. в главе 3).

Сравнивая описание их содержимого с перечнем других предметов гардероба гетманской семьи, можно отметить, что переписчики специально отметили, что в сундуках лежит «русское» платье, из чего можно заключить, что речь шла об одежде Прасковьи, изготовленной в России по тамошней моде. В других случаях «национальная» принадлежность платья определяется очень редко и только для отдельных вещей [См., напр.: «Телогрейка руская» (стб. 1027), женские «русские» рубахи (стб. 1030), польские рубахи (стб. 1030, 1032, 1106), «чулки белые полские» (стб. 1140) и т.д.].

⁶⁵ Дворцовые разряды (далее — ДР). Т. 4. СПб., 1855. Стб. 211.

⁶⁶ Там же. Стб. 214, 227.

⁶⁷ Лавров А.С. Указ. соч. С. 82.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 389—390.

⁶⁹ См. приложение, документ № 4.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 392—392 об. Письмо датировано 4 июня 1683 г. Москва. Все подробности гетману должен был сообщить слуга Афанасий, видимо пребывавший все это время при больной Прасковье в русской столице.

⁷¹ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 57—61.

⁷² Составители описи № 1 дали делу № 170 следующий красноречивый заголовок: «Списки с писем от гетмана Ивана Самойловича ко князю Голицыну о разных предметах и требованиях. Столп расклеился и смешен, разобрать невозможно» (Ф. 229. Оп. 1. Л. 35). Видимо, поэтому составители четвертой описи 229 фонда, которая является справочной к описи № 1, дело № 170 пропустили (Ф. 229. Оп. 4. Л. 127—128).

⁷³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 170. Л. 134, 113 (указан надлежащий порядок листов). Начало фрагмента беседы по этому вопросу не сохранилось.

⁷⁴ Там же. Л. 95, 138, 140, 79—81 (указан надлежащий порядок листов). Письмо датировано 18 июля 1683 г. Батурин.

⁷⁵ Там же. Л. 139.

⁷⁶ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 34—35; Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины. М., 1916. С. 17, 24. См. также карту «Засечная черта Московского государства в XVII в.» в конце книги; Стаханов П.П., Стаханова Н.П. «Сапожковское городище» писцовых книг 1627—28 гг. со стороны историко-этнографической. Сапожок, 1927. С. 3—5; Кузнецов И.А. Сапожковский край: время, события, люди. Историко-краеведческие очерки. Рязань, 2003. С. 41—45, 54—56. Ныне Сапожок — поселок городского типа, райцентр Рязанской обл., расположен в 16 км от села Морозовы-Борки.

⁷⁷ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 200 и след. С. 231, 232.

⁷⁸ *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 78—83.

⁷⁹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 2. 1676—1688. С. 101—102.

⁸⁰ *Важинский В.М.* Указ. соч. С. 86.

⁸¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 2—4. См. также: Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. 8. Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 18, 126, 231, 407.

⁸² *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б.И. Морозова. Л., 1987. С. 26, 49, 97, 100—101, 111, 202. Как отмечалось в письме, поданном в приказ В.Л. Кочубеем, где история Борков была записана со слов местных крестьян, при основании села «в нем дворов крестьянских обреталось невеликое число». Кроме того, Морозову принадлежало и «старое ево село Слободка, где борковские крестьяне с слободскими крестьяны землями и лесами и всякими угоды владели вопче». Время шло, и в Борках «крестьяня почали делится, дети от отцов, братья от братьей и племянники от своих дядьев», кроме того, еще ранее Б.И. Морозов переводил в село крестьян из других своих владений. В результате село разрослось до 230 дворов, однако при Морозове ему «не было утеснения», поскольку крестьяне Борков и Слободки «одного были господина и за землю и за угодыя ссорится им не допущено». См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 170. Л. 35—36.

⁸³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 24.

⁸⁴ См. приложение, документ № 1.

⁸⁵ *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 486—487. А.И. Заозерский и Д.И. Петрикеев полагали, что Борки отошли в ведение приказа Тайных дел (на основе: РИБ. Т. 21. СПб., 1907. С. 281, 731) после смерти вдовы Б.И. Морозова, Анны Ильиничны, а И.Г. Морозову не достались (*Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 29, 38, 109; *Петрикеев Д.И.* Указ. соч. С. 50—51). Это противоречит как данным, приведенным П.В. Седовым, так и жалованной грамоте, выданной Ф.П. Шереметеву (см. приложение, документ № 1). Однако из приведенных историками упоминаний о Борках в делах приказа Тайных дел наиболее раннее относится как раз к 7181 (1672/1673) г. (РИБ. Т. 21. С. 731). По сведениям уже упоминавшегося письма В.Л. Кочубея, когда Борки и Слободка были отписаны на царя «и в то время крестьяне слободские боровским крестьянам почали было не давать владети землею и угодыями». Борковские крестьяне подали соответствующую челобитную в приказ Большого дворца, получив грамоту, в которой по царскому указу было «велено им, боровским крестьянам, с слободскими крестьяны владети по-прежнему землею и всякими угоды вопче» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 170. Л. 37).

⁸⁶ *Зенченко М.Ю.* «И той их даче по межам, и по сыску, и по досмотру быть за ними» (земельная политика в царствование Федора Алексеевича) //

PALEOBUREUCRATICA: сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М., 2012. С. 125—141.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 20.

⁸⁸ Сведения об этой стычке несколько разнятся в выписке, присланной в приказ Малой России из Разбойного приказа, и в поданной позднее челобитной Ф.П. Шереметева. Согласно первому документу Пелепелкин был убит, тяжело ранены были трое крестьян — Агей Прокофьев, Самошка Васильев и Федор Ермолов. Согласно второму — ранены были П. Пелепелкин, Самошка Синев (он же Васильев) и Агей Кобозев (он же А. Прокофьев), двое из которых вскоре умерли. Оба источника также дают разные имена предводителей нападавших, но основная их группа совпадает.

⁸⁹ Выписка из дела, присланного в Малороссийский из Разбойного приказа. — Там же. Л. 10, 9, 8. Указан надлежащий порядок листов. Выписка из челобитной Ф.П. Шереметева. — Там же. Л. 20, 11. Указан надлежащий порядок листов.

⁹⁰ Там же. Л. 18.

⁹¹ Выписка из челобитной Ф.П. Шереметева. — Там же. Л. 11.

⁹² Там же. Д. 170. Л. 23. В памяти челобитье Кочубея об этом датировано днем его прибытия в Москву — 29 июля 1683 г.

⁹³ Там же. Л. 12. В памяти, направленной из Малороссийского приказа в Ямской окольничему И.Ф. Бутурлину о даче В. Баутину подвод от Москвы до Борок и обратно, отмечалось, что он поедет через неназванную вотчину П.В. Большого Шереметева, находившуюся где-то в районе Коломны (Там же. Л. 13).

⁹⁴ Там же. Л. 42.

⁹⁵ Черепнин Л.В. Классовая борьба 1682 г. на Юге Московского государства // Исторические записки. Т. 4. М., 1938. С. 73—74; Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 324—325.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 170. Л. 42—43.

⁹⁷ Там же. Д. 201. Л. 7.

⁹⁸ Там же. Д. 170. Л. 32. Письмо датировано 19 августа 1683 г.

⁹⁹ Там же. Л. 59. На л. 59 об. помета: «взять к разговорам и челобитью гетмана».

¹⁰⁰ «Список с письма, каково подал в приказе Малыя Росии Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетмана Ивана Самойловича войсковой канцелярист Василей Кочубей». — Там же. Оп. 1. Д. 170. Л. 35—41.

¹⁰¹ Там же. Л. 39—40.

¹⁰² Там же. Л. 40, 38, 41. Указан надлежащий порядок листов.

¹⁰³ Там же. Л. 15.

¹⁰⁴ Там же. Л. 16—17. В Малороссийском приказе грамоту решено было выдать, отметив в ней, что вотчина пожалована по челобитью Самойловича (Там же. Л. 16 об.)

¹⁰⁵ Там же. Л. 18—19.

¹⁰⁶ Там же. Л. 54.

- ¹⁰⁷ Память из Малороссийского приказа в Разряд. 3 сентября 1683 г. — Там же. Л. 61.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 44—48. См. также: Там же. Л. 49—50 об. Листы копии выписки скреплены рукой В. Кочубея: «Василий Кочубей (Л. 46 об.—47 об.) взял и росписался (Л. 47 об.—48 об.)». См. также: Там же. Л. 62—62 об.
- ¹⁰⁹ ДР. Т. 4. Стб. 244.
- ¹¹⁰ Там же. Стб. 257.
- ¹¹¹ Там же. Стб. 266.
- ¹¹² Там же. Стб. 268.
- ¹¹³ П.В. Большой Шереметев, по крайней мере, участвовал в начавшемся 2 сентября 1683 г. походе Ивана V в Суздаль, Владимир и Троицу, а также в начавшейся 30 ноября 1683 г. поездке старшего царя в Саввино-Сторожевский монастырь (Там же. Стб. 241—242, 257). В остальных случаях в разрядных записях не конкретизировано, кто из двух представителей рода Шереметевых, бывших полными тезками (Большой и Меньшой), участвовал в выездах.
- ¹¹⁴ Лавров А.С. Указ. соч. С. 84.
- ¹¹⁵ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 140. Примечание 20.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 17.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 1, 14.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 1—4.
- ¹²⁰ Там же. Л. 5.
- ¹²¹ Там же. Л. 27—44.
- ¹²² Там же. Л. 18, 14. Указан надлежащий порядок листов.
- ¹²³ Там же. Л. 45, 51, 46, 48, 50, 52. Указан надлежащий порядок листов.
- ¹²⁴ Там же. Л. 47, 49. Конца грамоты мне обнаружить не удалось.
- ¹²⁵ Лавров А.С. Указ. соч. С. 81—83, 88, 91—92.
- ¹²⁶ Фрагмент приказной выписки по одной из челобитных В.С. Нарбекова. — РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 83, 82. Указан надлежащий порядок листов. См. также: Там же. Л. 26.
- ¹²⁷ См. об этом подробней: Кочегаров К.А. Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684—1689 гг. // Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества. М., 2012. С. 56, 83. Стольник князь М.Я. Хилков упоминается как владелец вотчины наряду со своей женой, княгиней Марьей (см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 74, 73, 91).
- ¹²⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 53—63.
- ¹²⁹ Там же. Л. 65—74.
- ¹³⁰ Там же. Л. 13, 15, 16, 19. Указан надлежащий порядок листов. Фрагмент вторичного объезда межи сохранился не полностью. Здесь же подробное описание границы между уездами. См. также: Там же. Л. 137—140.

¹³¹ Там же. Л. 12.

¹³² Там же. Л. 190—199, 201.

¹³³ Там же. Л. 200, 202.

¹³⁴ Там же. Л. 202—203.

¹³⁵ Там же. Л. 203—210.

¹³⁶ Там же. Л. 214. Поручные записи см.: Там же. Л. 215—217.

¹³⁷ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 20. Л. 19—23. Письмо датировано 17 ноября 1683 г. Батурин. Согласно «Книге записной...» Г. Пашковский привез грамоту Самойловича с благодарностями «за прислание к нему, гетману, грамоты на село Борки и за посылание в то же село межевщика и что сапошковым (т.е. казакам и драгунам Сапожка. — К.К.) тому селу за обиды учинено наказание» (Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 68).

¹³⁸ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 21. Л. 1—4. 4 ноября 1685 г. в царскую казну, в Пушкарский приказ у К. Дорофеева было принято «нелитрованной селитры: весом с деревом — 221 пуд 27 фунтов; в дереве весу — 21 пуд; а опрочь дерева селитры 200 пуд 27 фунтов. Ис той селитры вышло ис пуда по розварке 3 фунта 60 золотников. А изо всей селитры вышло песку и сору 18 пуд 7 фунтов 73 золотника с полужолотником. А затем чистые селитры 182 пуда 10 фунтов 20 золотников с полужолотником. А денег дано 328 рублей 2 алтына. За пуд дано по рублю по 26 алтын по 4 деньги». Примечательно, что К. Дорофеев посчитал, что ему недоплатили за сданный в казну продукт. Его хлопоты вылились в челобитье (от имени гетмана) прибывших в Москву в декабре генерального бунчужного К.И. Голуба и старшего канцеляриста В.Л. Кочубея доплатить Дорофееву «за взятую ево селитру». Царским указом от 15 декабря просьба была удовлетворена. Гетманскому слуге приказано было выдать из Малороссийского приказа деньги «по уговорной цене» за дополнительные 18 пудов и 7 фунтов и 73,5 золотника, которые ранее были определены как песок и сор! По распоряжению дьяка Е.И. Украинцева, Кочубею и Голубу было передано для Дорофеева дополнительно 32 руб. 25 алтын.

¹³⁹ В одном из описаний межевания прямо указано: «...а та-де дорога вновь учинилась по бортничьей стешке, а словет-де Воронежская потому, что из розных сел тою дорогою ездят на Воронеж, да таж дорога взошла и на Шацкую дорогу» (Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 136).

¹⁴⁰ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 218, 218 об., 219. См. также: Там же. Л. 129—130, 183. Видимо, именно во время этой поездки К. Дорофеев отвез Шереметевым триста рублей копейками и рулон дорогой шелковой ткани (см. приложение, документ № 4).

¹⁴¹ Там же. Л. 120.

¹⁴² Ее фрагменты см.: Там же. Л. 129—130, 264.

¹⁴³ Там же. Л. 123. Указ подписан думным дьяком Е.И. Украинцевым. См. копию: Там же. Л. 75, 79, 85, 80, 78. Указан надлежащий порядок листов.

¹⁴⁴ См. примеры разрешения похожих споров в статье М.Ю. Зенченко (Зенченко М.Ю. Указ. соч. С. 138).

Глава 3

НАЗНАЧЕНИЕ Ф.П. ШЕРЕМЕТЕВА ВОЕВОДОЙ В КИЕВ И СМЕРТЬ ПРАСКОВЬИ

I

Получение Ф.П. Шереметевым тысячи четвертей земли в одном из южных уездов, покупка каменного двора в Белом городе в Москве и получение вотчины должны были значительно укрепить материальное благосостояние молодой семьи и статус самого боярина, являвшегося отныне зятем могущественного правителя Малой России.

Однако Самойлович, усиленно хлопотавший за Шереметева перед московским правительством по самым разным вопросам, был недоволен тем, что его сват, П.В. Большой Шереметев, не желал выделить сыну полагавшуюся ему долю имущества для самостоятельного владения. Все это вызывало не только раздражение гетмана и его семьи, но и побуждало Самойловича вновь и вновь оказывать протекцию своему зятю. Будучи расчетливым и рачительным хозяином, гетман понимал, что, если Федор и Прасковья будут по-прежнему жить в Москве, это не только ограничит его возможности помогать молодой семье материально, но и лишит возможности контролировать трату присланных в Москву из Батурина средств. Возможно, это стало одним из поводов добиваться назначения Шереметева воеводой в Киев. При этом Самойлович не скрывал, что для него главным следствием назначения зятя воеводой в главный украинский город и древнюю столицу Руси стало бы укрепление его собственного положения в Малороссии.

19 января 1684 г. из Москвы в Батурин выехали стольник Иван Петрович Одинцов и подьячий Малороссийского приказа Осип Гаврилов¹. Вопрос о дальнейшей судьбе Ф.П. Шереметева и Прасковьи был на переговорах царского стольника и гетмана одним из центральных. Связано было это в первую очередь с продолжавшимися разногласиями между отцом и сыном Шереметевыми из-за отказа Петра Васильевича Большого выделить женившемуся Федору его часть общего имущества семьи. По-видимому, это, во-первых, вызвало нарекания гетмана и упреки в адрес Москвы, по мнению Самойловича, не соблюдавшей договоренностей 1682 г. об условиях замужества Прасковьи, а во-вторых, заставило гетмана вспомнить старую обиду на В.В. Голи-

цына (и, соответственно, на русское правительство) из-за отказа дать согласие на свадьбу своего сына Алексея и гетманской дочери.

Важность этого вопроса стала, по всей вероятности, причиной выделения в деле о поездке Одинцова в Батурин отдельной подборки документов о переговорах стольника и гетмана на тему Шереметевых и Прасковьи, озаглавленной «О зяте ево» (т.е. Самойловича)². Содержание их достаточно подробно (а местами почти дословно) изложено в фундаментальной истории С.М. Соловьева³. Переговоры о «домовых делах» Самойловича сосредоточились вокруг трех проблем. Первая, касавшаяся личных отношений Самойловича и Голицына, была тесно связана со второй, которую можно рассматривать как центральную. Она заключалась в желании гетмана добиться назначения зятя киевским воеводой. Наконец, третья проблема касалась вотчины Ф.П. Шереметева, села Борки. Причем, если верить статейному списку Одинцова, Самойлович в своем стремлении получить нужные ему решения царского правительства, оказался не чужд театральным эффектам и различного рода гиперболам.

Сетуя, что брак дочери не оправдал всех его ожиданий, гетман поспешил уверить царского посланца, что на самом деле на В.В. Голицына в связи с этим ему «досадовать <...> не о чем, то-де учинилось не от боярина, (а) моим нещастием». «Уж ли бы де я у великих государей не уприсил или бы им, великим государям, не заслужил, — продолжал он, — я-де и ныне о том со всем своим домом не можем утешиться. И жена-де моя бедная, и доч очи повыплакали, лучше бы де мне было хто голову утыл, нежели такая моя беда случилас, что домовная плачь безпрестани».

Самойлович напомнил Одинцову, что в свое время еще царь Федор обещал гетману, что даже если он найдет себе зятя «из нижних пород», то государь пожалует его «честью» и крестьянами, а теперь даже брак Прасковьи с человеком «высокой породы» не обеспечил благосостояние его дочери: «...однако ж ис того не утешус, которое было у дочери моей платье, то все иззакладывано и проедено». Причина этого, жаловался гетман, в том, что сват его — П.В. Большой Шереметев «к сыну своему <...> не ласков и ничево ему своево не даст и не поучит, как жить пристойно з добрыми людьми и честных почитат, кто от Бога помилован и от великих государей пожалован, тово надобно чтит, а мое бедное сердце о том сокрушается велми»⁴. В последних словах гетмана не трудно усмотреть намек на то, что из-за ссоры с отцом младший Шереметев примкнул к противникам Милославских. Возможно также, что гетман имел в виду некие личные раз-

ногласия Ф.П. Шереметева с членами правящей боярской группировки, в т.ч. и с В.В. Голицыным.

В связи с этим Самойлович просил наступающей весной назначить его зятя воеводой в Киев вместо находившегося там боярина Алексея Петровича Салтыкова. По мнению гетмана, это, во-первых, помогло бы поправить материальное положение молодой семьи, а во-вторых, укрепило бы позиции в Малороссии самого Самойловича. «И я бы ево всем ссужал и надзирал, — говорил хозяйственный гетман о своих намерениях опекать Ф.П. Шереметева и позаботиться о его семье, — и со всеми домочатцы ево прокормил, а в маестности бы ево послал своих знаемых верных и велел засеять хлеба всякого довольно и в огородах овощу, и, чтоб-де дал Бог, то б все было пристроено и убережено». Самойлович просил послать вместе с зятем на воеводство «товарыщей добрых» и между ними Л.Р. Неплюева, говоря о нем: «...а он-де человек доброй и в сих краях жить умеет, а зять бы де мой при нем учился, а мое б де сердце и всего моего дому тою их государской милостью зело обвеселелилис». Такая бы царская милость, по мнению Самойловича, внушала бы «в здешнем малороссийском народе страх, что по их государской милости, я — гетман, а зять мой в Киеве воевода». «Не для-де киевского пожитку зятя своего желаю, (а) для <...> осторожности и страху малороссийского народу, которые под моим региментом», — убеждал гетман стольника. Он обещал Одинцову, что «если-де зять мой что станет в Киеве делать непристойно и я-де сам к нему поеду или сына пошлю или жену свою и дочь и велю ево намовлять, чтоб он жил промеж людьми приятно и поважно». Самойлович говорил о своем желании, «чтоб дочь моя со мною, и с матерью, и з братьями, и с сестрою увиделис и промеж собою розмолвили»⁵.

В материалах переговоров Самойловича с Одинцовым не указано, о чем спрашивал его стольник касательно отношений с В.В. Голицыным. Предположительно о его вопросах можно судить лишь на основе ответов Самойловича, который не уставал повторять, что не имеет на канцлера «никакой досады». Он отрицал, что кто-то из московских политиков писал ему, пытаясь настроить против Голицына («никто ко мне не писывал»), но тут же признавался, что это делал П.В. Большой Шереметев: «...а хотя б де сват мой боярин Петр Васильевич и писал, и я-де веры не понес, он-де и сам к сыну своему, а моему зятю не ласков». Гетман стремился уверить Одинцова, что говорит с ним искренне, и одновременно опять признавался в некоем недовольстве русским канцлером,

высказывавшимся ранее: «...ныне щирым своим сумнением мысль свою открываю, хотя-де и мнение какое было прежде». Однако теперь гетман заявлял стольнику, что считает его миссию знаком милости и дружбы со стороны Голицына. «Ныне твоему приезду обрадовался и вижу к себе приятство и милость боярина <...> подлинно, что тебя ко мне прислал с чистым своим намерением и с приятством, как мы промеж собой с ним общалис, и ведаю, что ты человек доброй и с ложью тебя ко мне не пошлет», — говорил он Одинцову. Самойлович просил, чтобы Голицын, которому он, гетман, — «приятель и слуга зычливый», «умилосердился на мои слезы и на плачь всего моего дому, упросил бы» у царей и Софьи, чтобы Ф.П. Шереметева послали на воеводство в Киев. «А я-де со всем своим домом о том по их великих государей милости и за упрощение милостивого моего приятеля боярина князя Василя Васильевича от плача своего утешус», — резюмировал гетман.

Реакция Одинцова на гетманские слова свидетельствует, что в Москве просьба гетмана о воеводстве для зятя не вызывала единодушного одобрения. Возможно, Голицын дал посланцу какие-то устные инструкции осторожно попытаться отговорить гетмана от его намерения требовать назначения зятя в Киев. Однако Самойлович умел настаивать на своем. Когда стольник попытался робко отвести один из аргументов гетмана о его тоске по жившим в Москве «детям», заявив, что великие государи отпустят повидаться к нему дочь и зятя, тот немедленно и решительно возразил: «Мне-де в том что будет пожиточно?! Зять мой испроторитца и зубытчится (от поездки к гетману в гости. — К.К.), я-де и так посылаю к зятю своему, и денгами, и запасами, и рыбами, и мясами, однако не могу наполнить, а дорога-де далная, трудно подводами людей изгонять, пуще и запасов, а как бы де был в Киеве, тут место ближнее и запасы у меня есть и ближ Киева, и я б ево прокормил»⁶.

Одной из причин неприязни между сватами — И. Самойловичем и П.В. Большим Шереметевым, так же как и между последним и В.В. Голицыным, мог быть характер Петра Васильевича. По свидетельству бывшего несколько лет в русском плену польского вельможи Павла Потоцкого, он был человеком способным, но одновременно обладал непомерным тщеславием, был горд и высокомерен, чем снискал нелюбовь многих современников⁷.

Однако вражда Голицына и Шереметева-старшего могла быть вызвана и политическими мотивами. Сближение П.В. Большого Шереметева с находившейся у власти группировкой могло вполне иметь

конъюнктурный характер и не исключало лавирования Шереметевых между обеими «партиями» (что подтверждается и появлением Ф.П. Шереметева при дворе царя Петра Алексеевича) и их трений с Милославскими. В этом случае оружейничий мог попытаться настроить своего свата против «посольских дел оберегателя».

Наконец, не исключено, что П.В. Большой Шереметев каким-то образом узнал о попытках гетмана сосватать Прасковью Алексея Голицына уже после состоявшегося рукобיתья боярина с Яковом Самойловичем. Такое оскорбительное для чести Шереметевых намерение гетмана вряд ли могло бы способствовать установлению хороших отношений как между сватами, так и между оружейничим и «посольских дел оберегателем», даже несмотря на состоявшийся в итоге брак Федора и Прасковьи.

На основе материалов посольства И.П. Одинцова С.М. Соловьев видел причины «материальных проблем» Ф.П. Шереметева в отсутствии ему царских пожалований из-за вражды между его отцом и В.В. Голицыным⁸. Это мнение, как было показано выше, едва ли справедливо, поскольку Ф.П. Шереметев как гетманский зять получил тысячу четвертей целины в Диком поле и крупную вотчину в Рязанском уезде. Однако некие упреки в адрес В.В. Голицына гетман действительно мог высказать не только и не столько потому, что его побуждал к этому сват Шереметев, а, во-первых, из-за отказа канцлера отдать в 1682 г. своего сына за Прасковью, во-вторых, из-за неудовлетворенности гетмана размерами царских милостей молодой чете Шереметевых и, в-третьих, из-за позиции «посольских дел оберегателя» в разрешении конфликта вокруг Борок. Последнее обстоятельство С.М. Соловьев оставил без внимания, хотя оно имело немаловажное значение.

Земельный спор в Борках вновь стал предметом переговоров И.П. Одинцова и И. Самойловича. Гетман благодарил за пожалование вотчины, но вновь сетовал, что, хотя «крестьян много, да земля отнета, чем владели» предыдущие хозяева, т.е. И.М. Языков. И.П. Одинцов ответил на это: «В том тебе, гетман <...> не токмо что на боярина Василья Васильевича Голицына, и на иново ни на ково гневается нечево», и пояснил, что в Москву приезжали бить челом «со слезами» казаки Сапожка. Они заявили, что спорные земли боярин Языков отнял у них «насилством». В.В. Голицын, желая гетману «всякого добра», добился царского указа о расследовании земельных споров, однако в результате розыска выяснилось, что «та земля казацкая». «А на Ивановы поступки Языкова что тебе удивлятца, сам видишь, что Бог учинил», —

резюмировал стольник. Тем самым устами Одинцова правительство вновь подтвердило преимущество местных владельцев на примеренные земли перед московскими чинами.

Из некоторых дальнейших слов гетмана видно, что в Москве были готовы пожаловать спорный участок непосредственно гетману, о чем от имени Самойловича просил ранее К. Дорофеев. И хотя соответствующее предложение Одинцова в статейный список, видимо, не попало в силу его особенной деликатности, о том, что оно было сделано, мы можем заключить из следующей реплики гетмана: «...и самому-де мне слез тех не надобно, хотя бы де ныне меня великие государи и пожалуют тою землею, а после-де меня зятю моему не прошно (не прочно. — К.К.) будет». Возможно, В.В. Голицын хотел тем самым принизить спесивого П.В. Большого Шереметева. Таким образом, Самойлович правильно рассудил, что пожалование спорного участка непосредственно ему подчеркнет зависимость зятя от влияния тестя-гетмана при московском дворе в ущерб положению Шереметевых.

Поэтому гетман не согласился с таким вариантом, продолжая настаивать, чтобы цари изволили «хоть малой лоскуток той земли пожаловат, отдад к Боркам». «А будет-де невозможно так пожаловать, — говорил он, — но я б де у них купил той земли (купить, видимо учитывая вышеприведенное замечание, должен был Ф.П. Шереметев на деньги тестя. — К.К.), чтоб было зятю моему впред прочно». Одинцов усомнился в возможности покупки земли, мотивируя это законодательным запретом: «...ныне поставлено непременно с казаками бояром и нашей братье менят не велено, не токмо что покупать»⁹. И действительно, даже в открытых для раздачи земель московским чинам уездах местным владельцам «запрещались сделки на землю с иногородними владельцами»¹⁰. А статья 50 главы XVI «О поместных землях» Соборного уложения запрещала казакам продавать и сдавать кому-либо свои земли¹¹.

Самойлович сообщил, что со дня на день ожидает возвращения К. Дорофеева, который был в Борках и «скажет, будет мочно той деревнею прожить бес прибавочной земли и я на государской милости и тому рад, а буде не мочно без земли быт и мы-де станем приискиват порозжей земли, чтоб была ничья в степях, и станем бить челом великим государям или буде где приискать купить и крестьян тех розселить»¹².

По возвращении из Батурина И.П. Одинцов подал в приказ «тетратку белорусского писма» с витиеватым заголовком «На словесной разговор, который от велможного боярина его милости князя Василия Васильеви-

ча Голицына стольник Иван Одинцов говорил в Батурине, мне, гетману Ивану Самойловичу»¹³. Заголовок этот свидетельствует, что переговоры о семейных делах гетмана русский представитель вел полуофициально, от имени Голицына, а не по царскому указу. Наличие тетради указывало также, что запись переговоров в той или иной форме велась не только московскими приказными людьми, но и писарями гетмана.

Согласно «тетратке» Самойлович, чтобы сгладить инцидент с В.В. Голицыным, вновь уверял русские власти, что «дружба моя и приятство к его милости боярину ко князю Василью Васильевичу Голицыну есть неотменна и никакими делы и вещми не нарушена. И в той дружбе всегда аз жити (и) житие мое скончати хошу. Прошу же и боярина, — твердил Самойлович, — дабы и он по своей восприятной дружеской ко мне любви <...> изволил быти мне приятным другом и ласковым благодетелем»¹⁴.

Из гетманской «тетради» следовало и то, что Самойлович не впервые просил назначить Ф.П. Шереметева киевским воеводой: «...зятя моего <...> аще не послали в Киев на монаршескую службу, о сем жалость мою терпением загладжаю, а яко дружного ко мне прошу боярина князя Василя Васильевича, приятеля и усердного благодетеля, дабы к нему, зятю моему, милостив был и милостию своею презирал, на него так в том надежен есмь, что впред будущее время скорый будет случай учинити перемену боярину в Киеве, а зять мой от той монаршеской службы не удалитца». «Того ради зятя моего, боярина Федора Петровича, в Киеве желаю, — оправдывался гетман, — одно токмо то слышу, что он на Москве знатно испроторился, и естли ему впред на Москве без службы монаршеской придетца пожити, тогда и во всех своих животах на жалость мою испроторитца, а zde в Киеве своим бы я его кормил вспоможением, второе, жаждет душа моя отеческим усердием его, зятя моего, и дщерь мою видети, а не токмо я сам, но и весь дом мой желают вседушным желанием»¹⁵.

Значительное место в «тетради» уделялось и проблеме «несчастливого» царского пожалования — селу Борки. Гетман вновь просил урегулировать не только «внешние» конфликты с казаками, но и прекратить «внутренние смятения», т.е., видимо, недовольство крестьян, а также побыстрее отпустить к нему из Москвы К. Дорóфеева¹⁶.

Переговоры Самойловича и Одинцова (также как материалы миссии в Москву В.П. Кочубея) позволяют сделать ряд важных наблюдений об отношениях гетмана с царским двором. Во-первых, Самой-

лович проявил исключительную заинтересованность в упрочении связей своей семьи с родом Шереметевых. В самом деле, с какой стати гетману было с такой настойчивостью хлопотать по поводу решения споров в вотчине зятя, когда сам Ф.П. Шереметев даже не удосужился подать соответствующую челобитную на царское имя? Такая забота об имущественных делах Ф.П. Шереметева показывает, что гетман тесно увязывал их с престижем и положением своей собственной семьи, причем не только в глазах русского правительства, но и в среде казацкой старшины.

Во-вторых, семейные связи с Шереметевыми еще теснее, чем ранее, вовлекали гетмана во внутривполитические трения между боярскими группировками, осложнявшиеся конфликтами интересов уже отдельных лиц или семейственных кланов в рамках той или иной «партии», которые сплетались в единый клубок всевозможных интриг и противоречий. В этом случае уже представители русской аристократии нуждались в поддержке могущественного правителя Малой России, который также пытался извлечь из этого свои частные выгоды.

Статейный список И.П. Одинцова отразил, конечно, только вершину айсберга. Более полное содержание кулуарных отношений Москвы и Батурина в этой сфере вряд ли когда-нибудь станет известно историкам. Но тем не менее некоторые предварительные заключения можно сделать. Так, просьба гетмана направить его зятя в Киев, впервые высказанная где-то в конце 1683 г., была с недовольством встречена родственниками старшего царя — Салтыковыми, но, очевидно, должна была получить поддержку П.В. Большого Шереметева, несмотря на его неприязненные отношения со сватом.

В.В. Голицын оказался вынужден выбирать: принять ли сторону гетмана или Салтыковых и связанных с ними лиц из окружения старшего царя. Эти колебания «посольских дел оберегателя» выразились в попытках осторожно отговорить Самойловича от его намерения либо проигнорировать просьбу гетмана вовсе. Тот, в свою очередь, и так обиженный на Голицына за отказ одать сына Алексея за Прасковью, не сумел скрыть недовольства русским канцлером от кого-то из русских представителей (возможно, от Л.Р. Неплюева). Узнавший о размолвке князя и гетмана П.В. Большой Шереметев не замедлил воспользоваться этим, чтобы подлить масла в огонь. Результатом стала поездка Одинцова и их переговоры о семейных делах гетмана именно от имени Голицына, стремившегося уладить возникшие трения.

II

7 февраля И.П. Одинцов и О. Гаврилов, провожаемые И.С. Мазепой, выехали из Батурина¹⁷. К этому времени гетман еще не знал, что спор о Борковских землях решен правительством в пользу его зятя. Однако, даже получив это известие, Самойлович не успокоился, продолжая настаивать на переводе пожалованного поместья в вотчину. Гетманская грамота по этому поводу была получена в Москве 18 марта 1684 г. И эта просьба была удовлетворена¹⁸. В царском послании от 31 марта 1684 г. Самойловичу объявлялось, что великие государи и «благочестивая государыня царевна» Софья, «по челобитью ево гетманскому за службу ево», Ф.П. Шереметева, и его супругу пожаловали, указав «землю, которая належит к селу Боркам тысячу чети дать ис поместья в вотчину и ту вотчину своею государскою грамотою подтвердить». Грамоту повез побывавший в Москве гетманский посланец Иван Войтенко¹⁹, который заодно доставил семье Шереметевых денежный подарок от гетмана (сто рублей копейками)²⁰.

Вскоре Телепнев и Татаринов вновь были посланы в Рязанский уезд. На этот раз им было указано у С. Разбоева и у сапожковцев «взять на спорную землю крепости и старожилов людей добрых и привести к вере и с теми старожилами по тем крепостям <...> досмотреть» земли, которыми ранее владел И.М. Языков. Посланцы должны были выяснить: «те земли к селу Боркам даны ис порозжих земель или их, казачьих дачь»? «И буде те земли даны ему (Языкову. — К.К.) ис порозжих земель или наперед сего владели теми землями они, сапожковские казаки, а в крепостях и в дачах тех земель у них нет», — предписывалось в наказе, — «и те земли по прежней даче» боярина И.М. Языкова «отвести в вотчину» Ф.П. Шереметева, «а сапожковским казаком отказать и учинить по той даче грани и межи, чтоб впред о том спору и челобитья не было»²¹.

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае правительство Софьи и Голицына сделало для гетманского зятя даже больше, чем царь Федор для своих фаворитов, которым захваченная у сапожковских казаков земля была пожалована только в поместье.

Для родственника же правительницы Софьи — В.С. Нарбекова правительственное решение по делу Ф.П. Шереметева было чувствительным ударом. Пытаясь добиться пересмотра дела, он подал в Малороссийский приказ по меньшей мере три челобитных²². Нарбе-

ков твердил, что пожалованное ему бывшее поместье И.М. Языкова не может принадлежать сапожковцам, которые должны владеть лишь исключительно теми земельными «дачами», которые отведены им согласно окладам, и не претендовать на «порозжую обводную землю». Ссылаясь на данные писцовых описей касательно земель, принадлежавших сапожковским казакам и драгунам, Нарбеков доказывал, что даже после верстания в службу тамошних новиков, выделения требуемого участка Ф.П. Шереметеву и пожалования поместья ему самому на территории Сапожковского уезда останется значительный фонд свободной земли для будущего испомещения казаков и драгун.

Спор вокруг сапожковских земель выходил далеко за рамки обычных поземельных тяжб между помещиками и вотчинниками, и не случайно разрешен он был на самом высоком уровне. Чьим бы домогательствам ни уступило правительство — Самойловича или Нарбекова, — тем самым бы оно отступало от своей же политики, суть которой раскрыта в уже упоминавшейся статье М.Ю. Зенченко, когда, несмотря на декларации об «открытии» заказных городов, земли там московским чинам фактически не давались, а все поземельные споры решались в пользу местных служилых землевладельцев. И, видимо, этим следует объяснить колебания Голицына, несколько месяцев не желавшего решать вопрос касательно примеренных земель Сапожка в угоду гетману. Об исключительности данного правительственного решения свидетельствует и то, что по поводу претензий Нарбекова позиция властей оказалась иной.

9 июня 1685 г. цари и Софья, выслушав челобитную Нарбекова «в своем государском походе в селе Измайлове», указали перемерить земли сапожковских казаков, поверстать окладами молодых казаков, кто по возрасту уже мог нести службу, а оставшуюся землю «в их драгунской и казачьей старой писцовой меже» вымерять «особно», прислав выписку о том в Малороссийский приказ²³.

30 июля 1685 г. стольнику Ивану Протасьеву и подьячему Петру Якушеву было указано перемерить земли Сапожковского уезда и разобрать казаков и драгун, а оставшиеся земли, «измеряв потому ж, положить в четверти, и, написав в писцовых книгах имянно особой статьею, а в роздачу давать никому не велено»²⁴. Одновременно в Иноземский приказ был направлен запрос о численности сапожковских казаков и их земельных угодьях²⁵. 14 августа 1685 г. в Малороссийский приказ была дана выпись из казачьих и драгунских раз-

борных книг 7188 (1679/1680) г., согласно которой в Сапожковском уезде начитывалось 392 казака и 370 драгун, причем у последних — 243 чел. детей и других родственников. Писцовые же книги с данными о владениях сапожковских жителей из Стрелецкого приказа в Иноземский присланы не были²⁶.

По сохранившимся фрагментам документов мы не можем судить однозначно, был ли произведен новый разбор сапожковских казаков и драгун и межевание их земель, поскольку по 30 октября 1685 г. в приказ Малой России «о даче сапожковских казаков и драгунов земель и сенных покосов писцы мерных книг» не присылали²⁷. Судя по дате последней челобитной В.С. Нарбекова, дело его решено не было вплоть до конца 1685 г.²⁸

Поземельные интересы Самойловича не ограничивались вотчиной Борки. Еще в конце 1682 г. гетман уведомлял царское правительство о намерении зятя при его финансовом участии купить не только московский двор, но и деревню. В 1684 г., видимо еще до отъезда в Киев на воеводство, Ф.П. Шереметев на деньги тестя купил небольшую деревеньку Новоселки (Георгиевское) в Московском уезде у вдовы и сыновей дворянина Б.М. Перхурова²⁹. Приобретение менее 10 дворов не особенно могло упрочить материальное благостояние семьи Ф.П. Шереметева. Однако сам факт покупки имел большое значение. Расположение вотчины в Московском уезде дополнительно укрепляло статус Шереметева как представителя старомосковского боярства, а соответственно, и повышало престиж самого Самойловича.

III

Возвращение в Москву И.П. Одинцова, содержание проведенных им переговоров с Самойловичем, нашедшее отражение в статейном списке, а возможно, и дополненное на словах, должно было убедить В.В. Голицына в первостепенной важности для гетмана вопроса о киевском воеводстве. Поэтому канцлер в конце концов приложил усилия к тому, чтобы оно было реализовано. Однако решение это далось русскому правительству непросто. О переменах настроений в Кремле свидетельствовали обстоятельства путешествия назначенного воеводы к месту службы.

Важные подробности прибытия Ф.П. Шереметева с женой в Киев отразил в своем дневнике шотландский офицер на русской службе Патрик Гордон, бывший в то время старшим офицером киевского

гарнизона. 30 апреля 1684 г. Гордон отметил, что гетман хочет увидеться со «старым Шереметевым», для чего собирается прибыть «на границу», т.е. на рубеж одного из ближайших к Батурину русских уездов³⁰. Можно полагать, что предстоявшее свидание свидетельствовало о некотором потеплении в отношениях сватов, сблизившихся в стремлении добиться назначения Ф.П. Шереметева киевским воеводой. 25 мая 1684 г. в Киеве получили весть о его скором прибытии в город. 5 июня гетманский зять вместе с женой выехал из Москвы³¹ «с милостью их государской», причем «дано ему на подъем их государское жалованье»³². И. Самойловичу была выслана соответствующая царская грамота. Обрадованный гетман выехал на встречу Шереметевым в Глухов, куда призвал из Стародуба и семью старшего сына Семена. Самойлович хотел, чтобы, встретив зятя, все они «из Глухова в Батурин вместе с ним, боярином, ехали и лутче в дороге с собою порозвиделись». Самойлович хотел таким образом избежать длительной остановки в Батурине, желая, чтобы зять без промедления прибыл в Киев³³. Приехавшие в Москву 3 июля гетманские посланцы Федор Яковлев (Яковенко) «с товарищи», бывшие с разведывательной миссией на Правобережье, сообщили, что после 20 июня Самойлович выехал в Глухов «со всем домом своим», чтобы встретить зятя. Уже оттуда навстречу Шереметевым был послан генеральный бунчужный, брат гетманши, К.И. Голуб³⁴.

Однако 25 июня в Севске Ф.П. Шереметева нагнал указ из столицы задержаться там до дальнейших распоряжений. Две недели гетманский зять ожидал там решения своей участи. Только 11 июля в Киеве стало известно о выезде Шереметева из Севска в сопровождении эскорта из 700 человек³⁵.

Задержка гетманского зятя в Севске была связана с продолжавшимися трениями в правительстве по поводу его назначения на киевское воеводство, ведь городом управлял А.П. Салтыков — дальний родственник царицы Прасковьи, супруги царя Ивана Алексеевича, представитель родовитой, богатой и влиятельной фамилии.

Для устранения возникших затруднений тогда же, в июне, к И. Самойловичу был послан царский стольник Семен Ерофеевич Алмазов. Документы о его поездке изучали Д.Н. Бантыш-Каменский и С.М. Соловьев³⁶. Материалы, с которыми работал Д.Н. Бантыш-Каменский, находятся ныне, по-видимому, в составе столбцов малороссийских дел Посольского приказа (черновик наказа и небольшой фрагмент

статейного списка)³⁷, а документы, использованные С.М. Соловьевым, опубликованы в «Дополнениях к актам историческим»³⁸.

Наказ Алмазову представляет собой любопытный образчик голицынской дипломатии, вынужденной лавировать между интересами гетмана и влиятельных царских родственников. Объявив гетману о выезде его зятя из Москвы в Киев, Алмазов должен был перейти к обсуждению «опасностей», грозящих не только «целости всего Малороссийского края», но и здоровью гетмана. На первый взгляд речь шла об известных «хитростях» и «вымыслах» польской стороны, но не только. После перечисления внешнеполитических угроз Алмазову следовало обратить внимание Самойловича и на внутренние проблемы Украины, о которых стало известно русскому правительству. Стольник должен был сообщить гетману, что на него «от народа малороссийского в некоторых делах есть поречение, а именно за аренды и что будто на уряды тамошние свойственников и друзей своих возвел, також и в ыных делах тягости себе от него гетмана причитают, а проходит та поголоска от запорожцов, також часто и от киевских мещан». И хотя после этого в наказе следовали заверения, что великие государи держат гетмана «в милости и призрении» и «тому навету не верят», зная, что Самойлович «чинит в Малой Росии всякое устроение и доброе поведение», причем «не на свою какую прибыл», но «на славу их государского имени» и «к целости» всей Украины, тем не менее ссылка на киевских мещан появилась в документе отнюдь не случайно.

Согласно следующей статье наказа Алмазову следовало убеждать гетмана, «чтоб и то не приличилос к той же вышереченной поголоске и ненависти людцкой, что зят ево, боярин и воевода Федор Петрович Шереметев, будет в Киеве воеводою, и чтоб и того народ тамошней не причел себе к тягости какой, и не учали б непостоянные люди то говорит, не удовольится-де гетман, что свойственники ево и друзья на уряды многие возведены, еще-де и зятя своево <...> со всем домом ево и на их же убыток в Киев припровадил и не причли б себе того в великую тягость», что может послужить на руку неприятелям, которые «разности всякой и замешания в поведении ишут».

В связи с этим через посредство Алмазова царское правительство предлагало послать Шереметева на воеводство не в Киев, а обратно в Севск, куда в товарищи ему вновь будет назначен Л.Р. Неплюев, «где и от поголоски той вышереченной возможно б укрытися». Одной из главных причин, по которой Самойлович еще в разговоре с Одинцовым

настаивал на переводе зятя в Киев, было желание гетмана регулярно видаться с семьей дочери. Соответственно Алмазов «пространными и разумными разговорами» должен был внушать гетману, что, если Шереметев будет направлен в Севск, тесть смог бы с ним и Прасковьей «почасту видатися и ссылатися», кроме того, гетманскому зятю «на новых землях пристойно б было <...> присматриват и заводит вотчину»³⁹. Речь, видимо, шла о пожалованном ранее Шереметеву праве присмотреть себе тысячу четвертей земли в Диком поле.

В Посольском приказе понимали всю щекотливость ситуации, поэтому царский стольник должен был всячески уверять Самойловича, чтобы он предложение русского правительства себе «во оскорбление же и в тягость не ставил» и никаких сомнений не имел, поскольку великие государи указали говорить с ним об этом царскому гонцу «с милосердия своего государского тайно, разсуждая всякие в нынешнее время приключаются опасения». Царям-де известно, что гетман «чинит все в Малой Росии по их царского величества указу, что к лутчему и к пристойному належит, а не для своей какой прихоти», поэтому великие государи «чин и правление тамошнего краю изволили положить на нем, гетмане»⁴⁰. В сохранившемся фрагменте статейного списка отмечено, что Алмазов обсуждал с гетманом тайные статьи наказа наедине «и против тех статей взял на писме» ответ у Самойловича⁴¹.

Некоторые подробности переговоров Алмазова и Самойловича сохранились в составе другого дела, опубликованного в «Дополнениях к актам историческим». Царский стольник встретился с гетманом в Глухове в конце второй декады июня. Гетман решительно отверг претензии по поводу аренд, поборов и других нареканий, исходивших от киевских мещан и запорожцев, выдвинув против них самих немало встречных обвинений. Он, как и ранее, обосновывал необходимость аренды нехваткой средств на оплату службы наемных войск, которые могли быть компенсированы, по его мнению, только из царской казны. Самойлович уверял Москву, что его сын и племянник назначены на полковничьи должности по прошению самих полчан, не имеющих никаких «убытков» и «досад» от правления гетманских родственников. Он указывал, что гадацкий и стародубский полковники — это исключение из правил, поскольку остальные полковые должности занимают либо «старинные» полковники, либо избранные по желанию самих казаков⁴².

Более всего раздосадовало Самойловича предложение Москвы направить зятя вместо Киева в Севск. Гетман сетовал, что предыдущее цар-

ское решение «явно» не только ему самому и его приближенным, но и «по городом везде розславилось», причем «в Киеве о том говорят в голос». «И я зело о той отмене сокрушатися долженствую, понеже жаль мне великой да и стыд у всех учинится, естли после такой славы он, зять мой, боярин Федор Петрович, в Киеве, не окажетца», — говорил гетман⁴³. Огорчение Самойловича вполне понятно. Отказ в назначении Ф.П. Шереметева после данных обещаний, оглашенных во всеуслышание⁴⁴, и торжественного выезда навстречу зятю и дочери ставил гетмана не просто в неудобное положение, но наносил серьезный удар по престижу его власти вообще. Все это гетман и пытался втолковать С.Е. Алмазову.

Понимал ли суть проблемы В.В. Голицын, руководивший сношениями с Украиной, но под давлением влиятельных бояр из окружения старшего царя попытавшийся пересмотреть предыдущий указ касательно киевского воеводства для Ф.П. Шереметева? Думается, что «посольских дел оберегатель» вполне отдавал себе отчет в ущербности данного решения для русско-украинских отношений, и реакция гетмана была для него прогнозируема. Не исключено, что это решительное несогласие Самойловича было необходимо Голицыну как аргумент для убеждения сторонников Салтыковых. Так или иначе, подобные колебания московских властей, вызванные борьбой и соперничеством внутри правящей группировки, негативно отражались на взаимоотношениях царского двора и правителя Малой России.

Гетман вновь заверял царского посланца, как и ранее И.П. Одинова, что не допустит злоупотребления воеводскими полномочиями со стороны Ф.П. Шереметева, что будет чинить «вспоможение» ему со своего «двора», которое «никому из жителей здешних не будет убыточно». Понимая, что стремление получить зятя на воеводский стол в Киев может вызвать вполне понятные подозрения центральной власти в стремлении гетмана укрепить на Украине личную власть в ущерб царской, Самойлович пытался развеять подобные сомнения Москвы, убеждая Алмазова в неизменной верности царскому престолу. Гетман вновь говорил о желании чаще видеть своих «детей», которые, живя в Москве, «зело испроторилися»⁴⁵.

Желая продемонстрировать, что А.П. Салтыков согласен оставить воеводство, Самойлович уверял, что тот якобы уже писал к нему, объявляя о своей «перемене» и прося «листа о подводах»⁴⁶. Возможно, за официальной просьбой скрывались попытки объясниться с гетманом, главным виновником его отзыва.

Несогласие Самойловича на севское воеводство для зятя привело к тому, что мнение сторонников удовлетворения гетманского желания возобладало окончательно. Д. Н. Бантыш-Каменский отмечал, что этому назначению особенно способствовал В. В. Голицын⁴⁷. Историк, по всей видимости, имел в виду такое косвенное свидетельство, как гетманское письмо, которое привез канцлеру С. Е. Алмазов. Самойлович отмечал, что царский посланец «при делех монаршеских и при милостивом их великих государей слове объявил мне словесно великую любовь и неотменную ласку и приязнь вашей княжой велможности, иж ваша княжая велможность обещаешь прежде прирекую впред идущии часы противко мене сохранятьи ширость». «За тое теды я велце вашей княжой велможности дякую, — благодарил гетман В. В. Голицына, — и яко взаемне з моею приязню до вашей княжой велможности отзываюся, так и зычу, дабы ваша велможност в премногие лета заживал желаемой щасливости, а ховал мене в своей благодетельствующей ласце, которой и на сей час отдаю мя приязливе»⁴⁸. Это косвенно подтверждает, что Голицын пытался отмежеваться от решения о переводе Ф. П. Шереметева в Севск, перекладывая ответственность за это на доброжелателей и родственников Салтыковых.

1 июля 1684 г. результаты посольства С. Е. Алмазова были рассмотрены с «участием» царей⁴⁹, Софьи и комнатных бояр в царском походе в село Воробьево. Решение правительства было сформулировано достаточно обще: послать к Самойловичу через стольника С. П. Неплюева грамоту «с милостивым словом и со обнадеживанием их государской милости»⁵⁰. Положительное решение по делу Ф. П. Шереметева раскрывалось уже в самом послании. «И сумнения б и оскорбления никакова тебе, подданному нашему, в том, о чем тебе столник наш Семен Алмазов объявлял, не иметь, а быть во всем на нашу государскую милость надежду», — убеждали гетмана московские власти, рефреном повторяя, что предложения оставить гетманского зятя в Севске были сделаны «не для каких наносов, но токмо учинено то объявление с милости ж <...> государской», чтобы соблюсти Самойловича «ото всяких опаств и наветов». Соответственно подтверждался и прежний царский указ о назначении Ф. П. Шереметева в Киев, куда ему велено ехать «с поспешением»⁵¹. Документы для С. П. Неплюева (наказ, грамоты гетману и севскому воеводе Л. Р. Неплюеву и самому посланцу) были подготовлены 3 июля⁵². В этот день или немного позднее они были высланы в Севск.

Стоит отметить, что родство Самойловича с боярами Шереметевыми действительно вызывало недовольство среди украинского казачества и, в частности, в наиболее анархически настроенном его центре, таком, как Запорожская Сечь. Так, в апреле 1686 г. низовые казаки, обвиняя гетмана в захвате принадлежавших им днепровских лугов, упрекали его, что он сделал это, сговорившись с московскими боярами, «а найбарзей подобно з сватом своим Шереметевым». Они писали, что Самойлович, разбогатев и посвоячившись с Шереметевыми, стал более заносчивым и гордым, чем когда-либо⁵³.

Вскоре Ф.П. Шереметев выехал к месту новой службы, но по пути опять задержался, теперь уже в Батурине⁵⁴. Его пребывание в гетманской столице и выезд в Киев были обставлены торжественно. Гетман преподнес зятю гнедого коня с богатой упряжью и дорогим седлом, а дочери дал «на расходы» две тысячи золотых. Старшина также одарила молодую чету богатыми подарками. Переяславский полковник Л. Полуботок, киевский Г.К. Коровка-Вольский и нежинский Я. Журавковский подарили Ф.П. Шереметеву дорогих лошадей. Супруга Коровки-Вольского вручила Прасковье рострухан (большой бокал, чаша), а супруга Полуботка — дорогое сукно голубого цвета на платье. Наиболее дорогие подарки преподнес Шереметевым генеральный есаул И.С. Мазепа: рострухан, два жемчужных ожерелья из индийского («урьянского») жемчуга — Прасковье Ивановне, белого коня с турецким убранством, богато отделанную саблю и налучье, а также серебряный ковш — Федору Петровичу⁵⁵.

Важную миссию — поблагодарить царей за назначение зятя Ф.П. Шереметева воеводой в Киев — гетман доверил знатному войсковому товарищу Ивану Ломиковскому, прибывшему в Москву 9 августа (в этот день гетманские грамоты были поданы им в приказ) 1684 г. «Сподобился и ныне ж превеликого вашего монаршего милосердия, — рассыпался в благодарностях Самойлович, — понеже вы, великие государи, крайние ради ко мне милости, милостиво изволили на свою монаршую службу в старовечную свою царственную отчину, во град Киев, послати зятя моего, боярина Федора Петровича Шереметева». Гетман сообщал, что по дороге в Киев чета Шереметевых побывала и у него в Батурине: «...тогда я детей своих отеческим зрением удовольствовался, радосною душою и веселым сердцем восхвалил имя всясотворящего Господа, а прославляю и прославляти должен есмь вашу царского пресветлого величества предобрую благодстьню, яко мене ради сотворен есть

ваш государской сей милостивой указ». Будучи у гетмана, Федор и Прасковья «хвалилися», что «великие государи не токмо к зятю моему свою изъявляли всегда милость, но и дщери моей премилосердную свою монаршую превеликую благодать и жалованье оказали, допуская ее многажды бывати в пресветлых ваших монарших чертогах и наслаждаться зрением пресветлых и предобрых и прекрасных лиц благоверных цариц и благородных царевен». За это гетман также особенно благодарил царское правительство, уверяя, что от этого «премилосердного вашего царского величества призрения» он, как «верный подданный, очи и сердце свое благодарно» «обвеселил». Самойлович сообщал, что дочь и зятя («хотя и трудность была их домовая», — отмечалось в скобках по поводу того, что Прасковья должна была скоро родить), не задерживая в Батурине более четырех дней, отпустил в Киев. Беспокоясь о том, справится ли молодой Шереметев с обязанностями киевского воеводы, гетман писал: «Желаю я, чтобы он, зять мой, в молодом веке своим, по своей должности и при моих еще очах заслужил себе вашу, великих государей, милость, от чего бы и мне и дому его была утеха, так и я, будучи верным вашего царского пресветлого величества подданным и во всем исполняя по воле вашей государской сердцем и душею всецелое радение, ему, зятю моему, советую, чтобы бодрым умом и усердным прилежанием вам, великим государем, на той службе работал». С этой целью гетман отправил вместе с Ф.П. Шереметевым своего племянника, гадяцкого полковника М.В. Самойловича. Воеводу сопровождал эскорт из пятидесяти стрельцов полка стольника и полковника Прохора Иевлева, стоявшего в Батурине, во главе с подполковником Тихоном Христофоровым (Гундертмарком)⁵⁶.

И. Ломиковский также привез грамоту гетмана к В.В. Голицыну. Самойлович благодарил «посольских дел оберегателя» за «великое <...> благодеяние, что ваша княжая велможность по своей приятельской и благодетельской ко мне дружбе изволил предстательствовати у пресветлого монаршеского великих государей наших престола» о назначении Ф.П. Шереметева. Гетман просил Голицына и дальше оказывать покровительство ему и его зятю. В остальном содержание грамоты повторяло предыдущую⁵⁷. Однако в «особом письмеце» гетман, желая угодить В.В. Голицыну, благодарил за особую благосклонность к Прасковье царевны Софьи, которая «всегда являла ей свое милосердие, подавая волный вход по превысоким полатам и ко зрению преудобренного лица своего и на путь киевской милостивым подаванием учинила ей вспоможение». Отмечалось и внимание к гетманской дочери супруги царя Ивана Алексе-

вича, царицы Прасковьи Федоровны, которая «при своих многих жалованиях, одарила своею государскою одеждою» свою тезку. Самойлович писал В.В. Голицыну, что по такому поводу он, чтобы не выглядеть неблагодарным, «дерзнул <...> соорудить лист» к царевне Софье, несмотря на отсутствие традиции ведения подобной корреспонденции, и просил канцлера вручить его адресату. «И естли что нечиновно написано, — заранее извинялся гетман, заканчивая «письмецо», — изволь милостиво своим высоким разумом заступить меня, верного их царского пресветлого величества подданного»⁵⁸. Скорее всего, именно подарки царицы Прасковьи фигурируют в перечне вещей, составленных после смерти гетманской дочери, как жалование великой государыни: горностаевая шуба, подбитая багряным шелком, украшенная серебряными кружевами и пуговицей с рубинами и изумрудом, опущенная соболями, три охабня (два шелковых и один атласный) с кружевами и серебряными позолоченными пуговицами, а также «одеяло изорбафное, по зеленой земли травы, опушка красная травчетого отласу, подложено кумачем» и т.д.⁵⁹

27 июля Гордон узнал, что «в прошлую пятницу» (т.е. 25 июля) Прасковья Шереметева родила сына Василия⁶⁰. Самойлович сообщал Голицыну об этом в другом доставленном Ломиковским «особом письмеце», «имея великую мою к твоей княжой милости благодетелю любовь». Гетман досадовал, что боярыня Прасковья «в подорожных трудностях родила сына, о чем, хотя отчасти обыкшая есть мне радость, однако ж и печалюся, что отсюда из Батурина отпущено, и в Киев не достигло то рождения дело, а в дороге, как не угодно, так и опасно быти имеет». Самойлович писал, что родившееся чадо «зело слабо и сама боярыня болезнью объята». Он сетовал («отцевским усердием з домашними моими скорбел»), что Прасковья «не токмо то учинила не пред нашими очима, но и на месте не угодном», виной чему, по его мнению, была задержка Ф.П. Шереметева в Севске, так как в противном случае роды случились бы уже в Киеве⁶¹.

И.С. Самойлович подарил новорожденному специальный «куколь на младенца» из красного атласа, украшенный вышитым изображением деисуса — Спасителя и обращающихся к нему с молитвами Богородицы и Иоанна Предтечи, а также образами Архангелов Гавриила и Михаила, над которыми располагались три херувима. Крылья херувимов, венцы, ризы и другие детали изображений были унизаны жемчугами. Куколь с четырьмя алыми камчатыми завязками был подбит красною тафтою⁶². Другим подарком был повивач — длинная узкая полоска ткани, которой

обычно пеленали новорожденного. Гетманский подарок из зеленого атласа был украшен жемчугом, изумрудами и рубинами⁶³.

6 августа Патрик Гордон выехал из Киева, чтобы встретить нового воеводу — Ф.П. Шереметева. На следующий день он въехал в город. Старый воевода, А.П. Салтыков, всячески демонстрировал свое недовольство переменой, сделанной в угоду гетману, оказав весьма холодный прием своему преемнику. При въезде Шереметева в Киев «не было, — по словам Гордона, — ни вооруженных солдат, ни стрельцов (как обычно), ни пушечной пальбы». Отсутствие предписанной военным церемониалом встречи объяснялось прямым указом Салтыкова, которого Гордон и другие старшие офицеры киевского гарнизона не смогли убедить поступить иначе. Сам Салтыков покинул город в тот же день⁶⁴.

При всей своей заносчивости и тщеславии (а может, именно поэтому) П.В. Большой Шереметев не меньше гетмана беспокоился, справится ли его сын с воеводскими обязанностями. Свою обеспокоенность он выразил в письмах к Гордону, который обещал давать «верный совет его сыну» в ответ на просьбы Шереметева-старшего⁶⁵. Ф.П. Шереметев быстро освоился в киевском высшем обществе, демонстрируя повадки московского аристократа новой формации. Гордон неоднократно сообщает о данных им обедах, в т.ч. и о визитах боярина с супругой к другим офицерам гарнизона⁶⁶.

В архиве Разрядного приказа сохранилась переписка Ф.П. Шереметева с Малороссийским приказом за октябрь 1684 — февраль 1685 г., которая свидетельствует, что назначение в Киев гетманского зятя не оказало, да и не могло оказать какого-то заметного влияния на официальные взаимоотношения между воеводой и приказной администрацией в Москве. Ф.П. Шереметев выполнял обычные для воеводы военно-административные обязанности, в т.ч. занимался починкой городских укреплений, сбором и отправкой в Москву разведывательной и иной информации о событиях в Речи Посполитой, проводил смотры ратных людей, осуществлял верстание в службу новиков, высылку к царскому двору мастеров партесного пения и др.⁶⁷

Переписка Шереметева с Москвой не сохранила следов какого-то вмешательства Самойловича в воеводские дела, хотя известно, что Шереметев прибегал к помощи гетмана в некоторых вопросах. Так, в январе 1685 г. он писал ему, жалуясь на высокую стоимость пшеницы в Киеве из-за значительного вывоза ее в Польшу⁶⁸. А стольник Потап Филимонович Шеншин, направленный в феврале 1685 г. к киевскому

воеводе «с милостивым словом» за труды по укреплению города, предварительно должен был посетить гетмана И. Самойловича⁶⁹.

В конце января 1685 г. из Киева были отозваны прежние «товарищи» Ф.П. Шереметева — думный дворянин и воевода Федор Андреевич Зыков и окольный князь Иван Степанович Хотетовский, а на их место посланы окольный князь Василий Федорович Жирово-Засекин и думный дьяк Василий Данилович Мясной⁷⁰. Об этой ротации был проинформирован и гетман⁷¹.

В начале января в связи с информацией, поступившей в Москву от Самойловича, о направлении польских войск на зимовку в район восточной границы Речи Посполитой, недалеко от Киева, Ф.П. Шереметеву было направлено указание жить «с великим опасением», не пропуская никого ни в Киев, ни на Левый берег Днепра⁷².

В соответствии со своими намерениями гетман Самойлович всячески поддерживал чету Шереметевых во время их жизни в Киеве. В 1684 г. деньги привозили в Киев генеральный есаул М.А. Миклашевский и некий гетманский слуга Стефанович. Осенью того же года знатный войсковой товарищ Иван Павлович Лисица привез дорогие ткани. В декабре В.Л. Кочубей доставил письма от гетмана, тысячу золотых чехами и «пол сем ста золотых» (386 руб.) на оплату годичной службы боярской челяди. В 1685 г., после Рождества, к Шереметевым дважды приезжал гетманский слуга Лукьян с денежными суммами по двести и пятьсот золотых чехами. Некий Белозорецкий специально привез деньги «на молебны» в киевских церквях. А прибывший в Киев на весть о болезни боярыни И.С. Мазепа передал сто талеров. Были и другие посылки и передачи⁷³.

IV

В 1684 г. Иван Самойлович не только хлопотал о назначении зятя киевским воеводой, но и предпринял еще ряд шагов для установления более тесных связей с российскими политическими кругами.

Гетман решил женить своего младшего сына, Якова, однако в невесты ему он подобрал не представительницу казацкой старшины, а дочь одного из влиятельнейших смоленских шляхтичей — генерала царской службы Владимира Ивановича Швейковского. Учитывая, что старший сын гетмана — Семен был в то время полковником стародубским, женитьба эта преследовала и регионально-политические цели, а именно укрепление связей гетманского двора со Смоленской землей, которая

на юге как раз граничила со Стародубщиной. Особенное значение этот факт приобретает в свете планов гетмана по расширению территории Стародубского полка за счет принадлежавших Речи Посполитой т.н. Посожских сел — земель между реками Сож и Днепр, которые были захвачены гетманскими казаками как раз осенью 1684 г.⁷⁴

В грамоте на царское имя, доставленной в Москву 9 августа 1684 г. Иваном Ломиковским (от 30 июля 1684 г.), Самойлович, отмечая, что «ни каковых дел без доклада вашего монаршеского не всчинаю», просил позволения женить Якова, поскольку «уже и лета его к тому приспели». «С совету и приговору людей подлинных, — продолжал гетман, — хотя вступить в сватовство с вашим царского пресветлого величества генералом Владиславом Швайковским, которой имеет у себя дочь, девицу Анну Владиславовну, нарочно о том через сей лист мой вашему монаршескому пресветлому престолу покорственно доношу». Самойлович рассчитывал само «дело <...> всчинать и вершить сей осени близ приходящей»⁷⁵.

В «особом письмеце» к В.В. Голицыну, которое также привез И. Ломиковский, гетман просил канцлера «исходатайствовать милостивый великих государей указ» по поводу очередного замысла его брачного союза⁷⁶. 13 августа вопрос рассматривался на заседании правительства. Царский указ с боярским приговором позволял «гетману сына своево женит у генерала-маеора у Володимера Швайковскаго на дочери»⁷⁷. Царская грамота гетману с позволением на брак была послана 19 августа⁷⁸.

6 декабря 1684 г. гетманский гонец Илья Сербин⁷⁹ доставил в Москву среди прочих посланий и письмо Самойловича В.В. Голицыну, где гетман сообщал, что у него с В. Швайковским «учинилось постановление, дабы общим детям нашим брак имел свое совершенство тотчас по празднике Рождества Господня». Гетман писал, что был «зело бы рад, аще бы было возможно просить в убогой дом свой пречестную <...> особу» самого русского канцлера, в то же время подчеркивая, что он вряд ли сможет «того счастья сподобиться» по причине дальнего расстояния⁸⁰. Трудно сказать, лелеял ли Самойлович надежду на участие В.В. Голицына в свадебных торжествах, понимая одновременно, что вероятность этого весьма мала, или же данное приглашение, скорее, было послано из вежливости без расчета на его принятие «оберегателем посольских дел», в связи с чем в письме гетман заранее оправдывал княжеский отказ. Последнее позволяло Самойловичу сохранить лицо.

В.В. Голицын, поблагодарив гетмана за любезное приглашение, конечно же, отвечал отказом, оправдываясь не только дальним расстоянием, но и «великими, врученными» ему «государственными делами». «И за то твое любительное объявление и желательство благодарствую и желаю того, чтоб всемогущий Господь Бог изволил то брачное веселие привести в благое и счастливое совершенство», — писал он Самойловичу⁸¹. Родственные связи гетманской семьи со смоленской служилой корпорацией не ограничились женитьбой Якова. Впоследствии за смоленского дворянина Михаила Корсака вышла одна из дочерей Семена Самойловича⁸².

Дальнейшая судьба молодоженов Якова и Анны Самойловичей сложилась трагически. После свержения гетмана Самойловича его сын Яков был сослан в Енисейск. В Белоруссии в 1687 г. в связи с этим ходили слухи, что от смертной казни его якобы спас тесть В. Швыковский, который откупил (*tekuiregował*) зятя⁸³. Анна последовала за мужем в сибирскую ссылку. На Украину она вернулась уже после смерти Якова, в 1695 г.⁸⁴

V

Хотя в жалованной и купчих грамотах на Борки, Новоселки и московский двор и была указана ключевая роль гетмана в приобретении данной недвижимости четой Шереметевых, вся она не являлась непосредственным владением Самойловича. Интерес гетмана к земельным владениям в царской державе, но за границами его регимента выражался и в иной форме. Так, уже в 1670-х гг. гетманское семейство проявляло интерес к земельным владениям на Слобожанщине.

Еще при царе Алексее Михайловиче по просьбе гетмана воевода князь Г.Г. Ромодановский распорядился отвести поместье в Лебединском уезде на Слободской Украине гетманскому племяннику, гадацкому полковнику М.В. Самойловичу, под тем предлогом, что в Лебедине жили его родители. В дальнейшем племянник добился расширения владений вокруг основанного им села Михайловки. Это вызвало конфликт полковника с местными служилыми людьми. В 1681 г. гетман писал царю Федору, прося пожаловать племяннику, самолично прибывшему в русскую столицу, все полученные им ранее земли в вотчину⁸⁵. Просьба была удовлетворена, о чем свидетельствует подпись в письме М.В. Самойловича дяде (от 11 июня 1682 г.): «Из села Михайловки, имея по милости велможности вашей»^{85а}.

Осенью 1684 г. гетман Самойлович зондировал в Москве возможность приобретения великороссийской вотчины уже для себя и своей семьи. 13 октября 1684 г. гетман написал В.В. Голицыну, уверяя его, что «как из начала, так и до кончины века моего, имея я в мысли моей твердое постановление, дабы, как я, так и дети мои, в милостивой монаршей их царского пресветлого величества обороне вечно обретались, хотя <...> zde, в Малой России, имею воспитание свое и на доброе имя добрыми делами и детем моим заслуживаю, однако сердцем желаю меж великороссийскими городами иметь свое особое место». В связи с этим Самойлович сообщал, что, услышав о продаже вотчин думного дьяка Ф.Л. Шакловитого в Кромском уезде, послал туда для осмотра имений генерального есаула Михаила Миклашевского. Тот, однако, пригласил иную вотчину, принадлежавшую окольничему Петру Михайловичу Пушкину, — село Тегин с деревнями. Миклашевский сказал, что Тегин желает купить гетман. Однако есаулу ответили, что село продано «к дворцовым вотчинам» по царскому указу и «денгами окуплено будет». «А я помыслил было и последнее свое отдать, только тое вотчины достать, и яко убо во всяких моих нуждах толку (т.е. толкаюсь, стучусь. — К.К.) во дверь милости вашей князей», — писал гетман В.В. Голицыну, прося позволения выкупить Тегин, обещая заплатить «пристойную цену»⁸⁶. Царским указом с боярским приговором было решено позволить гетману купить село Тегин, «а к дворцовым селам тот не приписан и торговать для ево гетмана того Тагина к дворцовым волостям не велели»⁸⁷. В связи с просьбой Самойловича и на основании царского указа выехавшему в Батурин для переговоров с гетманом думному дьяку Е.И. Украинцеву, среди прочих, подлежащих рассмотрению вопросов, была включена в наказ 5-я статья, позволявшая Самойловичу купить вотчину П.М. Пушкина по свободной цене, как сторгуется⁸⁸. В ноябре 1684 г. на переговорах с гетманом Украинцев объявил ему о царской милости. Самойлович благодарил и сказал, что «как он в том обмыслитца и он учнет промышлять, а ныне откладывает то к иному времени». Также гетман поинтересовался ценой. Украинцев ответил, что цена вотчине 10 тыс. руб., «а подлинно ль так, того не ведомо»⁸⁹. Купил ли гетман в итоге село Тегин, неизвестно.

Исследователи указывали и на другие земельные пожалования, полученные гетманом Самойловичем в России. Работавший в конце XIX в. в частном архиве князей Барятинских М.М. Плохинский сообщал, что в 1685 г. И. Самойлович поселил слободку Жадамлю на землях Рылского уезда, видимо пожалованных ему от царского имени или куплен-

ных им ранее. После свержения Самойловича Жадамля была передана Л.Р. Неплюеву, изменив соответственно и название на Неплюевку⁹⁰.

С.М. Соловьев отмечал, что царское правительство пожаловало Самойловичу 52 крестьянских двора в Пронском уезде в первой половине 1685 г.⁹¹ Д.Н. Бантыш-Каменский, однако, утверждал, что 5 деревень были пожалованы в Кромском уезде⁹². Уточнить и дополнить эти данные позволяет ряд документов — «статьи» гетмана, данные Л.Р. Неплюеву в июне 1685 г.⁹³, сохранившийся черновик письма В.В. Голицына к И. Самойловичу от 13 мая 1685 г. и др.

«Приятелю моему и любезнейшему брату от Господа Бога многолетнего здравия и счастливого поведения яко сам себе желаю», — писал Голицын и далее сообщал, что выехавший в Батурин Неплюев должен объявить о царском «милостивом» указе, о котором канцлер уже писал гетману через возвращавшегося из Москвы Кочубея. Указом этим великие государи и царевна Софья, — сообщал Голицын, — «милостиво презирая на верные и радетельные твои службы и за усердную во всяких их государских делах радение и попечение и за осторожность Малороссийского краю повелели тебе и детям твоим дати своего царского величества жалованья <...> вотчины и поместья в Кромском уезде в Речицком стану в розных деревнях пятьдесят два двора крестьянских». Канцлер уточнял, что в Севск, к Неплюеву, послана и царская отказная грамота. «Вручаю тебя в сохранение <...> всемогущаго Бога да их великих государей их царского пресветлого величества», — заканчивал послание Василий Васильевич⁹⁴.

О пожаловании вотчины окольных Неплюев торжественно, в присутствии генеральной старшины, объявил гетману в ходе аудиенции 8 июня 1685 г. Самойлович «бил челом и кланялся до земли»⁹⁵.

Самойловичу и его семье были пожалованы деревни Красное, Брусовицы, Лужки, Пасерково, Волково (52 двора «тяглых и лютных»⁹⁶) «з крестьяны, з землею, з лесами и зо всякими угодыи и з мелницами» (общая площадь пахотной земли 727 четвертей, «а вдвое по толкож»⁹⁷). Кроме того, Самойловичу «для особой потребы» выделялось место под пасеку в Олешенском уезде Белгородского разряда. Благодарность за это гетман выразил царскому правительству в статьях, составленных по итогам переговоров с Л.Р. Неплюевым 10 июня 1685 г. Он обещался и далее «верне и вечно» служить царям и царевне и заявлял, что выслал своего посланца, чтобы принять пожалованные деревни «во владение»⁹⁸. Отдельным письмом за полученную вотчину гетман поблагодарил В.В. Голицына⁹⁹.

Из неполностью сохранившегося дела о тяжбе крестьян Самойловича с соседями мы можем получить некоторую информацию об управлении гетманом полученной вотчиной¹⁰⁰. В главную деревню вотчины — Волково Самойлович назначил управляющего («Кромских ево вотчин приказного человека») Ивана Витвицкого, где тот построил «гетманский двор». Витвицкий развил активную хозяйственную деятельность, пытаясь округлить владения за счет пашни и сенокосов соседей — вотчинников князей Ивана и Юрия Юрьевичей Трубецких и переманивая у них крестьян.

10 мая 1686 г. жившие в Волкове «ведомые и заповедные воры» подговорили бежать туда из деревни Трубецких — Гончаровки четыре крестьянских семьи и одну семью «дворового человека». Спустя шесть дней один из «бывших в бегах» вернулся, узнав, что Витвицкому велено «пришлых людей» из деревни «высылать и исцом отдавать» (последнее означало, что побег этот не был первым). Он сообщил приказчику Трубецких — Михаилу Максиму о местонахождении остальных четырех семей. К тому времени у крестьян Трубецких накопилось к соседям достаточно претензий. Поэтому в Волково прибыла внушительная делегация (10 чел.) приказчиков, земских дьячков и конюхов из принадлежавших Трубецким деревень (Гончаровка, Плоское, Яблоновец, Гнездилово, Толмачево и др.).

И. Витвицкий принял «гостей» по-хорошему, вернул три семьи беглых крестьян, пообещал «отыскать» четвертую и даже «потчевал» приезжих на гетманском дворе. Однако на этом дело не кончилось. Приказчик села Яблоновец говорил с гетманским управляющим «о земляном деле и о сенокосах и о селидобном деревянном лесу, что смежно гетманская земля деревни Брусовца с их селом Яблоновцом». Он упрекал Витвицкого, что тот выгнал оттуда комарицких солдат, которым приказчик передал покосы в аренду. Жители Толмачева жаловались, что гетманский управляющий «поселил гетманских крестьян» (два двора) на земле Трубецких и «запахал» их землю. Они просили дать им лист, чтобы самим ехать к гетману искать «управы». Были и обычные жалобы в наездах и грабежах, в частности, обстреле из луков крестьян Трубецких. После того как две (по другим данным одна) вернувшихся семьи вновь бежали в Волково, требовать их выдачи туда направился земский дьячок Якушка Сергеев¹⁰¹.

Иван Витвицкий решил выдвинуть встречные претензии. Гетманский управляющий обвинял соседей, что, приехав в Волково, они местных

крестьян «розигнали» и сами «сыскавали» беглых по дворам; что крестьяне Трубецких «пашут» гетманскую землю, постоянно воруют у его подопечных домашнюю птицу и скот, украли трех лошадей и хотели отбить у него тех «воров», которых ему удалось поймать, для чего «стерегли» Витвицкого «на дороге». Я. Сергеева гетманский управляющий упрекал, что тот жителей Волкова «наганял и ис пищали стрелял», и говорил, «аби до смерти забивалы гетманских крестьян». Наконец противной стороне заявлялось, что она основала деревню на гетманской земле¹⁰².

Первоначально И. Витвицкий пытался жаловаться Самойловичу, однако тот ответил, что «люди, которые, в деревнях, ему данных, живучи, поносят от кого неправды или разорения и о том ненадобно ему к нему, гетману, присылать, потому что их в том боронить и заступит не может <...> также и о трудностях тамошних к нему, гетману, не писал бы, но чтоб о всяких делах и теснотах и в межевом утеснении писал в Севск и обидимых крестьян для управы послать в Севск же, а самому ему, Ивану, ссориться ни с кем не повелевает». Гетман указывал, что если некий «Кошалеv» (видимо, Витвицкий на него жаловался ранее) купил землю «близ деревень его гетманских» по царскому указу, «и то бы он чинил себе что хочет, а он бы, Иван, препоны никакой не чинил, покамест от него, гетмана, к нему указ будет».

В соответствии с рекомендациями Самойловича Витвицкий представил «словесное челобитье» Л.Р. Неплюеву, а тот изложил его в грамоте, полученной в Москве 11 июня 1686 г. Цари и Софья пожаловали гетмана, велев произвести розыск севскому разрядному дьяку Михаилу Жаденову, а кроме того, «розвесть и розмежевать по дачам» владения Самойловича и Трубецких по предъявленным крепостям, «чтоб они впредь обид гетманским людям и крестьяном никаких не чинили и землями ево не владели». 27 июня в Севске была получена соответствующая царская грамота¹⁰³. В июле Жаденов произвел розыск, который в целом не подтвердил обвинения, выдвинутые И. Витвицким (причем даже указанные последним свидетели не дали однозначных показаний в его пользу), а также осуществил размежевание земель¹⁰⁴.

Из документов, связанных с иным сыскным делом, касавшихся гетманских имений в Кромском уезде, мы узнаем, что И. Витвицкий в качестве управляющего вскоре был заменен на Ивана Булая¹⁰⁵.

Имения в Кромском уезде сохранялись во владении гетмана вплоть до его свержения¹⁰⁶, а в 1687 г. были отписаны на имя великих государей, при этом И. Булай сохранил, по-видимому, пост управ-

ляющего¹⁰⁷. Власти Кромского уезда, у которых, как представляется, было немало счетов к жителям гетманской вотчины, осмелели. В начале 1688 г. в Севск прибыли управляющий, староста и крестьяне Волкова с жалобой на кромского воеводу Ивана Богдановича Подымова, который прислал к ним подьячего и боярского сына, чтобы «взять» местного мельника Афанасия Звенигородцева. Волковские крестьяне мельника в обиду не дали, после чего в деревню прибыл отряд в сто человек «с копы» во главе с кромским подьячим Петрушкой Непожим. Участники наезда били и увечили крестьян и даже «покололи копьем» дочь Ивана Булая. 11 февраля 1688 г. из приказа Малой России в Кромы была направлена царская грамота, требовавшая от воеводы объяснений в учиненном самоуправстве: по какому указу он посылал в Волково вооруженных людей и «разорение <...> учинил»?¹⁰⁸

VI

Осенью же 1684 г. Иван Самойлович посчитал нелишним в очередной раз выразить свою поддержку правительству Софьи и Голицына. В письме последнему он напоминал, как во время недавней поездки в Киев («в киевском пути») Самойлович, как и год назад, «праздновал праздник, а глагола благоверной государыни царевны и великой княгини Софьи Алексеевны так и ныне в сем пути». Речь шла о дне памяти мученицы Софии Римской, матери мучениц Веры, Надежды и Любви, который Православная Церковь отмечала 17 сентября (по старому стилю). По свидетельству Самойловича, в этот день «обретались есмы в далном расстоянии в церкви шатровой в полку Ильи Новицкого будучей, слушали святые литургии, и когда Богу, в Троице славимому, и к пресветлейшей Богородице молебствовали о здравии и долгоденствии милостивой государыни нашей. А у того церковного пения тысячи с четыре ратных людей, которые все с нами желательное простирали свое к Вышнему прошение, да многолетствует она, благородная царевна». Гетман просил канцлера донести об этом царевне Софье¹⁰⁹. Послание это было доставлено вместе с письмом Голицыну «о заезде», т.е. о занятии запорожскими казаками Посожских сел, когда поддержка этой акции, нарушавшей условия перемирия с Речью Посполитой, была для Самойловича со стороны московского правительства особенно необходима.

Особые славословия по адресу Софьи гетман произносил и позднее. 28 августа 1685 г. в Батурын прибыл царский стольник и будущий канц-

лер Петровского времени Федор Алексеевич Головин обсуждать проблему Посожских сел. Сначала гетман пригласил стольника «для слушания о государственном здравии молебного пения и литургии», причем Головин стоял с гетманом на его «месте» «с правая руки», что подчеркивало почет, оказанный московскому гостю. После церковной службы состоялся торжественный обед, на котором первый тост, сопровождавшийся залпом из сорока пушек, провозглашался за великих государей.

Второй тост был за Софью. Самойлович «говорил, как-де он уверен от посланных своих и слышит ото многих о дивном за Божию помощь управителстве дел так великих государств благородной государыни царевны <...> Софьи Алексеевны, зело удивлялся ее государскому превысокому разуму, что о так превеликие государства российского царствия от многообразных настоящих нынешняго века дел преславно спасает». Залп из сорока пушек повторился¹¹⁰.

К концу 1684 г. влияние гетмана Самойловича и его статус как правителя Малороссии были при русском дворе, как никогда, высоки. Русское правительство внимательно прислушивалось к нему в вопросах внешней политики, в подробностях информировало гетмана не только о крымско-турецких и польских, но и о шведских и австрийских делах¹¹¹, а также о важнейших внутривластных шагах. Не случайно наблюдательный Патрик Гордон, может быть несколько преувеличенно, замечал в июле 1684 г., что Самойлович ныне «единственный оракул и мерило постановлений русских»¹¹².

Самым тесным образом это отражалось на взаимоотношениях московского двора и гетманской семьи. Гетманский зять не только был пожалован именными, но и назначен по просьбе Самойловича воеводой в Киев вместо свойственника царя Ивана V А.П. Салтыкова, что свидетельствовало о готовности правительства Софьи и канцлера В.В. Голицына в известной мере поступиться в пользу гетмана интересами своих политических союзников — Салтыковых.

Вместе с тем укреплением своих позиций внутри Русского государства Самойлович осторожно пользовался, чтобы усилить свою власть на территории Украинского гетманства, например ходатайствуя о праве санкционировать выдачу царских жалованных грамот приезжим из Малороссии. Более решительно он действовал в плане расширения границ подвластных ему земель за счет Речи Посполитой, в связи с чем уместно напомнить, что предпринятая им в 1681 г. попытка добиться передачи под свою власть Слободской Украины встретила отказ царского прави-

тельства¹¹³. Однако уже вскоре политика Самойловича натолкнулась на ряд препятствий объективного и субъективного характера. К последним относились трагические события, постигшие гетманскую семью в 1685 г.: смерть старшего сына Семена и кончина дочери Прасковьи.

VII

На супругов Шереметевых беда обрушилась весной 1685 г. Все началось с болезни боярыни. Она и ранее не отличалась крепким здоровьем, а перенесенные роды, по понятным причинам, не способствовали его укреплению. 12 марта П. Гордон сделал запись в дневнике, что Прасковье, «проболевшей 9 дней от своего падения и материнской нечистоты, посредством частого купания с травами стало лучше».

На весть о болезни боярыни из Батурина в Киев немедленно примчался присланный гетманом И.С. Мазепа. 16 марта, спустя день после обильных возлияний в компании Гордона, серьезно заболел уже Ф.П. Шереметев (шотландец не уточняет чем). Через два дня с Прасковьей случился новый приступ («...то ли от неожиданного ужаса при слухе, что боярин умирает, то ли по какой иной причине», — отмечает Гордон). Она упала в глубокий обморок, а придя в себя, по выражению Гордона, «утратила зрение и рассудок». Приступы боли, перемежавшиеся судорогами и припадками (шотландец сравнивает их с эпилептическими), продолжались и на следующий день, 19 марта, когда прибывший к постели больной игумен Михайловского Златоверхого монастыря Феодосий Гугуревич причастил супругу воеводы и совершил над ней таинство елеосвящения. Однако это не помогло. По словам Гордона, на муки гетманской дочери «тяжко и горестно было смотреть». 20 марта 1685 г. боярыня Прасковья Ивановна Шереметева умерла «в самых яростных внутренних конвульсиях».

К Самойловичу с печальной вестью и за указаниями относительно похорон был направлен гонец. На следующий день утром тело боярыни перенесли в Михайловский монастырь в сопровождении архимандрита и других духовных чинов. Тяжело больной Шереметев не смог присутствовать на отпевании, и по его просьбе благодарственную речь на латыни к духовенству держал Патрик Гордон. Игумен Феодосий «ответствовал тихим голосом и краткой речью на славянском языке». Присутствовавший в храме И.С. Мазепа объявил, что гетман не замедлит отблагодарить духовенство и вознаградить киевские обители за молитвы об упокоении души его дочери¹¹⁴.

Смерть Прасковьи взбудоражила киевское общество, на все лады обсуждавшее причины ее тяжкого недуга. Одни говорили, что боярыня была одержима демонами, другие утверждали, что она умерла от сердечной болезни. В конце концов, возобладаало мнение, что гетманскую дочь погубило заражение матки.

Рассказывали также, что где-то в начале февраля боярыня, проснувшись ночью, «увидала женщину в белом одеянии, которая приблизилась к ее постели с весьма зловещим видом». Объятая ужасом Прасковья приказала слугам искать скрывшегося за печью призрака и потом еще долгое время «пребывала в таком страхе, что не желала лежать с той стороны кровати (откуда пришел призрак. — К.К.) и при каждом чудившемся ей вдруг малейшем шорохе приходила в крайний ужас». Уже после смерти боярыни некий «набожный» юноша из числа домохозяев Шереметевых поведал, что 27 марта ночью, выходя из нижней комнаты господского дома, увидел сходящую по задней лестнице высокую женщину в белых одеждах, которая бранилась «направо и налево». Спустившись, призрак прошел через двор и сад, а затем исчез¹¹⁵.

Погребение между тем было отложено. Ждали прибытия гетманши Марии Ивановны и ее сыновей. Весть об их скором приезде пришла в Киев 25 марта, а через два дня супруга гетмана с сыновьями въехала в город, остановившись недалеко от Киево-Печерского монастыря. На следующий день они прибыли в Михайловский монастырь. Мария Самойлович «слушала службу с тяжкими стенаниями», после чего вместе с сыновьями навестила зятя и внука. Шереметев принял их, лежа больной в постели. Обратный путь все проделали в полном молчании.

29 марта, в воскресенье, состоялись похороны Прасковьи. В Михайловском монастыре собралось все киевское духовенство. Ф.П. Шереметева привезли на санях и внесли в церковь на ковре, чтобы он мог проститься с женой. По свидетельству Гордона, он сделал это «с обильными слезами». После этого слуги боярина вынесли гроб из храма, а самого Шереметева по причине продолжавшегося нездоровья отвезли домой. Поминальная процессия направилась в Киево-Печерский монастырь, где и состоялось погребение. Все это в подробностях описал в своем дневнике Гордон¹¹⁶.

Смерть Прасковьи Шереметевой и с политической точки зрения имела большой резонанс в русско-украинских отношениях. Однако официальное извещение об этом в Москве получили со значительным опозданием.

О значении, какое имело своевременное выражение гетману соболезнований от царского имени, свидетельствует выговор, который через служилого иноземца, стольника и подполковника Тихона Христофоровича Гундертмарка был объявлен командиру батуринского стрелецкого гарнизона, стольнику и полковнику Борису Степановичу Щербачеву. Соответствующий указ царей и царевны В.В. Голицын приказал «записать» 30 апреля. За то, что Щербачев «и по се время» не писал в Москву или севскому воеводе Л.Р. Неплюеву «с нарочным гонцом» о смерти боярыни, и не сообщил, что Самойлович «пребывает в печали, что дщери ево <...> не стало», полковника было приказано «с ведома» гетмана посадить «в тюрьму на четыре дни»¹¹⁷. Соответствующая грамота Т.Х. Гундертмарку была подготовлена 1 мая и послана с выехавшим в Батурин гетманским канцеляристом Саввой Степановым¹¹⁸.

Впрочем, Самойлович через Гундертмарка и напрямую просил царский двор о снисхождении для полковника. В грамоте на царское имя, доставленной в Москву по почте 19 мая, гетман писал: «И я ту вашу монаршескую опалу видево, возскорбех много разсуждая, чтоб моя о дщери моей печаль его преждереченного столника и полковника таковым жестоким наказанием до смерти не опечалила». Поэтому Самойлович не стал подвергать Щербачева наказанию, «которое бы во весь век ево было ему безчестно». По мнению гетмана, достаточно того, что Щербачев «о наказании указом объявляющим, к бодрости себе пристойно накажется». Нерасторопность офицера объяснялась тем, что «столник и полковник, видя» гетмана «горко сетующаго», по своей к нему «любви и сам о том велми печалился, чрез что не прилучило емо скоро», ранее самого Самойловича сообщить о несчастье в Москву. Соответственно гетман просил официального царского разрешения на освобождение Щербачева от наказания¹¹⁹. Цари «пожаловали» и по его прошению велели Щербачеву «вину отдат», «хотя было за такую неосторожность и за нерадение, и довелся, он, Борис, такому наказанию»¹²⁰.

VIII

Кончина Прасковьи стала поводом к созданию интересного памятника украинской литературы — письма к гетману от архимандрита Киево-Печерской лавры Варлаама Ясинского, написанного 1 апреля 1685 г. В нем настоятель главного украинского монастыря выражал соболезнование Самойловичу в связи со смертью дочери и обращался к гетману со сло-

вами утешения: «Яко Иякова по возлюбленном Иосифе, так велможность вашу по возлюбленной своей дщере ясне велможной боярине сетуючого, ради быхмо утешити, гды бы в нашей было влады, родительское сердце от неугамованого погамовати жалю», — писал архимандрит. Он сравнивал печаль гетмана с горем библейского Иакова, когда его самого любимого сына Иосифа братья из зависти продали в рабство египетским купцам, а отцу принесли одежду брата, испачканную кровью специально зарезанного козла. Отец подумал, что сын его растерзан хищным зверем. «До Иякова собращася синове его и дщери его, и приидоша утешити его и не хотяше утешитися», — цитировал Ветхий Завет Варлаам.

Подчеркивая неизбежность постигшего гетмана горя, он обращался к книге «Плач Иеремии»: «Недармо по Иерусалиме плачучы, пророк жаль приятельский назвал единым морем, мовячи: умножися, яко море, печаль. Як бовем море утишити, так великую печаль утешити хто латво может? А если по яковом добром друже, далеко барзей по милом чаде, сердцу родительскому печали яко непогамованое ест море?» Признавая, что не в силах утешить гетмана, Варлаам призывал его уповать на Всевышнего: «Але любо нам невозможно родительской печали погамовати моря, возможно еднанк тому, который умеет вшелякому полагати пределы и ведает волны слез усмерати, так яко тушит писание: „По волнах Господь тишину сотворих, плачу же и рыданию радост и веселие возлиет“». Архимандрит сравнивал Самойловича с еще одним библейским персонажем — Иеффаем, который, будучи «вождем люду Божого», возглавил его в походе на аммонитян, дав обет принести в жертву Богу того, кого встретит первым на обратном пути. Первым встречным на пути возвращавшихся домой победителей оказалась дочь Иеффая. Узнав об обете своего отца, она сама настояла на его исполнении. Варлаам Ясинский обращал внимание гетмана, что Иеффай «погамовался <...> от жалю, кды видел дщер свою ведлуг воле Господней умирающую на жертве и тым ся самым в печали тешил, же так Богови подобалося». Обращаясь к гетману от имени всей братии Киево-Печерской лавры, архимандрит признавал, что они не могут исцелить гетманское горе, но рады облегчить его. «Жал, з другим поделенный, легший стається», — напоминал Варлаам известную пословицу. «Того ж жалю велможности вашей истинно естехмы причастны, — говорилось в письме, — соболезнаючи, сожалеючи и сосету-ючи, як члонки голове, як челядка господареви, велможности вашей, который естес сей Малой России голова и господар, абы тым нашим

истинным соболезнованием велможности вашей уженный был по милой дочери, ясневелможной боярине, жаль и боль сердечный».

Утешая гетмана в его горе, убеждая его смириться перед волей Господней и умерять свою печаль и уныние, Варлаам Ясинский припоминал Самойловичу слова праведного Иова: «Господь даде, Господь и взят, якоже изволиси Господи, тако и быст». Архимандрит сообщал, что он с братией каждый день молится за душу почившей боярыни, напоминая гетману, что в этом мире ничего не происходит без воли Бога: «...а поневаж Богови, без которого воле и влас главы наша не погибнет, так ся подобало, абы ясневелможная боярыня, а милая дщер велможности вашей з временным пожегналася житием, теды его Святой воле, вся на ползу нашу строящей, що иного речи?» В данной ситуации, считал архимандрит, долг людей лишь отдать последние почести усопшему так, «як потребовала годност цорки гетманской, а малжонки царского пресветлого величества боярыня, ведлуг воле и уподобаня ясневелможной жалосной родителки и велможных рожоных» (т.е. братьев Прасковьи), что и было сделано в стенах лавры. В заключение Варлаам благодарил гетмана за щедрые подношения лавре на помин души умершей дочери, обещая от имени братии монастыря молиться за упокой души Прасковьи¹²¹.

Письмо Ясинского — это и своеобразный панегирик, прославлявший достоинства усопшей Прасковьи и ее отца. Говоря о покойной, архимандрит Киево-Печерского монастыря подчеркивал, что она была не только дочерью гетмана, но и супругой царского боярыня, а это лишний раз должно было подчеркнуть факт возвышения рода Самойловичей вследствие родства с Шереметевыми.

IX

Смерть Прасковьи внесла явный раскол в родственные отношения между гетманским семейством и киевским воеводой из-за приданого покойной, а также из-за разногласий по поводу дальнейшей судьбы только что родившегося сына Шереметева и внука Самойловича. Уже на следующий день после похорон Прасковьи Мазепа и один из ее братьев явились к овдовевшему Шереметеву, потребовав, чтобы он передал сына на воспитание к гетманскому двору, а также вернул все приданое умершей жены, которое Самойлович обещал не только сохранить, но и удвоить к моменту совершеннолетия внука Василия.

П. Гордон писал, что между Шереметевым и его собеседниками произошла «размолвка». Боярин заявил им, что не отпустит сына в Батурин без царского указа и разрешения своего отца, П.В. Большого Шереметева. Воевода отказался отдать имущество Прасковьи, предложив взамен составить «инвентарь» всем вещам умершей в двух экземплярах. Обе стороны должны были подписать свой экземпляр и обменяться ими «для большей верности». Поняв, что ничего более не добьются, Мазепа и брат Прасковьи «казались довольны и этим».

31 марта И.С. Мазепа, гетманские сыновья, генеральный бунчужный К.И. Голуб вновь пришли к Ф.П. Шереметеву в сопровождении киевского полковника Г.К. Коровки-Вольского, Максима Васильковского, крупного малороссийского откупщика и войскового экзактора (лицо, ведавшее сбором доходов войскового скарба, т.е. казны), которому Самойлович особенно доверял¹²², а также киевского войта и бурмистров. Состоялась перепись имущества боярыни Шереметевой. По свидетельству Гордона, были описаны 2 пуда и 9 фунтов серебра, в т.ч. с позолотой, множество богатой одежды ценой около 1600 руб., жемчугов, колец и других драгоценностей на тысячу рублей. При этом Мазепа и его спутники хотели опечатать все имущество, но Шереметев не позволил этого, что вызвало недовольство представителей Самойловича. Уходя, они все же выразили согласие встретиться еще раз, чтобы обменяться подписанными инвентарями, но предусмотренный обмен не состоялся, поскольку этому воспротивились гетманские сыновья.

Ф.П. Шереметев попытался объяснить с тестем, выслав ему 2 апреля письмо с извинениями за произошедшую размолвку и описанием причин, по которым он не мог возвратить вещи умершей жены и отдать на воспитание в Батурин сына¹²³.

Стало очевидным, что проблемы раздела имущества Прасковьи и воспитания Василия, потомка древнего боярского и свежееиспеченного гетманского рода, требовали политического решения Москвы. И оно не замедлило последовать в ответ на просьбы и Шереметевых, и Самойловича.

18 апреля 1685 г. в Москве получили грамоту последнего с печальным сообщением, что дочь его «боярыня Прасковья Ивановна преселилас с сего света во оный век». Гетман просил, чтобы «великие государи изволили о осиротелом внуке ево премилосердное свое государское имети призрение, и о остальных вещах, и о московском дворе, и о подмосковной вотчине (Новоселках. — К.К.) милостивое и правед-

ное сотворити рассмотрение, дабы он, подданной их, в скорби сердца своею с премилосердые их, великих государей, милости имел отраду».

В итоге царский указ повелевал гетманскому внуку Василию Федоровичу, «по челобитью» боярина П.В. Большого Шереметева, его сына Федора и их «сродников», жить «на Москве». При этом «которые клейноты и иные пожитки, что он, подданной их, великих государей, дал за дочь свою, также укупил двор и вотчину» супругам Шереметевым «своими ж пожитками» — все это указано было передать во владение Самойловича «до вырослых лет» Василия. Объявить царский указ Ф.П. Шереметеву и принять у него движимое имущество, полученное в приданое умершей Прасковей, было приказано севскому стольнику и воеводе Семену Протасьевичу Неплюеву, который 17 мая 1685 г. получил об этом царскую грамоту из Малороссийского приказа. Соответствующие грамоты гетману и киевскому воеводе были подготовлены 27 апреля.

Все вещи Неплюев должен был вручить в Киеве посланцам гетмана «с роспискою», с киевского воеводы взять копию перечня отданных вещей «за ево рукою», оставив ему оригинал «для спору»¹²⁴. Московский двор и Новоселки должны были принять присланные Самойловичем в русскую столицу люди. Однако село Борки, которое было пожаловано царями Ф.П. Шереметеву и его жене, решено было оставить за овдовевшим киевским воеводой и его малолетним сыном¹²⁵. 15 мая Шереметев получил царскую грамоту с информацией о принятых решениях¹²⁶.

Известно, что после свержения гетмана Самойловича в 1687 г. среди его имущества значились «московский двор» и «подмосковная вотчина»¹²⁷. Дальнейшая судьба двора остается неясной, а вот неназванная вотчина, которая могла быть не чем иным, как Новоселками, была возвращена Ф.П. Шереметеву¹²⁸.

Поездка С.П. Неплюева в Киев для урегулирования в соответствии с царским указом имущественных дел Самойловича и Шереметева и его переговоры с гетманом изложены в сохранившемся статейном списке. Он двинулся в путь из Севска, получив там грамоту своего родственника — Л.Р. Неплюева, которого в тот момент в городе не было. Леонтий Романович предписывал товарищу ехать в Киев, не дожидаясь его возвращения, поскольку 15 марта с.г. «при отъезде ево околничего и воеводы из Батурина гетман Иван Самойлович с ним, околничим, и воеводою говорил, чтоб на Киевскую митрополию быть обрану архиерею на срок в день Спасителя Вознесения» (29 мая 1685 г.). Связь выборов киевского митрополита с немедленным выездом С.П. Неплюева пояснялась

далее. Последнему предписывалось не только объявить гетману «о взятъе и об отдаче приданого», потребовать от него его роспись и посылку «от себя <...> кого пристойно» для принятия вещей и денег, но и поговорить «издалека» по поводу даты выборов митрополита («на прежнее ли уреченное время обрание архиерею будет неотложно или то обрание отложено до иного времени»). Л.Р. Неплюеву необходимо было знать это, поскольку ему, в свою очередь, было приказано «видетца» с Самойловичем «и о обрании митрополита говорит и в каком ему поведении и послушании у святейшего патриарха московского быть, тому б положить крепость, да о том к великим государем писат прежде елекции». Обсудив данный вопрос, С.П. Неплюев должен был выслать соответствующую «записку» в Севск к Л.Р. Неплюеву¹²⁹.

18 мая С.П. Неплюев выехал из Севска и через два дня прибыл в Батурин, где объявил гетману царский указ. Самойлович официально поблагодарил царей, а также Софью за разрешение получить приданое покойной дочери обратно («бил челом и кланялся до земли», — отмечено в статейном списке). Он предложил Неплюеву ехать далее «не спешно», поскольку роспись предназначенных к отдаче вещей была еще не готова. Гетман говорил, что 21 мая он выедет в Глухов «и в дороге, в Кролевце или в Глухове, написав приданому роспись, с пристойным от себя к нему, столнику, и воеводе пришлет вскоре»¹³⁰.

В Глухов согласно объяснениям Самойловича он спешил на встречу с женой, которая вместе с братом, генеральным бунчужным Константином Голубом, ездила проведать старшего сына Семена, который был «зело болен». Однако ныне, как сообщал гетман царскому стольнику, «Семеону от болезни мало полегче есть бутто для того, что на голове объявился колтун»¹³¹.

Гетман напомнил Неплюеву, что за дочерью он «приданое дал денгами и платьем многое и иными разными пожитками <...> ево, боярина, нагрожал безсметно, да ево ж, боярина Федора Петровича, и жену ево для ево, гетмана, малороссийская старшина и жены их сверх тех ево гетманских наград во время женитбы и после супружества дарили многими узорочными вещами». Теперь Самойлович требовал назад приданое дочери и сделанные ей подарки от генеральной старшины, не претендуя на то, что было подарено самому Шереметеву. Оправдываясь, гетман говорил, что «он, гетман, все у него, боярина Федора Петровича, емлет не для себя, для того, чтобы то все было в соблюдении до возрасту внука ево, и желает того, чтобы боярина

Федора Петровича сын, а ево гетманской внук пребывал в добром здоровье. А когда будет приспеват возраст, то бы он, гетман, о нем, своем внуке, имел дивное старание, а есть ли Господь Бог внуку ево благоволит, чего он, гетман, не желает, преселиться в нескончаемое и то все приданое роздано будет на поминование по святым церквам и убогим, как о том во христианстве обыкновение». Кроме того, Самойлович отметил, что «платья, манисты, персни, рубашки, наметки» его умершей Прасковьи должны быть отданы ее сестре, Анастасии, «которая ныне в девицах». Впрочем, московский двор и Новоселки Самойлович был готов уступить Ф.П. Шереметеву, если он выплатит ему стоимость этого имущества деньгами в размере 20 тысяч рублей. При этом Шереметев «тем бы всем владел свободно, а денги запечатали б он, гетман, и боярин своими печатми обще и поставили б в соблюдение, где великие государи укажут до возрасту внука ево»¹³².

Выслушав эти предложения гетмана, С.П. Неплюев отказался их обсуждать, сославшись на то, что царским указом ему об этих вопросах «розговоров чинить не велено», а предписано лишь обеспечить возврат приданого. В ответ Самойлович выразил сомнение, что передача средств и имущества вообще состоится, поскольку «боярин Федор Петрович многово отдавать не будет и он, гетман, и все-го приданого не примет (т.е. откажется принять, если будет недоставать чего-либо. — К.К.)». Правитель Малороссии выразил готовность вновь «бить челом великим государям, что б ему отдано было все»¹³³.

Это встревожило С.П. Неплюева, который, по всей видимости, имел инструкции не допустить выдвижения новых претензий в адрес царского двора по поводу имущественного спора с Ф.П. Шереметевым. Поэтому стольник предложил Самойловичу (ссылаясь на информацию, полученную от Л.Р. Неплюева) организовать встречу с Ф.П. Шереметевым и севским воеводой в Батурине «или где пристойно» для обсуждения возникших разногласий, «чтоб впред к великим государям от него, гетмана, на боярина Федора Петровича докучного челобитья не было».

Однако Самойлович отклонил данное предложение, сказав, что «ему то не удобно». Он хотел, чтобы сначала состоялась передача приданого, после чего выражал готовность встретиться с зятем для разговора «о остальном и чего на лицо не будет» без официальных посредников¹³⁴. На этом переговоры гетмана и царского посланника о судьбе приданого и подарков покойной дочери закончились, однако Самойловича они явно не удовлетворили.

Поэтому в тот же день гетман прислал на постоянный двор к С.П. Неплюеву своих доверенных лиц — генерального есаула И.С. Мазепу и старшего канцеляриста В.Л. Кочубея. Прибывшие расспрашивали стольника: «В царствующем граде Москве государственные указы после умерших как имеют повеление?» Сами Кочубей и Мазепа апеллировали к польским и другим иностранным правовым нормам: «А правы-де всех государств и полския голоса так, после умершего мужеска полу вотчины, денги, серебро — братьям родным, а женска полу приданое и всякие женские околичныя уборы и платья отдаются сестрам». На этом основании Мазепа и Кочубей утверждали, что все соответствующее имущество должно быть передано Анастасии Самойлович и гетман отказывается давать расписку в этом, «потому что то будет сестре ее (Прасковьи. — К.К.) носить, а до возраста внука платья и мехи впрок не на малыя лета класть невозможно, в те годы все то изъядят молие». Посланцы просили Неплюева заявить Ф.П. Шереметеву, что вообще-то ему с гетманом «соритца и за приданое стоят непристойно», поскольку именно благодаря службе Самойловича его зять «пожалован честью да вотчиною селом Борками».

Однако С.П. Неплюев не только вновь отговорился не имением полномочий на ведение каких-либо переговоров по вопросу имущества Прасковьи или прав наследования в Московской Руси, но и отказался передавать озвученные предложения украинской стороны Ф.П. Шереметеву, настаивая, чтобы гетман «приказал <...> о том о всем говорит мимо ево стольника и воеводы своему посланному, хто от него для приему приданого прислан будет». Он вновь акцентировал внимание на требовании царского правительства выдать Ф.П. Шереметеву расписку в приеме всех возвращаемых вещей и средств, и «что кому праведно належит, и то надлежащее и за роспискою пристойно (в тексте «пристойному». — К.К.) имети у себя без подозрения свободно»¹³⁵.

Трудно сказать, на каких конкретно юридических установлениях «всех государств» основывались представители украинской стороны, выдвигая имущественные претензии в адрес Ф.П. Шереметева. Согласно бытовавшим на Украине положениям Третьего Литовского статута приданое жены в случае ее кончины доставалось детям и возвращалось в дом отца только в случае их отсутствия или смерти (раздел 5, артикул 2). Сходные нормы о возврате приданого в род отца существовали и в законодательстве Московской Руси. Гетман был готов их соблюсти лишь частично и со значительными оговорками. Что же

касалось совместной собственности супругов, к которой формально принадлежали московский двор и Новоселки, то с юридической точки зрения претендовать на них И. Самойлович также не мог¹³⁶. Не совсем верно утверждение А.С. Алмазова, что решение по поводу имущества умершей Прасковьи было принято русским правительством «согласно семейному праву того времени»¹³⁷.

По поводу избрания киевского митрополита Самойлович заверил царского посланца, что имеет «неусыпное попечение, чтобы то богоугодное дело вскоре учинит в докончании, толко-де на малое время обрание отложено за ево, гетманскими, скорби», т.е. из-за смерти дочери Прасковьи и болезни сына Семена. Самойлович заверил, что будет совещаться по этому поводу «пространно» с Л.Р. Неплюевым, с которым он выражал готовность съехаться в Глухове или «от Севска в ближних местех»¹³⁸.

22 мая С.П. Неплюев двинулся в путь, при этом «дорогою ехал медленно», ожидая обещанных Самойловичем представителей с росписью, но напрасно. 2 июня севский воевода прибыл в Киев, где объявил царский указ Ф.П. Шереметеву¹³⁹. Для последнего утрата статуса гетманского зятя означала и отзыв из Киева. 3 июня он, накануне скорого отъезда из города, посетил в товариществе Гордона и других офицеров гарнизона Печерский монастырь, где выслушал богослужение и побывал у могилы супруги¹⁴⁰.

Только на следующий день в Киев прибыли присланные гетманом И.С. Мазепа, К.И. Голуб и В.Л. Кочубей. Вечером того же дня они вместе с Шереметевым и другими чинами воеводской администрации и офицерами отобедали у П. Гордона¹⁴¹.

5 июня, по свидетельству шотландца¹⁴², посланцы «клеютотам и иным пожиткам, что гетман Иван Самойлович дал за дочерью своею, объявили роспись»¹⁴³. Гордон утверждает, что в «обширном реестре» были перечислены даже деньги, что «даровались и посылались» супругам Шереметевым в разное время, «было сочтено даже то, что поступало для раздачи среди бедноты». Общая сумма составляла 7714 руб., в т.ч. и 2500 руб., что были даны для покупки двора в Москве. Кроме того, перечислялись все подарки, поднесенные Федору и Прасковье в день свадьбы и позднее. О вручении многих из них, по свидетельству шотландца, боярин даже «не мог припомнить»¹⁴⁴.

6 июня при С.П. Неплюеве состоялась и передача имущества (П. Гордон свидетельствует, что она длилась два дня — 5 и 6 июня¹⁴⁵). Части вещей, значившихся в росписи гетмана, у Ф.П. Шереметева «не объяви-

лось». Перечень их был наравне с копией росписи возвращенного вручен Мазепой и Голубом севскому воеводе. Кроме того, киевскому воеводе вручили и список того, что ему и супруге «дали в подарках полковники и старшина», требуя возвращения их гетману¹⁴⁶. Это мотивировалось тем, что подарки подносились не ради почтения к Ф.П. Шереметеву, а в связи с тем, что «ковжрый себе на ласку гетманскую зароблял, а не о якую иншую побочную стараючис ласку»¹⁴⁷. «Оригинальная черта тогдашних нравов!» — иронизировал по этому поводу Н.И. Костомаров¹⁴⁸. Нравы казацкой старшины, здесь, впрочем, ни при чем. Все возвращенные подарки должны были поступить «в дом» гетмана, который, как отмечалось выше, и был инициатором данного требования к зятю. Все три росписи публикуются в приложении (см. документ № 4).

Подписав перечень возвращенных вещей, Мазепа и Голуб тем не менее письменно отметили, что они отказываются брать на себя ответственность («жадною мерою не квити́ем») за окончательный прием имущества, оставляя это на волю Самойловича¹⁴⁹. Очевидно, это было вызвано боязнью недовольства со стороны гетмана лишь частичным удовлетворением его претензий по возврату имущества умершей дочери.

По свидетельству Гордона, Шереметев отдал посуду весом около 100 фунтов, жемчуг, кольца и другие драгоценности стоимостью 760 руб., одежду и меха на 1000 руб., белье и другие вещи, полученные супругами в подарок от гетмана. Однако подарки старшины и полковников Шереметев возвратить отказался (сделать это «было бы неразумно», — отмечает Гордон), так же как и деньги в сумме 5214 руб., которые, по словам боярина, были истрачены. Передача имущества завершилась совместным обедом у Ф.П. Шереметева, который, будучи явно не в лучшем расположении духа, повздорил из-за чего-то со своим товарищем на воеводстве — окольничим князем В.Ф. Жирово-Засекиным¹⁵⁰.

Очевидно, что Ф.П. Шереметев был недоволен унижительной процедурой передачи вещей умершей жены, восприняв ее как оскорбление. Об этом свидетельствует и то, что щепетильный боярин уже позднее отправил тестю нашедшийся у него алмаз, который ранее выпал из перстня, а также полученное покойной женой жалованье царицы Прасковьи¹⁵¹.

7 июня Ф.П. Шереметев сдал воеводские дела Жирово-Засекину, заодно и помирившись с ним, простился с сослуживцами и после обеда и краткого молебна выехал из города, взяв с собой и сына Василия. Товарищи проводили его за Черторый. 9 июня Гордон узнал, что маленький Василий заболел в Броварах, перенес два конвульсивных приступа. Вско-

ре он оправился, и отец двинулся с ним в Батурин¹⁵², где гетман, видимо, хотел повидаться с внуком, перед тем как он надолго покинет Украину.

Между тем киевскими переговорами Ф.П. Шереметева и представителей гетмана дележ имущества покойной боярыни не окончился. В соответствии с ранее достигнутыми договоренностями в конце июня из Батурина в Москву выехал посланник Самойловича — глуховский атаман Алексей Туранский. Согласно врученной ему «памяти» он должен был потребовать «через предстательство» В.В. Голицына и думного дьяка Е.И. Украинцева царского указа на осмотр вместе с русским представителем «целости» московского двора и деревни Новоселки, купленных «за собинные гетманские денги», чтобы, «осмотрев положения и окрестности, описать для дачи подлинной ведомости» Самойловичу. Кроме того, гетман просил «тот двор и деревня Новоселки совершенно ограничить и как ведетца в книги приказу Поместного записать», дав ему «выпись <...> с таким докладом», что все это приобретено за его средства. А. Туранский также должен был забрать у Ф.П. Шереметева некий сундук «со многими вещми», описав его содержимое¹⁵³.

9 июля глуховский атаман подал «память» в приказ¹⁵⁴, а 14 июля дьяк Посольского приказа Прокофий Богданович Возницын поехал вместе с Туранским «досматривать» сундук и переписывать его содержимое. Вещей там оказалось немного, в основном скатерти и полотно. Московский двор Ф.П. Шереметева и его жены был описан, а сундук запечатан печатью Алексея Туранского¹⁵⁵. Наконец 19 июля в Москву прибыл гетманский гонец Александр Лисов, который привез роспись возвращенного гетману имущества¹⁵⁶.

О межевании и описи Новоселок известно из материалов Поместного приказа. 19 июля 1685 г. была послана царская грамота к писцам князю Григорию Шаховскому и подьячему Ивану Титову с указаниями «ехать тотчас» в село Новоселки, «оставя воловое писмо, и тое вотчину от помесных и вотчинных земель, с которыми та вотчина смежна по выписи с писцовых и с межевых книг и з дачь и по крепостям отмежевать и в книги писма своего и меры и межеванья написать и с тех книг дать выпись, а учиня то все, против указу для писцового и межевого дела ехать по-прежнему»¹⁵⁷.

Шаховской и Титов отмежевали Новоселки от соседских владений, среди которых были земли патриарха Иоакима, стольника Андрея Канбулатовича Черкасского, Троице-Сергиева и Спасо-Ефимьева монастырей и др. и «всякие признаки учинили и в книги писма своего и межеванья

написали». При межевании присутствовал и А. Туранский, направленный туда вместе с подъячим Малороссийского приказа Семеном Васильковым. Туранский ревностно отстаивал интересы гетмана, так же как и некогда К. Дорофеев делал это в отношении земель гетманского зятя. В частности, глуховский атаман заявил решительный протест против границы владений его патрона с вотчиной думного дворянина Никиты Ивановича Акинфова, влиятельного придворного, сторонника Нарышкиных, связанного родственными узами со многими московскими родами, в прошлом — дворецкого царицы Агафьи, супруги царя Федора¹⁵⁸.

Акинфов некогда освоил смежные с Новоселками пустоши, основав там село Сергиевка. Он выхлопотал на примеренные земли соответствующие крепости, но отмежеваны они не были. В результате возникших разногласий дело межевания застопорилось, о чем писцы 31 июля сообщили в Москву. В свою очередь, Васильков добавлял, что «розмежевать тое спорную землю без меры невозможно, потому что те земли преж сего были не розмежеваны и писец хочет тое спорную землю мерять по дачам и в том межеванье чинитца замедление».

А. Туранский самолично вернулся в столицу и, опираясь на свидетельства крестьян-старожилов А.К. Черкасского, требовал восстановления «старой» границы, жаловался, что Н.И. Акинфов «земел розводить <...> не дает, и указывает свое новые межи, как ему надобно, и отводит гетманскую многую землю себе в угоде». Расспросив местных жителей, Туранский посчитал, что «дача» Акинфова «учинилас из дачь» продавшего свою землю Ф.П. Шереметеву дворянина Б.М. Перхурова «недавне», которому против думного дворянина «стоят было не в мочь».

2 августа из столицы было велено «о той спорной земле розыскать накрепко и, досмотря и учиня той земле чертеж, с подлинною очисткою прислать к Москве незамотчав». Писцы исследовали спорные земли (82,5 десятины), составили требуемый чертеж и допросили более полутора сотни человек окрестных жителей. Часть из них признали границу, указываемую людьми Акинфова, хотя и не помнили, чтобы земли когда-либо межевались, а также подтвердили достаточно давнее (до «морového поветрия») владение думным дворянином спорными землями. Однако крестьяне Черкасского заявили, что спорные земли — «прямое старинное владение» предыдущих хозяев Новоселок.

Земли эти действительно не межевались ранее, о чем говорилось в подготовленной по делу в приказе выписке: «...по писцовым и по межевым книгам Московского уезду промеж того села Новоселок и села

Сергеева с пустошми меж и граней не написано». Сам думный дворянин обвинял жителей Новоселок в захвате его земель, а крестьян Черкасского — в сговоре с ними по корыстным мотивам. В итоге дело зашло в тупик. Прислав требуемые документы в Москву к 7 августа, Шаховской и Титов сетовали, что «на той спорной земле стоим без дела и писцовому делу учинилас остановка»¹⁵⁹.

Для межевания Новоселок правительству в угоду Самойловичу пришлось отвлечь писцов, занимавшихся валовым описанием земель, которое проводилось правительством царевны Софьи и В.В. Голицына в 1685—1686 гг. по многочисленным требованиям мелких и средних землевладельцев¹⁶⁰. Своими просьбами об отмежевании вотчины гетман в очередной раз демонстрировал, сколь важным для него является факт обладания великороссийскими земельными владениями. Понимая это и желая избежать гетманского гнева за нерадение о его собственности, Туранский активно добивался решения спора с Акинфовым в пользу Самойловича. О результатах его, мы, к сожалению, не знаем, поскольку в составе столбца соответствующие документы не сохранились. Составленный писцами чертеж московской вотчины гетмана Самойловича с обозначением спорного участка публикуется на цветной вклейке.

Х

Смерть Прасковьи, как уже говорилось, не была единственной утратой, постигшей семью гетмана в 1685 г. Чуть позже скончался и его старший сын — полковник стародубский Семен. «По першой моей тяжкой печали, — писал гетман в Москву, — якая з преставления наймилшой дщери моей боярине Параскевии Ивановны еще не утолилася, постигла мене з судеб Божих другая тяжкая ж печал, и к болезни моей неуличоная приложила рана, же любимый первородный сын мой, Семион Иванович, полковник стародубовский, надежда старости моя, скончил живот свой, в котором угас светилник утехи моее».

Смерть Семена совпала с приездом к гетману Л.Р. Неплюева для обсуждения разных дел, и главным образом выборов киевского митрополита. В результате севский воевода «замешкал» в Батурине «немалое время»¹⁶¹.

5 июня ехавшего из Севска в Батурин Неплюева встретил генеральный есаул Михаил Миклашевский и глуховский сотник Василий Елоцкий с глуховскими казаками. Через два дня окольного, подъ-

ехавшего к Батурину, приветствовали за две версты до города стольник и полковник Борис Щербачев и генеральный писарь Савва Прокопов вместе с гетманскими «дворянами» и батуринскими казаками во главе с местным сотником Еремой Андреевым. На дворе у последнего и остановился Неплюев. Встреча с Самойловичем была назначена на утро 8 июня. Однако в назначенное время к окольному прибыли Щербачев и Кочубей с печальной новостью о кончине гетманского сына Семена. Весть была получена от находившегося при умирающем гетманского племянника и гадячского полковника М.В. Самойловича. Смерть застала Семена в селе Гремячем Стародубского уезда.

Кочубей и Щербачев сообщили Неплюеву, что «гетман и весь ево дом толикия ради скорби в плаче горком и в рыдании, якобы и своего живота отчаяся, пребывают». Они сообщили окольному о колебаниях Самойловича. Стоит ли им встречаться в такой день? Однако Неплюев, советуя, чтобы гетман «в той своей немалой скорби имел великодушное терпение и полагал все упование свое на Бога», рассудил, что «сего числа ему, гетману, видетца и их, великих государей и великой государыни-царевны, милость, которую он, околничей и воевода, объявит ему, гетману, принять пристойно, понеже милость великих государей во скорбех целение изящное».

Спустя некоторое время Неплюев торжественно выехал в «замок» («верхней батуринской город»), где находилась резиденция гетмана. Перед царским посланцем везли и вели государево жалование: две медные пушки «на станках и на колесах с шоры и с уздами», предназначенные «для походов войсковых», и белого «морского» медведя. Самойлович встречал гостя вместе с генеральной старшиной «на крыльце блиско кореты». После церемоний вопрошения о здравии, вручения грамоты, объявления жалованья гетман остался с Неплюевым наедине. По понятным причинам Самойлович заявил окольному, что «о делех великих государей говорить он с ним <...> будет иным временем». Затем состоялась трапеза с участием Неплюева, Щербачева, гетмана и генеральной старшины, в ходе которой присутствующие «пили кубки» за здоровье царей и Софьи под залп из 33 пушек и звучание «воинской музыки»¹⁶².

12 июня, на следующий день после обсуждения государевых дел, Самойлович заявил Неплюеву, что «сын-де Семеон, отходя сего света, приказывал себя погребсти в Киеве и того преставльшего ево сына тело велел он вести в Киев рекою Десною». В связи с этим гетман на-

меревался «отдати преставльшему сыну своему последнее целование за Батурином тритцать верст в Сосницком монастыре над рекою Десною в урочище Макушине». Он просил Неплюева, чтобы тот его «в толикой безмерной печали не оставил и с ним ехал в Макушин монастырь и сыну ево последнее целование отдали обще»¹⁶³.

Неплюев не смог отказать «и в тот путь с ним, гетманом, ехать обещался». 17 июня они выехали из Батурина, прибыв на следующий день в монастырь к обедне¹⁶⁴. Состоявшаяся траурная церемония подробно описана в статейном списке окольничего¹⁶⁵.

Гетман отмечал, что объявленная окольничим царская милость «двинула мене з плача глубокого и воздыханья моего». Неплюев утешил гетмана «увещавательными словесами своими» и, как свидетельствовал сам Самойлович, «в той <...> горкия печали вспомогл мене много, предлагаючи мне ко исцелению болезненныя раны мояя полезныя предложения»¹⁶⁶.

Утвердившаяся в литературе дата смерти Семена Самойловича — 19 мая 1685 г. — ошибочна. Она впервые появилась в работе Н. И. Костомарова, который использовал опубликованное письмо переяславского полковника Леонтия Полуботка своему куму В. Л. Кочубею, согласно которому день смерти гетманского сына пришелся «на день понеделковый троичный»¹⁶⁷. Историк почему-то посчитал, что это было 19 мая¹⁶⁸, хотя праздник Святой Троицы пришелся в 1685 г. на воскресенье 7 июня ст. ст.

Впрочем, «печальную весть», а также точное время и место смерти сообщил в Москву, и на этот раз без задержки, начальник батуринского гарнизона Б. Щербачев. Семен Самойлович умер 7 июня «в четвертом часу дни»¹⁶⁹. Известия эти получили в русской столице 13 июня и уже через три дня (судя по датировке грамот, которая, как правило, совпадала с днем выезда посланца) с официальными соболезнованиями в Батурин отправился стольник Андрей Петрович Протасьев. В царской грамоте Самойловичу заявлялось, что оба государя и царевна Софья «имели сетование» из-за смерти Семена, памятуя о том, что гетман «по дщери своей, боярыни Парасковьи Ивановны, не в давнем еще времени имел немалую печаль».

«И увещеваем тебя, подданного нашего, — говорилось в царском послании, — нашу государскую милостию, и то дело тебе, подданному нашему, рассуждаем, что живот и смерть в воле всемогущаго Бога и должно то причитать к судбам его праведным и утешатис с оставшими, дабы той же всемогущей Бог укрепил свою праведную десни-

цею во всяком благополучии тебя, подданного нашего, и супругу твою, и оставшихся». В знак царского внимания Протасьев должен был спросить гетмана «о здоровье <...> со обнадеживанием нашею государскою милостию в той твоей настоящей печали». Гетман завялся, что декларируемая русским правительством «царская милость» и в будущем «отъемлема» от него «никогда не будет»¹⁷⁰.

Обширное послание направил гетману по случаю смерти сына В.В. Голицын. Оно также сохранилось в черновике, который редактировался, чтобы придать тексту большую схожесть с официальной царской грамотой¹⁷¹. О письме кратко упоминал Н.И. Костомаров¹⁷². Русский канцлер писал Самойловичу, что, «услыша» его «печаль» и узнав о «тяшском <...> сетовании <...> по любезном своем чаде», он «зело было опечалился». В.В. Голицын, утешая гетмана, показал себя как знаток Священного писания, процитировав «царствующаго пророка (Давида. — *К.К.*) глагол: “Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти”» (Пс. 88:49). Однако посольских дел оберегатель неплохо знал и канонические книги Ветхого Завета, в частности учительную книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова, которая почиталась среди христиан как кладезь мудрости, часто цитировалась Отцами Церкви. «Зело было опечалился донеле же с любви моею к тебе, приятелю моему и любезнейшему брату, — писал Голицын гетману, — от очию моею слезы испустих <...> имея в памяти и возбуждающаго к тому мудреца: “Над мертвым плачися, исчезе бо свет его” (Сир. 22:9. — *К.К.*) и паки и того же “О смерти, яко горка ти есть память” (Сир. 41:1. — *К.К.*)». Под конец послания оберегатель желал Самойловичу «с оставшимися чады во здравие и во всяком благополучии пребыти многа лета»¹⁷³.

Сохранился ответ гетмана на царские соболезнования, привезенный в Москву А.П. Протасьевым 11 июля 1685 г. Самойлович писал, что государским «потешительным» словом «аки медоточными струями уладил горко текущая слезы» свои¹⁷⁴.

Не только в украинских храмах молились за упокой душ гетманской дочери и сына. Архимандрит монастыря Св. Павла на Афоне Исайя сообщал гетману, что, услышав о смерти «славные памяти» его детей, «все есмы о такой жалости возскорбели и от всего сердца и души жалели, а наипаче мы, сироты, которые многую благость и милосердие от твоей десницы восприяли, также и от блаженные памяти милого сына твоего, господина Симеона». «Всецелый Христос, владыка до сочетает святую душу его со святыми своими угодники», — писал архимандрит. Монахи

начали читать сорокоуст на целый год, а по просьбе гетмана внесли в синодик своего монастыря имени Прасковьи и Семена. «И дондеже Святая обитель наша и мы, грешники, живы есмы, — заверял Исайя своего высокого покровителя, — не забудем Господа Бога молити до конца живота моего за весь твой благородный дом и за твое великое благодеяние, что нам, грешным старцам, объявляешь высокую свою милость»¹⁷⁵. Столь выраженная забота греческих монахов о душах умерших детей Самойловича и об утешении его самого недвусмысленно свидетельствовала, что гетман был видным жертвователем в афонских монастырях.

XI

Как известно, после свержения Самойловича имущество гетмана и его сыновей Якова и Григория было конфисковано. По решению русского правительства половина его должна была быть передана в царскую казну, половина — поступить в войсковой скарб Запорожского Войска. Для описи и раздела, состоявшегося в конце октября — начале ноября 1687 г., в Батурин прибыли стольник С.П. Неплюев и дьяк Михаил Жаденов. С гетманской стороны были делегированы генеральные судьи Савва Прокопов и Михаил Вуяхевич вместе с другими представителями казацкой старшины¹⁷⁶.

Среди имущества свергнутого гетмана обнаружилась и часть вещей покойной Прасковьи, возвращенная тестю Ф.П. Шереметевым в 1685 г.: «скрыня большая, покладена серебряных судов золоченых», два сундука с «платьем женским русским», «шкатулка кгданская железная» с драгоценностями¹⁷⁷. С. Прокопов и М. Вуяхевич сообщили русским представителям о происхождении имущества, заявив, что по распоряжению И.С. Мазепы его «делить и принимать не велено». В итоге вещи были отданы на сохранение генеральным судьям до царского указа¹⁷⁸.

Шереметевы, несмотря на то что по столице ходили слухи об их готовности ходатайствовать за Самойловича у царских властей¹⁷⁹, вряд ли сочувствовали свергнутому гетману. Более того, они попытались получить назад имущество, отобранное у них два года назад. Ф.П. Шереметев подал на имя царей и царевны челобитную, заявляя, что в 1685 г. приехавшие в Киев вместе с С.П. Неплюевым гетманские уполномоченные забрали у него не только приданое умершей жены, но и «многое платье и всякой рухляди и домашнево заводу и судов серебряных и медных и оловянных», которые принадлежали ему

самому. По словам бывшего киевского воеводы, он в тот момент «лежал при смерти без памяти» и потому «в своих им животах ни в чем не спорил». Челобитчик напоминал, что у него остался «сынишко, а ево, бывшего гетмана, внук». В связи с этим он просил царских особ «умилосердиться» над его «сырым и над беззаступным сынишком», повелев вернуть ему женино приданое и его вещи¹⁸⁰.

Составленная в приказе Малой России выписка о возврате приданого в 1685 г. была рассмотрена на заседании правительства 15 октября 1687 г. Думный дьяк Емельян Украинцев записал царское решение: приданое боярыни Прасковьи, отданное «на збережение отцу ее, бывшему гетману Ивану Самойлову, по росписи до взрослых лет» Василия Шереметева, «все по той росписи» вернуть боярину Ф.П. Шереметеву¹⁸¹. В связи с этим в Малороссийском приказе был поднят реестр вещей, полученных гетманом от зятя и присланный в Москву в июле 1685 г. Содержание его опубликовано А. Востоковым¹⁸². Данный реестр, несомненно, вторичен по сравнению с публикуемым в приложении документом (№ 4). Он не включает преамбулы, перечня вещей, которые были отданы Ф.П. Шереметевым уже после раздела (высланы из Севска), того, что не было возвращено вообще, а также роспись подарков молодоженам казацкой старшины. Более того, при переложении описания некоторых вещей выпали, смысл некоторых фраз был искажен, наконец, ряд мелких неточностей допустил и сам публикатор.

В соответствии с решениями правительства соответствующие грамоты были посланы гетману И.С. Мазепе, а также С.П. Неплюеву и М. Жаденову. Из чернового отпуска грамоты к гетману видно, что при подготовке белого варианта из него были исключены все упоминания об участии Мазепы в возвращении приданого два года назад. Напоминать об этом новому гетману в Москве посчитали неуместным. Мазепе было велено вернуть приданое покойной боярыни в соответствии с посылавшейся к нему росписью и писать к великим государям, «что отдано будет»¹⁸³. Аналогично и Неплюеву с Жаденовым предписывалось передать требуемые вещи посланцу Шереметевых, прислав отчет в приказ¹⁸⁴.

XII

После отставки с поста киевского воеводы Ф.П. Шереметев не отметился какими-либо особенными достижениями на государственной службе, в отличие, например, от своего старшего брата Бориса. По смер-

ти Прасковьи он вскоре женился вторично — на Настасье Петровне, в девичестве княжне Урусовой¹⁸⁵. В.Л. Модзалевский сообщает, что похоронили бывшего гетманского зятя в Киево-Печерской лавре¹⁸⁶, там же, где покоилась его первая супруга. Сын его и гетманский внук Василий Федорович также не вписал каких-то заметных страниц в историю рода Шереметевых. Будучи женат на Пелагее Борисовне, урожденной княжне Львовой, он, по-видимому, не отличался, подобно своей матери, завидным здоровьем и умер еще не старым человеком 14 июня 1718 г. Детей у гетманского внука не было¹⁸⁷.

Как уже отмечалось, связи рода Шереметевых с Украиной не ограничивались Федором Петровичем и его сыном. Знаменитый фельдмаршал Петра I граф Б.П. Шереметев провел в Киеве юность и, по мнению некоторых ученых, даже обучался в братской школе киевского Богоявленского монастыря (будущая Киево-Могилянская академия)¹⁸⁸, на протяжении всей жизни сохранив привязанность к «матери городов русских»¹⁸⁹. Фельдмаршал не только неоднократно служил на Украине, оставив о себе там добрую память¹⁹⁰, но и выбрал желанным местом последнего упокоения Киево-Печерскую лавру¹⁹¹, где еще в 1712 г. хотел постричься в монахи¹⁹² и где покоился умерший в 1714 г. его сын Михаил¹⁹³. По мнению П. Бушковица, Шереметев отчасти разделял оппозиционные взгляды казачьей старшины в 1707—1708 гг.¹⁹⁴ В 1711 г., по примеру других царских приближенных, Б.П. Шереметев выпребовал себе во владение от гетмана И.И. Скоропадского три села на Украине¹⁹⁵. Многие годы спустя, в 1758 г., в киевском Флоровском монастыре приняла монашеский постриг дочь Б.П. Шереметева, Наталья (в замужестве Долгорукая)¹⁹⁶.

Б.П. Шереметев завещал племяннику Василию — внуку гетмана Самойловича — «образ Спасителей Римской на сукне, рамы ореховые», а также лошадь со всем снаряжением, его жене Пелагее — образ Казанской Божией Матери, пожалованный ему самим царем Петром I и 500 руб. денег. Брату Федору полководец завещал также образ и лошадь¹⁹⁷. Василию, впрочем, не суждено было получить наследство фельдмаршала. Он умер на год раньше дяди.

* * *

1684—1685 гг. стали, пожалуй, периодом особенного внимания и благоволения русского правительства к семейным и имущественным делам гетмана Ивана Самойловича. Гетману удалось добиться выгод-

ного для его зятя межевания спорных угодий в Рязанском крае и назначения Ф.П. Шереметева киевским воеводой. Сам Самойлович получил от русского правительства вотчины в Великороссии. Причем попытка купить село Тегин, видимо, представляла собой недвусмысленный намек гетмана на желательность такого пожалования.

Казалось бы, рождение у Прасковьи и Федора сына Василия должно было прочно скрепить узы не только между гетманским и боярским домами, но усилить связи между Москвой и Батурином в целом.

Однако трагическое событие — смерть гетманской дочери — не только обнажило хрупкость выстраивавшейся системы взаимоотношений между царским двором и гетманским семейством, но и продемонстрировало заметную разницу «великороссийского» и «малороссийского» взглядов как на характер всей системы личных и имущественных связей гетманской семьи с представителями русской правящей элиты, так и на роль и место в ней каждой из сторон.

Иван Самойлович, сколачивавший свое состояние на Украине в эпоху, когда казацкая старшина активно практиковала захват земель и закрепощение крестьян, пользуясь «правом сильного», с недоумением и обидой должен был воспринимать попытки русского правительства соблюсти законность в отношении земельных дел его самого и Ф.П. Шереметева. Но особенно чувствительным ударом по престижу гетмана стали проволочки в назначении Ф.П. Шереметева киевским воеводой. Безусловно, ошибкой русского правительства была попытка переиграть уже состоявшееся решение о направлении Шереметева в Киев после соответствующих публичных заявлений Самойловича и его торжественного выезда навстречу зятю. В этом нашла свое отражение вся сложность и неоднозначность уже восприятия русской стороной той роли, на которую претендовал сам гетман при царском дворе. Место, которое отводили ему московские царедворцы, не отвечало амбициям Самойловича, а его требования вызывали все большее раздражение русских правящих кругов. Мелочные претензии гетмана в ходе раздела имущества умершей дочери должны были это раздражение только усилить.

Начавшееся взаимное отчуждение между московскими правящими кругами и украинским гетманом проявилось в ходе попыток Самойловича реализовать очередную брачную комбинацию, теперь уже в отношении младшей дочери — Анастасии.

Примечания

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 1. Л. 1. Указ о поездке датирован 15 января. Подробнее о посольстве см.: *Соловьев С.М. Сочинения*. Кн. 7. М., 1991. С. 364—366.

² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 1. Л. 40—46.

³ *Соловьев С.М. Указ. соч.* С. 365—366.

⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 1. Л. 40. См. также: *Соловьев С.М. Указ. соч.* С. 365.

⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 1. Л. 41—42. См. также: *Соловьев С.М. Указ. соч.* С. 365—366.

⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 1. Л. 42—43, 45—46. Самойлович вновь повторял, что он «в маетности бы ево и в Борки послал своих знаемых и верных и велел на весну засеять всякого хлеба и овощу (и) огороды устроил насадить, и то-де ему впред пожиточно». «А я ис того со всем своим домом утешился, — говорил гетман, — так дабы и дочь моя бедная, видя ко мне государскую милость и мою к себе надежность, так бы на меня не плакала». См. также: *Соловьев С.М. Указ. соч.* С. 366.

⁷ *Барсуков А.П. Род Шереметевых*. Кн. 4. СПб., 1884. С. 412—413.

⁸ *Соловьев С.М. Указ. соч.* С. 365.

⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 1. Л. 44—45.

¹⁰ *Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России)*. Воронеж, 1974. С. 86—87.

¹¹ Подробнее о законодательстве, запрещавшем обмен и продажу казацких земель, см.: *Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории*. М., 1990. С. 226—228.

¹² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 1. Л. 45.

¹³ Там же. Л. 12—13.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 13—14.

¹⁶ Там же. Л. 15—16. «Село Борки, хотя изящным и премилосердным монаршеским жалованьем дано есть зятю моему, боярину Федору Петровичу, однако ж несчастливый его принужден есмь назвати, что и много о нем я моим челобитьем пресвятому монаршескому престолу докучил и никакова из него не имею утешения, толко как около его беспрестанно делаютца врождебныя нашествия також и внутри его не престают смятения, яко и ныне я чрез предстательство боярина его милости князя Василя Васильевича Голицына превысокого монаршеского в том рассмотрения покорственно прошу, також дождаюс о тех трудностях извещения изо уст Кирила Дорофеевича, слуги моего, которого чтоб скоро отпустить, прошу».

¹⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 87, 168, 170.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 89—89 об.

²⁰ См. приложение, документ № 4.

²¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 201. Л. 178. Был предусмотрен и другой вариант, «если те земли по дачам и по крепостям крепки сапошковым казакам» и были в свое время даны Языкову «из их казачьих земель и дачь, а не ис порозжих и не из обводных земель». Тогда «теми землями велено владеть им же драгуном и казаком по-прежнему, и межи и грани, буде где попорчено или за древностью не знат, по старожилцовым скаскам справяс, подлинно крепостями поновить». Однако спорная земля, как известно, не принадлежала к уже отмеренным окладным дачам.

²² Челобитные подавались 30 декабря 1683 г. (Там же. Л. 220—221); 5 мая 1684 г. (Там же. Л. 118, датировка на основе: Там же. Л. 167); 25 октября 1685 г. (Там же. Л. 108—108 об.).

²³ Там же. Л. 166, 160. См. также: Там же. Л. 95—96 (оригинальная дьячья помета на докладной выписке), 97.

²⁴ Там же. Л. 163, 171, 181. См. также: Там же. Л. 98—99 (здесь дата указа — 20 июля; за приписью дьяка Семена Протопопова); Л. 100—104 (отпуск царской грамоты Протасьеву и Якушеву, датирована 3 августа, затем дата исправлена на 3 октября, сохранилась преамбула, в т.ч. что дан был указ перемерять и переписать казаков и драгун, а оставшуюся землю измерить и переписать отдельно, и окончание; выпал лист с новыми указаниями).

²⁵ Недатированная память в Иноземский приказ. — Там же. Л. 90.

²⁶ Там же. Л. 163. Аналогичные данные по казакам были запрошены Малороссийским приказом в Стрелецком приказе, но не получены; известна также общая численность драгун, казаков и членов их семей — 1005 чел. См. также: Там же. Л. 98. Однако «по справке» с Иноземским приказом от 26 января 1684 г. в Сапожке проживало верстанных и не верстанных драгун и казаков 361 чел., а детей, братьев и племянников, которые числились в недорослях, — 243 чел., кроме того, «сверх прежних выписей на Сапошке драгунов и казаков прибыло» 98 чел., их детей, братьев и племянников — 73 чел. (Там же. Л. 86, 116, 132).

²⁷ Там же. Л. 162.

²⁸ См. челобитную В.С. Нарбекова, поданную 25 октября, и выписку по делу (Там же. Л. 108—111).

²⁹ Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII ст. Вып. 5. Радонежская десятина (Московского уезда). М., 1886. С. 143—144. В 1678 г. в деревне числилось 36 жителей (7 дворов), в 1704 г. проживало 28 чел. (8 дворов).

³⁰ Гордон П. Дневник, 1684—1689. М., 2009. С. 19.

³¹ Там же. С. 21, 24. О выезде Шереметева сообщил в Киев его слуга, домчавшийся туда из столицы за 10 дней.

³² Черновик наказа С.Е. Алмазову. — РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 1. Дата выезда Шереметева здесь обозначена та же, что и у Гордона.

- ³³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — ДАИ). Т. 11. СПб., 1869. С. 170.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 124. 1684 г. Оп. 1. Д. 28. Л. 8—9.
- ³⁵ Гордон П. Указ. соч. С. 26, 27, 275. Здесь боярина посетили направлявшиеся в Москву гетманские посланцы во главе с Федором Яковлевым (РГАДА. Ф. 124. 1684 г. Оп. 1. Д. 28. Л. 9).
- ³⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. 1-е изд. Ч. 2. М., 1822. С. 163; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 368.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 1—13. В черновике отсутствуют листы с изложением первой статьи наказа. Сделанные в нем исправления носят в основном стилистический и формальный характер, поэтому специально анализировать их я не буду.
- ³⁸ ДАИ. Т. 11. С. 162—173. Архивный оригинал дела, опубликованного в «Дополнениях...», мне обнаружить не удалось.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 1—5.
- ⁴⁰ Там же. Л. 5—6.
- ⁴¹ Там же. Л. 10.
- ⁴² ДАИ. Т. 11. С. 164—169.
- ⁴³ Там же. С. 169—170. Так, прибывшие в Москву 3 июля гетманские посланцы во главе с Ф. Яковлевым были уверены, что Самойлович Шереметева «к себе ожидает» (РГАДА. Ф. 124. 1684 г. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.).
- ⁴⁴ То, что гетман действительно поспешил оповестить старшину о приезде Ф.П. Шереметева на Украину, подтверждает и его письмо охочекомонному полковнику Илье Новицкому. См.: Акты Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АЗР). Т. 5. 1633—1699. СПб., 1853. С. 177—178.
- ⁴⁵ ДАИ. Т. 11. С. 170—171.
- ⁴⁶ Там же. С. 169.
- ⁴⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 163.
- ⁴⁸ И.С. Самойлович — В.В. Голицыну. 21 июня 1684 г. Глухов. — РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 456. Л. 1.
- ⁴⁹ Данная формула не более чем формальность. Петр, судя по разрядным записям, в походе в Воробьево вообще не участвовал. См.: Дворцовые разряды (далее — ДР). Т. 4. СПб., 1855. Стб. 290.
- ⁵⁰ ДАИ. Т. 11. С. 163.
- ⁵¹ Фрагмент отпуска царской грамоты И. Самойловичу — РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 276. Л. 2—3. См. также: Алмазов А.С. Использование гетманом И.С. Самойловичем родственных связей с московским боярством как одного из средств усиления своего политического и общественного веса на Левобережной Украине // Ключевские чтения — 2011. Т. 1. Василий Осипо-

вич Ключевский и познание русской истории. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2011. С. 113.

⁵² РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 279. Л. 1—13. Сохранились лишь фрагменты документов, в которых о деле Ф.П. Шереметева не упоминается.

⁵³ Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 2. Киев, 1851. С. 558—559.

⁵⁴ Гордон П. Указ. соч. С. 28. Гордон отмечает, что писал 13 июля в Батурин «к гетману и боярину» (т.е. И. Самойловичу и Ф.П. Шереметеvu), получив 21 июля от них ответные послания, датированные 18 июля.

⁵⁵ См. приложение, документ № 4.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 30. Л. 13—18. Грамота датирована 31 июля 1684 г. Батурин. См. также: Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 106—106 об.

⁵⁷ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 30. Л. 19—22. Грамота датирована 31 июля 1684 г. Батурин. В ней писалось об отпуске молодой четы из Батурина, хотя «трудность была домовая и в путешествии неудобная».

⁵⁸ Там же. Л. 25—26.

⁵⁹ См. приложение, документ № 4.

⁶⁰ Гордон П. Указ. соч. С. 29.

⁶¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 30. Л. 27.

⁶² См. приложение, документ № 4. Еще одно описание куколя см.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее — РИБ). Т. 8. СПб., 1884. Стб. 1117—1118. После смерти Прасковьи ее мужу пришлось вернуть роскошный подарок тестю.

⁶³ См. приложение, документ № 4. По-видимому, он под названием «свивален» описан вместе с другими вещами Прасковьи, найденными среди имущества Самойловича (РИБ. Т. 8. Стб. 1118).

⁶⁴ Гордон П. Указ. соч. С. 30—31.

⁶⁵ Там же. С. 31, 40, 43, 58, 62. Так, 15 мая 1685 г. Гордон получил письма от П.В. Большого Шереметева, «полные любви и приязни».

⁶⁶ Там же. С. 44, 48, 50, 52.

⁶⁷ Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 666. Столпик 2.

⁶⁸ Гордон П. Указ. соч. С. 45.

⁶⁹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 666. Столпик 2. Л. 44—47. См. также: Гордон П. Указ. соч. С. 50.

⁷⁰ Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 666. Столпик 2. Л. 57—60, 64, 80—81, 188. См. также: Гордон П. Указ. соч. С. 52.

⁷¹ Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 666. Столпик 2. Л. 189.

⁷² Там же. Л. 173—176.

⁷³ См. приложение, документ № 4; Гордон П. Указ. соч. С. 38 (о приезде в Киев В.Л. Кочубея).

⁷⁴ См. об этом подробнее: Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 204—214.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 30. Л. 10—12. См. также: Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 106—106 об.

⁷⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 30. Л. 28.

⁷⁷ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 30. Л. 10 об., 11 об. Соответствующие «милостивые» царские грамоты должны были быть посланы самому Самойловичу и «свату ево» — В. Швейковскому.

⁷⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 53. Л. 108. В грамоте гетману сообщалось, что грамота В. Швейковскому также послана. Д.Н. Бантыш-Каменский отмечал, что В.В. Голицын уведомил гетмана о положительном решении царского двора 9 декабря 1684 г., видимо, ошибочно (*Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 164*).

⁷⁹ Илья Сербин уже приезжал в Москву ранее. 14 апреля 1680 г. датирован указ о том, чтобы выдать ему в связи с прибытием два дня назад «на приезде в приказ полтину» да поденного корма 2 алтына на день (двойная сумма полагалась в день аудиенции у царя «в стола место»). «На отпуске» И. Сербин получил 3 руб. Причем 16 апреля эту «дачу» было решено увеличить «по челобитью» жившего в Москве гетманского сына Якова «для ево (Сербина. — К.К.) особой службы». См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 132—133. Скорее всего, И. Сербин был приближенным именно хлопотавшего за него Я.С. Самойловича.

⁸⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1684. Д. 37. Л. 16—18. Письмо датировано 26 ноября 1684 г. Батурин.

⁸¹ «От боярина к гетману» (черновик отпуски). 9 декабря 1684 г. — Там же. Л. 46—47.

⁸² Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. Белые берега, 2008. С. 47.

⁸³ Могилевская хроника Т.Р. Сурты и Ю. Трубницкого // Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980. С. 246.

⁸⁴ Алмазов А.С. Отстранение гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича от власти и его ссылка в Сибирь // Ключевские чтения — 2010. История России: личность, общество и природа страны. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2010. С. 179.

⁸⁵ Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 502; Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д.И. Багалеем. Харьков, 1886. С. 103—114.

^{85а} РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 18. Л. 62.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 219. Л. 71. Письмо получено в Москве 23 октября (Там же. Л. 68).

⁸⁷ Там же. Л. 76—76 об.

⁸⁸ Там же. Л. 118 об.—119. В.В. Голицын сообщал Самойловичу о царском решении купить вотчину в письме от 30 октября 1684 г. (Там же. Л. 126—128).

⁸⁹ Там же. Л. 155. О намерении гетмана купить село Тегин упоминает А.С. Алмазов. См.: Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672—1687). М., 2012. С. 194. При этом он не точно пишет, что гетман просил русское правительство и о покупке вотчины Ф.Л. Шакловитого.

⁹⁰ Плохинский М.М. Гетман Мазепа в роли великорусского помещика // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 4. Харьков, 1892. [Отд. 3]. С. 25—26, 30 (примечание 35).

⁹¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 374.

⁹² Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 165.

⁹³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 464. Л. 1—13. «Статьи» получены в Москве 2 июля (Там же. Л. 13). Недавно «статьи» были изданы (Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657—1687). Київ; Львів, 2004. С. 611—621), возможно по копии, сделанной в 1853 г. для издания памятников Киевской комиссии (о ее изготовлении свидетельствует помета на заголовке дела) и сохранившейся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины. Мы пользуемся архивным оригиналом, поскольку между ним и изданным документом имеются расхождения.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. Д. 196. Л. 6—9. На черновике помета «Запечатан в особой лист», на котором было написано, что Неплюев должен его распечатать «и учинить, что подписано на подлинном. Отпуск о чем и о даче деревень в Посольском приказе у Кузмы Нефимонова».

⁹⁵ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 147 об.—148.

⁹⁶ В публикации ошибочно: «тяглых и мотных» (Універсали... С. 617).

⁹⁷ Аналог русского «а в дву по тому ж» (См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 119); в публикации ошибочно: «по тол[о]ках» (Універсали... С. 617).

⁹⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 464. Л. 7 об.—8; Русский перевод статей см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 118 об.—119 об. (здесь вместо «Пасерково» — «Поярково»). См. также: Там же. Л. 147 об. Названия деревень уточнены по русскому тексту. Ср.: Універсали... С. 617—618. Здесь названия деревень поданы с небольшими отличиями от украинского оригинала.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 469. Л. 1—1 об. Письмо датировано 23 июня 1685 г. Батурин. «А особно чолом бую и, низко кланяючися, покорне дякую вашей княжой велможности, — писал гетман, — что по милостивому своему приютству истинною любовию прихилен ко мне будучи, своим предстательством допомогти изволил к подаанию мне того милостивого их монаршого жалованья, а не точию о том, но и во всех приключаяючихся делех изволяешь быти желательным предстателем, за что я многокrotnie вашей княжой велможности чолом бую и яко великим государем и сестре их, великой государине, служити по моему обещаюи должен есмь, так и вашей велможности премогающая благоденствия, в многих случаях мне изъявленная, всяко поволностью, услугою и

отвдиченъемъ возблагодарствовати обовязуюся». Русский перевод см.: Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 170—172.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 327.

¹⁰¹ Там же. Л. 72, 76—78, 85—89, 95.

¹⁰² Оригинальная жалоба И. Витвицкого, написанная малороссийской скорописью — Там же. Л. 30—31. См. также Л. 70, 86—87.

¹⁰³ Там же. Л. 69—73.

¹⁰⁴ Там же. Л. 1 и след., 32 и след., 40, 41 и след., 74, 76, 88—89, 93—95, 97—99.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 23. Л. 1—3.

¹⁰⁶ Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. 1649—1687. М., 1858. С. 328. В издании идет речь о «Крымских деревнях», хотя должны быть «Кромские». Они фигурируют в перечне имущества Самойловича, судьба которого должна была быть определена царским указом, однако в опубликованных материалах на этот счет ничего не говорится.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 124. 1688 г. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

¹⁰⁸ Там же. Л. 1—3.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 219. Л. 72—72 об. «Цедула» приложена к письму гетмана от 13 октября 1684 г.

¹¹⁰ Там же. Л. 525—533 об. «А как со стола собрали», И. Самойлович пил здоровье всех бояр и окольных, казацкой старшины и всего Войска Запорожского под залп из 35 пушек.

¹¹¹ См., например: Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 116. Л. 108—110 об. (царская грамота гетману от 21 февраля 1684 г. с сообщением о скором приезде «цесарских» и шведских послов в Москву и с обещанием подробно оповестить о будущих переговорах); Там же. Л. 671 об.—673 (царская грамота гетману от 6 июня 1684 г. с подробной информацией о состоявшихся русско-шведских переговорах и заключении т. н. Московского договора); Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 6. СПб., 1862. Стб. 708—709 [грамота гетману с уведомлением, что ему посланы протоколы переговоров с австрийскими послами («всех разговоров записки»), а также список царской грамоты императору Леопольду I]. В наказе С. Е. Алмазову предписывалось объявить гетману, что шведские послы «учинили все по воле» великих государей, подтвердив мирный договор, а чего требуют находящиеся в Москве австрийские послы, «о том ведомо ему, гетману, будет ис писем того посольства», посланных с царским стольником. Алмазов должен был также уверить Самойловича, что в ходе переговоров с императорскими послами В. В. Голицын завлял им, что «без учинения Вечного мира, в котором миру Киев и всю Украину и Запорожье и Север вес с Смоленском и с ыними городами» польский король уступит России, ее вступление в антиосманский союз невозможно (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 6 об.—7 об.).

¹¹² Гордон П. Указ. соч. С. 26.

¹¹³ Костомаров Н.И. Руина // Исторические монографии и исследования. Т. 15. СПб., 1882. С. 610—614, 617—618.

¹¹⁴ Гордон П. Указ. соч. С. 52—54.

¹¹⁵ Там же. С. 54, 57—58.

¹¹⁶ Там же. С. 55—57.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 295. Л. 1. Приказная память, подписанная думным дьяком Е.И. Украинцевым. См. также: грамота Т. Гундертмарка на царское имя (начальный фрагмент). — РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 172. Л. 20.

¹¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 295. Л. 2—3.

¹¹⁹ Грамота И.С. Самойловича на царское имя. 12 мая 1685 г. Батурин. — Там же. Оп. 1. Д. 196. Л. 10—13.

¹²⁰ Там же. Л. 10 об.—11 об.; Черновик отпуски царской грамоты к гетману от 5 июня 1685 г. — Там же. Д. 172. Л. 21—23.

¹²¹ Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 462. Л. 1—1 об.

¹²² О М. Васильковском и его отношениях с И. Самойловичем см.: Оглоблин О. Гетьман Иван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. С. 128. Автор отмечает, что войсковым «эксактором» именовался сын М. Васильковского Дмитрий в 1694 г. (Там же. С. 129), однако, как видно из росписи подарков старшины молодоженам Федору и Прасковье Шереметевым, его отец также носил это звание (См. приложение, документ № 4).

¹²³ Гордон П. Указ. соч. С. 57.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 1—3 об. Датировка грамот И. Самойловичу и Ф.П. Шереметеву на основе: Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1596. Л. 121. Более кратко задачи С.П. Неплюева изложены в его статейном списке (у Ф.П. Шереметева «взяты приданое жены ево, что за нею дал отец ее <...> а взяв то приданое, отдат присланному, хто от него, гетмана <...> прислан будет, с роспискою»). Согласно данному источнику указ ехать из Севска в Киев был получен Неплюевым 16 мая. См.: Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 196. Л. 14. Ср.: Гордон П. Указ. соч. С. 67.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 1 об.—2. Известно, что Ф.П. Шереметев еще владел Борками в феврале 1690 г. (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. Стб. 494).

¹²⁶ Гордон П. Указ. соч. С. 62. Далее в Дневнике сообщается, что цари «жалуют его (Шереметева. — К.К.) и Боркова для содержания его и его сына». Речь здесь идет, несомненно, об оставлении за киевским воеводой его вотчины, села Борки, а не о фигурирующем в других страницах Дневника полковнике Василии Боркове, как это предполагает переводчик. Трудно, впрочем, заключить, является ли данный пассаж результатом неточного перевода или же ошибкой автора Дневника.

¹²⁷ Источники малороссийской истории... Ч. 1. С. 328.

¹²⁸ Холмогоров В., Холмогоров Г. Указ. соч. С. 140, 143; Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002. С. 181.

- ¹²⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 196. Л. 14—16.
- ¹³⁰ Там же. Л. 16—17. См. также: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 2 об.—3.
- ¹³¹ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 196. Л. 17—18.
- ¹³² Там же. Л. 18—20.
- ¹³³ Там же. Л. 20.
- ¹³⁴ Там же. Л. 21.
- ¹³⁵ Там же. Л. 22—23.
- ¹³⁶ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев; СПб., 1900. С. 449—453, 501. См. также: Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. 2. СПб., 1830. С. 297—298, 302—303.
- ¹³⁷ *Алмазов А.С.* Политический портрет... С. 196.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 196. Л. 17, 18.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 2 об.—3.
- ¹⁴⁰ *Гордон П.* Указ. соч. С. 67.
- ¹⁴¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 3; *Гордон П.* Указ. соч. С. 67. Об участии в этом деле В.Л. Кочубея известно из позднейших документов. См.: Черновой отпуск царской грамоты М. Жаденову и С.П. Неплюеву. — Ф. 214. Оп. 3. Д. 1596. Л. 13—15; Челобитная Ф.П. Шереметева. — Там же. Л. 120.
- ¹⁴² *Гордон П.* Указ. соч. С. 67.
- ¹⁴³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 3—3 об.
- ¹⁴⁴ *Гордон П.* Указ. соч. С. 67.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 67—68.
- ¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 3 об.—21.
- ¹⁴⁷ См. приложение, документ № 4.
- ¹⁴⁸ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 642.
- ¹⁴⁹ См. приложение, документ № 4.
- ¹⁵⁰ *Гордон П.* Указ. соч. С. 67—68. О смерти Прасковьи и передаче имущества кратко писали Д.Н. Бантыш-Каменский (*Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. С. 165), Н.И. Костомаров (*Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 641—642) и А. Востоков (*Востоков А.* Приданое П.И. Шереметевой // Киевская старина. 1888. Т. 22. № 8. С. 39—40).
- ¹⁵¹ См. приложение, документ № 4.
- ¹⁵² *Гордон П.* Указ. соч. С. 69—70. Корреспондент Гордона предполагал, что Шереметев прибудет в Батурин 14 июня. 18 августа 1685 г. Ф.П. Шереметев был уже среди сопровождавших царя Ивана в походе в Донской монастырь (ДР. Т. 4. Стб. 369).
- ¹⁵³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 27. Л. 3—4 об. А.С. Алмазов совершенно ошибочно пишет, что гетман прислал А. Туранского в Москву, чтобы оформить сделку по покупке Новоселок у Ф.Л. Шакловитого. См.: *Алмазов А.С.* Политический портрет... С. 194.
- ¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 27. Л. 3.

¹⁵⁵ Там же. Л. 7—8 об. В сундуке обнаружилось: «зеркало, пяльца ентарные ветхи, в ковчеге, оклеено сафьяном красным; 9 скатертей черкасских толстых простых, перetyканы красным; 6 полотен ручников черкасских; 12 холстов толстых посконных; 6 ручников тонких черкасских же, перetyканы красным».

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1596. Л. 122. Содержание росписи опубликовано. См.: *Востоков А.* Указ. соч. С. 40—44.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы Вотчинной записки. Д. 18849. Л. 7.

¹⁵⁸ Об Н.И. Акинфове см.: *Седов П.В.* Закат Московского царства. СПб., 2008. С. 373—374.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы Вотчинной записки. Д. 18849. Л. 7—16 и след. (с листа 16 пагинация отсутствует).

¹⁶⁰ *Новосельский А.А.* Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в. // Институт истории. Ученые записки. Т. 4. М., 1929. С. 103—108.

¹⁶¹ Статьи гетмана И.С. Самойловича, данные Л.Р. Неплюеву 10 июня 1685 г. Батурин. — РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 464. Л. 10 об.—11. Ср.: *Универсали*. С. 620. Русский перевод см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 123 об. — 124 об. См. также: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 375; *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 642—643. Историк опубликовал соответствующий фрагмент присланных в Москву с Л.Р. Неплюевым статей (Там же. Примечание 3.), ошибочно атрибутировав его как письмо И.С. Самойловича — В.В. Голицыну.

¹⁶² Статейный список Л.Р. Неплюева. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 141—149.

¹⁶³ Там же. Л. 150.

¹⁶⁴ Там же. Л. 150 об.

¹⁶⁵ См. приложение, документ № 3.

¹⁶⁶ Статьи гетмана И.С. Самойловича, данные Л.Р. Неплюеву 10 июня 1685 г. Батурин. — РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 464. Л. 10 об.—11. Ср.: *Универсали*... С. 620. См. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 124—124 об.

¹⁶⁷ АЗР. Т. 5. С. 184—185.

¹⁶⁸ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 642. Оттуда данная датировка, по-видимому, попала в другие работы. См., например: *Лазаревский А.М.* Указ. соч. С. 46; *К.Х. Самойлович Иван Самойлович* // *Русский биографический словарь*. Т. [18]. Сабанеев — Смыслов. СПб., 1904. С. 162; *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 4. П.—С. Киев, 1914. С. 478; *Сергієнко Г.* Иван Самойлович // *Володарі гетьманської булави*. Київ, 1994. С. 374.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 11. Л. 3. Донесение Б.С. Щербачева не сохранилось. О его содержании частично можно узнать из черновика письма В.В. Голицына — И.С. Самойловичу. Смерть Семена правильно датировал июнем (без указания точной даты) Д.Н. Бантыш-Каменский (*Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. С. 164). Правильная дата упоминается также в Дневнике

П. Гордона (*Гордон П.* Указ. соч. С. 70), Летописи Самовидца (Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 141) и выписках Г. Ф. Миллера (*Миллер Г. Ф.* Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах. СПб., 1846. С. 64.)

¹⁷⁰ Черновик царской грамоты к гетману от 16 июня 1685 г. — РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 11. Л. 1. О грамоте кратко упоминал Д. Н. Бантыш-Каменский (*Бантыш-Каменский Д. Н.* Указ. соч. С. 165).

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 11. Л. 3—4 об. Дата — 16 июня 1685 г. На листе 4 об. помещены две вставки, по сути являющиеся цитатами из царской грамоты: 1) «понеж ты, приятел мой и любезный брат, и по дщери своей боярыни Парасковьи Ивановны не в давнем еще времени имел немалую печаль»; 2) «и то дело тебе, приятелю моему и любезному брату, рассуждат надобно, что живот и смерть в воле всемогущаго Бога и должно то причитат к судбам его праведным».

¹⁷² Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 643.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 11. Л. 3—4. 16 июня 1685 г. Москва.

¹⁷⁴ Там же. Л. 7—10. 30 июня 1685 г. Батурин. «После не в давне умершей дщери моей, так великой утехи моей, — писал гетман, — се сын мой первородный меня оставил, в котором не токмо моя знатная была утеха и надежда, но и вам, великим государям, милосердным монархом нашим на утверждение мне, гетману, отцу его, верная подданская являлася служба. О сем, яко о живом, о нем тешился есмь много, так ныне не утолимо сетовати принужден есмь. Однако ж ныне милосердным вашего царского пресветлого величества и сестры вашей, великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны призрением, потешением же и наставлением уклоняюся от той скорби моей, рассуждая себе, яко не человеческое, но Божие, иже животом и смертию обладает. Есть сие мне посещение, по его вседержительным и неуклонным судбам грех моих ради, печаль сия наведется на мя по должности убо, яко создателю своему создание Богу всемогущему аз убогий воздаю о сем благодарение и слезы мои надеждою создателя благодати утираю, яко много и вседушно и всеусердно на вашу, великих государей, вашего царского пресветлого величества и сестры вашей, великой государыни благоверной царевны, милосердную милость надеюсь, так за сие милостивое и милостивое потешительное призрение, покорственно под ноги пресветлого престола монаршеского упавая много и премного, благодарственно челом бью».

¹⁷⁵ «Особое письмо», приложенное к посланию Исайи — И. С. Самойловичу. 6 мая 1686 г. Адрианополь. — Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 104—106.

¹⁷⁶ РИБ. Т. 8. Стб. 949—957. Публикаторы дела, содержащего, помимо описания раздела, также перечни имущества гетманской семьи, датируют его 1690 г., видимо, вслед за составителями описей дел Малороссийского приказа (ныне фонд 229 РГАДА) и на основе даты, помещенной в начале документа («Лета 7198»), хотя из содержания дела видно, что раздел происходил осенью, еще в правление Софьи (т. е. в 1688 или 1687 г.). Сохранившееся в фонде 124 за 1687 г. с датой 15 сентября «Дело о распределении имения и всех пожитков, оставшихся пос-

ле свергнутого с гетманства Ивана Самойловича и его детей и о ссылке их самих по разным местам» (№ 26) позволяет заключить, что раздел состоялся осенью 1687 г. Украинский историк А.П. Оглоблин датировал составление описи также 1687 г. (Оглоблин О. Вказ. праця. С. 83). 1690 г., видимо, надо датировать составление самой опубликованной книги № 60. Не убедительны поэтому рассуждения А.С. Алмазова, датирующего составление описи 1689 г. См.: Алмазов А.С. Политический портрет... С. 11—12.

¹⁷⁷ Описание вещей см.: РИБ. Т. 8. Стб. 1022—1023, 1095—1102, 1117—1121.

¹⁷⁸ Там же. Стб. 1023, 1097—1098, 1102, 1120—1121.

¹⁷⁹ Алмазов А.С. Политический портрет... С. 227.

¹⁸⁰ Челобитная Ф.П. Шереметева (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1596. Л. 120). См. также: Востоков А. Указ. соч. С. 45.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1596. Л. 121, 119, 118 (правильный порядок листов); Востоков А. Указ. соч. С. 45.

¹⁸² Востоков А. Указ. соч. С. 40—44.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1596. Л. 10—12.

¹⁸⁴ Там же. Л. 13—15.

¹⁸⁵ Кобеко Д. Шереметевы и князья Урусовы. СПб., 1900. С. 5—6.

¹⁸⁶ Модзалевский В.Л. Указ. соч. С. 479.

¹⁸⁷ Барсуков А.П. Родословие Шереметевых. СПб., 1899. С. 10.

¹⁸⁸ Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 6. С. 415.

¹⁸⁹ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 13—14.

¹⁹⁰ Автор Лизогубовской летописи писал о Б.П. Шереметеве, что «сей благочестивый был истинный восточная церкви сын, ревнитель во благочестии, хранящий право и суд, обиды чинить под жестоким наказанием запрещающий» (Летопись или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украины малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был казацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 53).

¹⁹¹ Духовное завещание генерала-фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева // Русский архив. 1875. № 1. С. 87—88.

¹⁹² Заозерский А.И. Указ. соч. С. 228.

¹⁹³ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 195.

¹⁹⁴ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 295. О связях Б.П. Шереметева с Украиной см. также: Там же. С. 418 (примечание 55), 431.

¹⁹⁵ Лазаревский А.М. Семья Скоропадских (1674—1758) // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 8. С. 713—714.

¹⁹⁶ Долгорукая Н.Б. Записки. СПб., 1912. С. 32, 37.

¹⁹⁷ Духовное завещание... // Русский архив. 1875. № 1. С. 89, 91.

Глава 4

СВАТОВСТВО КНЯЗЯ ЮРИЯ СВЯТОПОЛК-ЧЕТВЕРТИНСКОГО К ГЕТМАНСКОЙ ДОЧЕРИ АНАСТАСИИ

I

1686 г. имел особое значение для политических взаимоотношений гетмана Самойловича и русского правительства. Недовольство Батурина вызвало заключение русско-польского договора о Вечном мире, в результате которого гетман и казацкие верхи Левобережной Украины должны были окончательно проститься с надеждами на присоединение Правобережья, за исключением небольшой полосы земель от Киева до Чигирина, которая по соглашению с Польшей временно получила «ничейный» статус. За самостоятельные попытки добиться дополнительных уступок от польской стороны Самойлович, пожалуй, впервые за все время своего гетманства, получил открытый выговор из Москвы. Формально инцидент был сразу исчерпан извинениями гетмана и полученным царским прощением¹, а обе стороны пытались развеять возникшее взаимное недовольство, но, как представляется, не вполне успешно. Свое выражение эти тенденции получили и в ходе консультаций гетманской администрации и центрального правительства по поводу замужества гетманской дочери Анастасии.

16 сентября 1686 г. на переговорах с царскими посланцами Л.Р. Неплюевым и М. Жаденовым гетман попросил их известить В.В. Голицына о приезде в Киев, к митрополиту Гedeону, племянника Юрия, который навещал и Самойловича в Батурине². В рекомендательном письме митрополит уведомлял гетмана, что племянник приехал проводить его «*po kilkuletnim niewidaniu*»* прямо из военного лагеря польского короля³.

По словам Самойловича, у митрополичьего племянника «в Полше <...> остался отец да мачеха, а у отца ево четвера или пятера детей, а вотчин де за отцем ево и за ним всего дворов с семь или с восемь»⁴. И действительно, Юрий Андреевич был сыном князя Андрея Захарьевича Святополк-Четвертинского, женатого за свою жизнь трижды и, видимо, оставившего многочисленное потомство⁵.

* «После разлуки в несколько лет».

Согласно отписке Жаденова и Неплюева, гетман «милости у великих государей просит, чтобы они, великие государи, указали ево, князя Юрья, в святую греко-русскую привесть веру в Киеве, а восприяв бы греческого закону святую веру, быти ему в царствующем превеличем граде Москве, и видить великих государей очи и пожаловали б ево великие государи чином в столники, а пожаловав, указали бы ево с Москвы отпустит к нему, гетману, в Батурин и для ево, гетманских, блаженные памяти к отцу и к брату их государевым <...> верных многих служб они, великия государи, пожаловали бы ево, гетмана <...> велели ему, князю Юрью, на ево, гетманской, дочери на Настасье восприятии супружество». При этом Самойлович якобы предлагал поселить Юрия Святополк-Четвертинского в Глухове, выражая готовность передать князю во владение купленные им ранее в Глуховском уезде деревни и мельницы. Более того, гетман был готов «для крепкого и впред прочного ево, князь Юрьева, со дщерю ево пребывания дать <...> ему, князь Юрью, их государево жалованье Кромскую вотчину». В.В. Голицын должен был донести челобитье Самойловича великим государям, «дабы дочь ево Настасья ему, гетману, и ево гетманской жене, пребывая замужем близ их, в старости им была ко утешению». Соответствующий указ гетман будто бы просил учинить «есть ли не к нему, то бы к околничему и воеводе» Л.Р. Неплюеву⁶.

В Москве немедленно отреагировали на изложенную царскими посланцами просьбу Самойловича. 7 октября гетману была выслана царская грамота, где заявлялось (со ссылкой на доношение В.В. Голицына «по письму» Л.Р. Неплюева), что монархам известно о приезде в Киев митрополичьего племянника и соответствующем челобитье Самойловича. В связи с этим ему официально объявлялось о согласии русского правительства принять князя Юрия на царскую службу и окрестить его в православие. Самойловичу позволялось выдать за князя свою дочь Анастасию. После крещения митрополичьего племянника предписывалось отпустить в русскую столицу, где он будет «пожалован <...> нашим царского величества милостивым жалованьем и честию ко ево достоинству»⁷. На следующий день была подготовлена грамота киевскому воеводе князю Юрию Семёновичу Урусову с указанием направить «безо всякого задержания» князя Святополк-Четвертинского в Москву, как только он «в православной христианской вере исправлен будет»⁸.

Спеша удовлетворить просьбу Самойловича, московское правительство, видимо, стремилось загладить вышеупомянутый инцидент, связанный с гетманским недовольством заключением мира и союза с Речью Посполитой. Для гетмана же принятые в Москве решения опережали события, не вполне совпадали с его расчетами и в этом смысле заключали в себе неприятную неожиданность. Он еще не успел изложить киевскому митрополиту свои сокровенные мысли по поводу брака дочери. Гетман лишь зондировал подобную возможность через Л.Р. Неплюева, ожидая, что Голицын сначала выскажет свое мнение относительно планируемого брачного союза в частном письме. Поэтому указ Урусову, при том, что ни митрополит Гедеон, ни князь Юрий еще якобы ничего не знали, ставил его в неудобное положение.

В грамоте на царское имя от 17 октября (из Батурина) Иван Самойлович сетовал, что, хотя он и действительно говорил Л.Р. Неплюеву о своем намерении оставить в России, крестить и женить на своей дочери Юрия Святополк-Четвертинского, но тем не менее, писал он, «никакое мое челобитье, которым бы имел есмь превысокой вашей монаршеской чести спешно докучать об нем, не предложил есмь». По словам гетмана, «ему, окольничему, яко приятелю моему, приятственно советно объявил есмь мысль мою, что хотел бы есмь получить здравый совет у великого приятеля моего и благодетеля ближайшего вашему царскому пресветлому величеству боярина» — В.В. Голицына: «не противно бы то было вашей монаршеской воли, когда б есмь я похотел с преосвященным митрополитом вступить в такое слово, есть ли бы он, племянник ево, по воли своей и по благословению отца ево, еще в живых обретающагося, оставя хранимую свою западную веру и приняв во Святой Церкви исповедывание, обещался быть вечно под высокодержавною вашего царского пресветлого величества здес рукою, то б аз подумал принять ево в сообщение убогаго дому моего»⁹.

Гетман досадовал, что еще даже не обсуждал ни с митрополитом, ни с самим Юрием вопрос о сватовстве и даже сейчас еще не знает, пожелает ли молодой князь креститься в православие и остаться жить в России или же вернется в Речь Посполитую¹⁰. «Прежде сего ни в каких делах и в розговорах моих не поступал лехкомысленно, но чинил есмь все с ведомостью пресветлого вашего монаршеского престола, так и ныне не виделось мне за дело достойное с преосвященным митрополитом о его племяннике, яко человеке зарубежном в наименший

розговор без ведомости в том (в оригинале — «в тот». — *К.К.*) воли вашей монаршеской вдаватис, — писал Самойлович. — Для того ж не имея еще наименших в том деле початков, не принято яко мне о том доносить к вам, великим государям, челобитье». По его словам, гетман хотел лишь неофициально и «тайно», через посредство Неплюева получить совет Голицына и «известиться о <...> монаршеском изволении». Только после этого, если бы Голицын «благосоветовал» гетману, он бы «преосвященного митрополита, пристойной способ изобретши, зацепил» своим «словом». Кроме того, «есть ли бы по вышеписанной мысли моей его племянника была склонность бес противления отца его, тогда б есмь аз явственню достождолжным обыкновением донес мое покорное к вам, великим государям, челобитье, прося милостивого вашего монаршеского благословения», — объяснял Самойлович. Впрочем, теперь, когда указ о высылке Юрия в Москву уже состоялся, гетман заявлял, что полагается во всем на царскую волю¹¹.

Гетманское послание было получено в Москве 28 октября. В ответной грамоте Самойловичу (от 3 ноября) московское правительство не нашло ничего лучше, как констатировать, что дело сватовства, которое, как оказалось, лишь «в мысли» гетмана «токмо начатое», передается полностью на его усмотрение. Единственными условиями, которые выдвигались Москвой, было крещение молодого Святополк-Четвертинского и принятие им царского подданства в случае, если бы гетман решил уже «прямым делом» вступить с ним в «свойство»¹².

Одновременно И. Самойлович написал Л.Р. Неплюеву. Несмотря на уверения гетмана, что он рассматривает как «доброе приятельское желательство» хлопоты окольного касательно брака его дочери с Ю.А. Святополк-Четвертинским, в письме содержался осторожный укор в адрес севского воеводы. Самойлович сообщал, что и сам собирался писать В.В. Голицыну, если бы не настигшая его внезапно болезнь («нечаемая скорбь»), чтобы узнать мнение царского правительства по данному вопросу, и прежде всего — не было бы ему «по року вступатис с таковым человеком, который есть из-за рубежа, в сродство». Только после положительной реакции царского двора, выраженной через посредство В.В. Голицына, собирался Самойлович начать непосредственные переговоры с киевским митрополитом и его племянником о получении последним отцовского благословения на крещение в православие и выезд в Россию. И лишь после этого гетман

бы «склонился» митрополичьего племянника «принят в сообщение дому» своего. Он утверждал, что вовсе не спешил «досаждать» своим «челобитьем» царям и не ходатайствовал о том перед Неплюевым, который, как писал Самойлович, «болши на мое предложение писат изволил еси, то уже с вашей милости разсуждения пошло, не по моей мысли». Гетман сетовал, что теперь, когда в Киев уже послан соответствующий указ, «преосвященному митрополиту и его племяннику мысль моя явна будет, что им принуждено быть со удивлением, что дело, от меня им неслыханное, именованным монаршеским указом объявлено будет без посредства приятельского». Самойлович признавался, что даже не знает, захочет ли князь Юрий креститься в православие, остаться в России и позволит ли это его отец, хотя князья Святополк-Четвертинские «все изначало благочестивой русской веры были». Обескураженный гетман сообщал Неплюеву, что, несмотря на его уверения в благоприятном исходе дела, теперь вовсе не знает, «каков тому конец будет»¹³.

Самойлович подтверждал слова Неплюева о намерении гетмана поселить в Глухове князя Юрия или любого другого, кого «подаст Господь Бог, даст в дом <...> приятелем». Правитель Малой России давно уже прикупил себе там земель «на несколько на десят тысяч золотых», не собираясь останавливаться на достигнутом. «Не для себе то чиню [ибо по смерти моей мне того с собою не взяти], — признавался гетман, — но чиню для детей моих, особно для дщери моей, которую себе и жене моей, в старости лет наших имея подпору и утеху, здес на житье пред очима нашими посадить желал есмь»¹⁴.

Что же касалось намерения гетмана передать князю Юрию Кромскую вотчину, то гетман жаловался, что эти владения «во ограничении от трудностей еще не суть подлинно во умирении, да и не знать, дождатис ли, чтоб те пришли в такое ограничение, дабы возможно нам владети ими смирно»¹⁵. По-видимому, это означало недовольство Самойловича межеванием и сыском, осуществленным дьяком М. Жаденовым летом того же года, когда претензии гетманского управляющего И. Витвицкого были оставлены без удовлетворения.

Л.Р. Неплюев переслал гетманское письмо в Москву, где 4 ноября состоялся царский указ о посылке в Севск грамоты с указом окольному писать «от себя» Самойловичу, что великие государи разрешают ему вступить «в свойство» с Ю.А. Святополк-Четвертинским, «буде он похочет» принять православие и служить царям «в вечном холопстве».

Неплюев должен был напомнить гетману, что соответствующая официальная царская грамота (от 3 ноября) уже выслана Самойловичу. Грамота в Севск была отправлена 7 ноября¹⁶.

Поспешные и бесцеремонные действия царского правительства, и прежде всего В.В. Голицына, вмешавшегося в процедуру сватовства, поставили гетмана в весьма неудобное положение. По непреложной традиции именно жених должен был просить о руке будущей супруги, поэтому Самойлович, конечно же, не желал никакой официальной огласки своих матримониальных планов. Сложившаяся сомнительная ситуация не только задевала честь гетманской дочери, но и осложняла отношения ее отца с митрополитом Гедеоном, который должен был узнать раньше времени о планах Самойловича, причем не от него самого, а из Москвы, через посредство киевского воеводы. Данные обстоятельства, видимо, привели к размолвке между гетманом и митрополитом, несколько охладив намерения Самойловича выдать дочь замуж за Ю.А. Святополк-Четвертинского. Да и дядя последнего, исполнив в конце концов царский указ, тем не менее не торопился делать какие-либо шаги навстречу планам Самойловича.

Киевский воевода Ю.С. Урусов получил царскую грамоту о крещении, принятии на царскую службу и отправке в Москву князя Юрия уже 24 октября, но только 9 декабря, в день непорочного зачатия Девы Марии, Гедeon лично «исправил» племянника «в благочестивую христианскую греко-росийскую веру». 14 декабря Ю.А. Святополк-Четвертинский был «отпущен» в Москву в сопровождении солдатского капитана и пятерых рядовых, прибыв туда в первый день января¹⁷. По пути он посетил гетмана, после чего двинулся в русскую столицу вместе с генеральным есаулом Иваном Мазепой¹⁸.

Митрополит снабдил племянника рекомендательным письмом к В.В. Голицыну, уведомляя «первого советника» царей, что «братанич мой князь Юрий Андреевич, отрекшися ереси латинския, чинил исповедание православныя веры». Гедeon уверял, что Юрий «требует» не только княжеской «милости», но и «отеческого во всем наставления». Признавая, что племянник не имеет постоянного пристанища и обладает переменчивым характером («странен не токмо местом, но и нравами»), митрополит уверял «посольских дел оберегателя», что Юрий «наказанию милостивому вашего княжого благородия повиноватися будет». Стоит особо отметить, что Гедeon подчеркивал склонность В.В. Голицына к покровительству выезжим из-за границы на царскую

службу: «Видех при боку твоего княжого благородия многих пришелцов, их же <...> своя сподобляешь милости». «И сего аки странна и пришелца в той же изволь причитати свиток», — образно просил митрополит¹⁹. О планировавшемся брачном союзе с гетманской дочерью в письме не было ни слова. Еще одно рекомендательное письмо Гедена адресовалось царям. Митрополит просил, чтобы Юрий «недостойныма очима монаршеское блаженное вашего царского пресветлого величества могл видети лице, что во всей вселенной подсолнечной паче видения лица царского ничто же тако в небе блаженнее, яко видети лице Божие племяннику моему»²⁰.

Обширное послание на государское имя направил с Ю.А. Святополк-Четвертинским гетман. За славословием и благодарностями, расточаемыми царскому двору за позволение на брак с митрополичьим племянником²¹, по-прежнему сквозило недовольство возникшей ситуацией. Самойлович жаловался, что до сих пор от Гедена «никакова слова о том приятелстве (браке. — К.К.) не бывало», хотя митрополит писал ему, «прося прилежно об нем (племяннике. — К.К.) к вашему царскому пресветлому величеству заступлении», чтобы князь Юрий был милостиво принят при царском дворе. «А хотя сначала и была власть моя, чтоб о том деле подлинно присмотритис, а ежели б Божии на то были судьбы, с ведомостию вашею монаршескою говорил бы о том, — заявлял по этому поводу Самойлович, — однако ныне то отложил есмь, понеже к такому начинанию несть времени». Последнее гетман связывал с необходимостью готовиться к походу на Крымское ханство, планировавшемуся московским правительством на 1687 г. Вместе с тем он выражал готовность вернуться к вопросу брака дочери и молодого князя по завершении военной кампании²².

После аудиенции у царей Самойлович просил отпустить Ю.А. Святополк-Четвертинского обратно на Украину, поскольку тот «в войне будущей Крымского походу при нас быти хочет, в которой поход мы ему вспоможение учинити обещали есми, яко тому, который один христианской любви такое на славу вашу монаршескую в том благочестии обновлении знатное показал дело»²³.

Примечательна трактовка гетманом символического аспекта события перехода князя Юрия в православие. В русле своих взглядов на историю Древней Руси как общее прошлое Москвы и Киева²⁴ Самойлович считал, что митрополичий племянник, Рюрикович по происхождению, «сотворя отрицание римского костела, а обновив сердце пра-

вославною христианскою верою <...> показал то, что прародителей своих, той святой веры добре поживших, наследует». «Дай Боже, — провозглашал в связи с этим гетман, — дабы за сим всчатием, *всероссийских князей наследники* (курсив мой. — К.К.) в Полше и где ни есть обретающиеся, под превысокую богохранимую вашего царского пресветлого величества державу во умножение православия святого верне прибегали б»²⁵.

По прибытии в Москву Ю.А. Святополк-Четвертинский, помимо поденного корма²⁶, получил жалованье за выезд в Русское государство и крещение в православие как от царей Ивана и Петра²⁷, так и от Софьи²⁸, а также был пожалован в стольники. 10 января 1687 г. датирована память протопопу «Болшого Успенского собору» Михаилу «с братиею» «привести к вере по чиновной книге нововыезжего шляхтича», князя Юрия, который «выехал <...> ис Полши к великим государям служить вечно»²⁹.

От царской грамоты, отправленной гетману по поводу приезда в Москву Ю.А. Святополк-Четвертинского, сохранилась только начальная часть, не дающая никакой информации по поводу принятых в столице в связи с этим решениях³⁰. Однако из других источников мы знаем, что Ю.А. Святополк-Четвертинский участвовал в походе русских войск под командованием В.В. Голицына на Крым в 1687 г. вместе с черниговским полковником Г.И. Самойловичем, побывав на Запорожье³¹.

II

Первый Крымский поход закончился, как известно, для гетмана Самойловича свержением и ссылкой в Сибирь, а для его сына Григория — и вовсе смертной казнью. Юрия Святополк-Четвертинского, завязавшего дружеские отношения с «изменником Гришкой», выслали в полк Л.Р. Неплюева³². Более того, в доносе на Самойловича, поданном царским властям группой казацких старшин, специально отмечалось, что гетман, который «и сам мелко, как и иные люди, родился», не только не считает себе за ровню любого из малороссиян, «но и великороссийского православия всякими чинами гнушаясь, не похотел ни за кого отдать нынешней дочери своей, но из-за рубежа нарочными способы для того приманил князя Четвертинского». Это, по мнению доносчиков, якобы свидетельствовало о намерении Самойловича «имети приступ <...> к удельному в Малой России владению»³³.

Д.Н. Бантыш-Каменский, первым исследовавший донос, считал, что «сама сия бумага свидетельствует о невинности Самойловича», причем к наиболее абсурдным обвинениям он относил связь намерения гетмана отдать дочь за Ю.А. Святополк-Четвертинского с замыслом создания «удельного Малороссийского княжения»³⁴. Позднее историк подчеркивал, что подобным обвинениям, со всей очевидностью, противоречил брак Прасковьи Самойлович и Федора Шереметева³⁵. «Станным» считал данное обвинение и Н.И. Костомаров³⁶. Действительно, сама организация брака Юрия и Анастасии, когда решающее значение имело мнение Москвы, а также позиция митрополита Гедеона наводят на мысли, что родство это на данный момент могло мало способствовать укреплению позиций Самойловича на Украине. Но все же перспективы этого отрицать нельзя.

Арест гетмана поставил крест и на планах небогатого князя Юрия обеспечить себе место в рядах малороссийской знати путем брака с гетманской дочерью. Молодой Святополк-Четвертинский не скрывал своего недовольства в адрес тех, кого считал главными организаторами отрешения будущего тестя от гетманства — И.С. Мазепы и В.Л. Кочубея. Об этом мы знаем из доноса козельского сотника Ивана (Яна) Фальковского, поданного новоизбранному гетману И.С. Мазепе 9 сентября 1687 г. после возвращения из-под Конотопа, где в самом начале месяца располагался полк Л.Р. Неплюева, в котором служил князь Юрий³⁷.

Речи, что Ю.А. Святополк-Четвертинский говорил при И. Фальковском «с великим гневом и яростию», публикуются в приложении³⁸. Если верить племяннику киевского митрополита, с украинской стороны организаторами свержения Самойловича выступили его наиболее доверенные лица, а именно И.С. Мазепа и В.Л. Кочубей. Предвосхитив намерение В.В. Голицына спастись от наказания за неудачу похода, найдя козла отпущения, они «сослались письмами» с Л.Р. Неплюевым.

Святополк-Четвертинский, как это следовало из поданного на него доноса, возмущался, что пришедшая к власти старшинская группировка, действуя в согласии с Неплюевым, не допускает его к невесте, Анастасии Самойлович, и даже покушается на его жизнь и здоровье, желая воспрепятствовать появлению нежелательного претендента на имущество свергнутого гетмана, который к тому же мог бы оказать протекцию его родственникам.

В задачи данного исследования не входит рассмотрение всех обстоятельств смещения с должности гетмана Самойловича. Необходимо,

однако, отметить, что свидетельство Ю.А. Святополк-Четвертинского практически полностью совпадает с версией событий такого независимого наблюдателя, как Патрик Гордон. Он сообщает, что Л.Р. Неплюев установил контакты с одним из «генерал-адъютантов» и неким «секретарем», которые информировали его обо всех действиях гетмана. По свидетельству шотландца, они «располагали доверием [гетмана] более всех прочих»³⁹. Большинство исследователей придерживаются мнения, что упомянутые «доверенные лица» — это И.С. Мазепа и В.Л. Кочубей⁴⁰.

Опровергнуть это попытался черниговский историк С.О. Павленко, рисующий биографию Мазепы временами прямо-таки в апологетических тонах. Он полагает, что на роль двух доносчиков могли претендовать, помимо Мазепы и Кочубея, еще ряд старшин⁴¹. Высказанные им доводы (в частности, тот, что пресловутым «генерал-адъютантом» мог быть генеральный обозный В. Борковский, а «секретарем» — Савва Прокопов, о гетманских амбициях первого и др.) были повторены и дополнены в работе Т.Г. Таировой-Яковлевой, правда без ссылки на предшественника.

Попытки исследовательницы принизить и даже отрицать важную роль И.С. Мазепы в организации свержения Самойловича, ставя во главу угла анализ подписей под доносом на гетмана, вызывают недоумение⁴². Аргументация автора сомнительна, поскольку Т.Г. Таирова-Яковлева исходит из априорного и ничем не доказанного тезиса, что расположение автографов старшин на доносе якобы отражало степень влияния и позиции каждого из подписантов. Рассуждения эти представляются тем более произвольными, что историкам неизвестны обстоятельства составления доноса. А они могли быть разными. Может быть, документ составлялся и подписывался на совместной встрече, или же кто-то один объезжал старшин с уже готовым текстом, содержание которого было условлено заранее и т.д.⁴³ Т.Г. Таирова-Яковлева, как и С.О. Павленко, сомневается, что упоминаемый Гордоном генерал-адъютант — это И.С. Мазепа⁴⁴, однако свидетельства Ю.А. Святополк-Четвертинского, не заинтересованного в обвинении непричастных к смещению гетмана людей, это суждение убедительно опровергают. Наконец, в данном исследовании было показано на многочисленных примерах, что именно И.С. Мазепа и В.Л. Кочубей были наиболее доверенными лицами гетмана в сношениях с Москвой, заметно выделяясь в этом плане на фоне остальных старшин. Их хорошо знали многие представители русских правящих

кругов, и в частности В.В. Голицын, поэтому обращение Неплюева именно к ним было вполне естественным.

Свидетельством особенно доверительных отношений обоих с В.В. Голицыным является и письмо, которое Мазепа и Кочубей написали русскому канцлеру 17 июня 1685 г. Они благодарили за присланное через Л.Р. Неплюева царское жалованье — по две пары соболей, данное им, как угодливо писалось, «кроме жадных (помимо каких-либо. — К.К.) заслуг». «Убогие и непотребнии рабы» — так Мазепа и Кочубей уничижительно именовали себя в письме. Сообщая, что жалованье «со страхом и радостью одобравши», они благодарили «сим подлим листом» Голицына за соответствующее «ходатайство» у «пресветлого монаршого престолу»⁴⁵.

Донос И. Фальковского был немедленно переправлен Мазепой в Москву. Началось следствие. 30 сентября 1687 г. в полк Л.Р. Неплюева пришла грамота из Посольского приказа с указанием допросить Ю.А. Святополк-Четвертинского, задержав его «за крепким караулом» в Севске до царского указа. 6 октября Неплюев допросил князя в разрядном шатре. Тот признал факт встречи с Фальковским, который посетил его «в урочище у реки Семи блиско Путивльских мельниц», однако день Ю.А. Святополк-Четвертинский припомнить не мог. Он лишь жаловался козельскому сотнику, что «лежит <...> болен».

Митрополичий племянник также сообщил, что просил навещавшего его (в Лубенском уезде под селом Коровенцами) лубенского полковника Григория Гамалею ходатайствовать у Неплюева, «дабы ево для болезни оставили в каком ни есть селе и что ево он, околничей и воевода, держит у себя в полку на стуже и на ветрах и в той болезни глушат ево боробанами и каково-де ему князь Юрью в той болезни лихо, чтоб и ему, околничему и воеводе, было таково ж». По словам Святополк-Четвертинского, «лутчи б де ему, князь Юрью, чтоб ево убито было ис пищали, нежели такую терпеть жесточь». Князь сказал, что писал к Мазепе, «желая ево милости и заступы <...> с кровавыми своими слезами дважды», но ответа не получил, поскольку тот «обет свой, каков он, гетман, ему, Четвертинскому, до гетманства имел, забыл».

Сначала Ю.А. Святополк-Четвертинский обвинил Неплюева, что тот якобы поручил отравить его полковому лекарю Александру Квилону, но лекарский «хлопец», некий Ромашко Ковальский, «остерег» князя. Однако затем он частично дезавуировал свои слова, утверждая, что получил соответствующее предупреждение от некоего «рус-

ского» или «немчина», которого не помнит, т.к. был болен. Произнесение же «поносных слов» о В.В. Голицыне, И.С. Мазепе или о самом Л.Р. Неплюеве, так же как и факт разговора о свергнутом гетмане и его дочери, Святополк-Четвертинский отрицал⁴⁶.

К митрополиту Гедону была послана царская грамота с извещением о произнесении его племянником «многих похвальных и непристойных слов» и напоминанием, что в свое время великие государи именно ради него пожаловали князя Юрия, которому «не токмо таких слов говорить, но и мыслить не годилось». От Гедона требовали писать к племяннику «с запрещением, чтоб он впредь таких неистовых слов не говорил и к изменникам не приставал». Вместе с тем в грамоте митрополиту объявлялось, что Ю.А. Святополк-Четвертинский освобожден от наказания ради его «архиерейства и старости»⁴⁷.

Самого Юрия решено было отправить под караулом в Севск, а оттуда в Москву⁴⁸. По прибытии в столицу, 10 января 1688 г., ему был назначен поденный корм, причем даже больший, чем в прошлый его приезд в столицу⁴⁹.

Киевский митрополит вопреки ожиданиям князя Юрия полностью осудил его, встав на сторону правительства. Получив известия о поступках «неблагодарного племянника», Гедон, по его словам, был «в мале жития моего не лишен». В грамоте на царское имя он вспоминал, что, «пришед в отчину <...> царского пресветлого величества», обещал «до конца жития моего добра хотети» великим государям, за что получил всевозможные милости. Митрополит надеялся, что и Юрий, которого он «яко овцу многовредну иноверствия уврачевах и заблуждшу Церкви Святой приведох и вечную и верную службу <...> царскому пресветлому величеству устроих», последует его примеру. Однако молодой князь, несмотря на то что его, «яко невесту красну престолу Божию и престолу <...> монаршескому представили», оказался недостойн царских милостей.

Митрополит благодарил царей за прощение племянника «слез моих ради и старости». Он грозил, что если князь Юрий «главу в покаяние у ног ваших государских не сложит и прежнего милосердия вашего царского пресветлого величества не получит, и всех, их же неистовством своим укорил, не умолит и изменников государских аки ангелов сатаниных не бежит, Божие и мое неблагословение на нем прибудет и очей моих старческих не узрит». Гедон просил оставить Юрия в Москве и не отсылать к нему в Киев⁵⁰.

Однако несостоявшийся муж гетманской дочери и будучи в Москве продолжал произносить непристойные речи в адрес власти поддерживавшей в России и на Украине, и в частности В.В. Голицына и И.С. Мазепы. Царское правительство вновь попыталось урезонить митрополичьего племянника при помощи его дяди, сообщив ему, что Юрий «неосторожным, а совершенно нешляхетным языком метался на честь» русского канцлера.

«Есть то так, был я печален на поступки твои, которые так мне не полюбились, как много ты или по легкому почитанию или по чьему наущению не поступал еси по моему увещанию и совету», — писал Гедеон племяннику в конце марта 1688 г. Митрополит припоминал ему о своих предыдущих наставлениях — усердно служить царям и «канцлеру» Голицыну, чтобы Юрий «яко служебник не токмо повеления, но мегновения ока или перста господского неотносным блюдя оком, прислуживался на такую милость, которой бы был причастником от яснеосвеченого князя». Митрополит считал, что для Юрия было бы большой удачей служить при Голицыне, «который достоин по породе своей господской и по славе своей высокой, чтоб ему люди служили много чесная» молодого князя.

Митрополит вспоминал, как «оплакивал дни» свои, узнав, что Юрий в свое время «учинился Ианафан⁵¹ к Грицку (Г.И. Самойлович. — К.К.) в собеседовании и в некаких дружбах». И, не успев утереть слезы с очей по поводу дружбы племянника с сыном «прошлого» гетмана, который «имел быть порочен в неблагодарении приятии неизреченных милостей» царских, он получил новую, еще более печальную весть о проступках племянника. «Верь тому, лутче бы хотел, чтоб не жил болши на свете, нежели печали достойными поступками твоими, аки острым мечем сердце мое прободал, не токмо дядиным, но и архиерейским словом то объявляю», — восклицал Гедеон, осуждая Юрия за высказывания о В.В. Голицыне. Племяннику еще повезло, считал митрополит, что «сердца князей их милостей Голицыных сокрушенные, безо всякого отомщения простили» его «преступление». Гедеон грозил Юрию, что, если отныне тот «досадит» не то что Голицыну, но кому-то менее знатному и важному, он вообще перестанет считать его за племянника и откажет ему в протекции. «Всякой чин по мере достоинства почитай», — поучал митрополит князя Юрия, заканчивая письмо⁵².

Одновременно киевский митрополит направил в Москву письмо к самому В.В. Голицыну и челобитье на царское имя. В первом, сооб-

щая, что Юрий в письме к нему «хвалится господскою милостию твоего княжого благородия», Гедеон благодарил канцлера за прощение «преступства» «недостойного» племянника и обещал, что в случае новых проступков станет считать князя Юрия за врага. Из письма также следует, что В.В. Голицын взял молодого Святополк-Четвертинского к себе на службу⁵³. В челобитной царям «о худейшом и присном подданном» племяннике Гедеон просил вернуть ему прежнюю царскую милость, хотя он и не достоин ее, поскольку «неблагодарным изменником <...> царского пресветлого величества был собеседник дружбаю общео»⁵⁴.

Дипломатичный В.В. Голицын, то ли решив обратить врага в друга, то ли не решаясь трогать митрополичьего племянника, но желая контролировать его деятельность, не только взял Юрия в число своих приближенных, но и дал ход челобитной об очередном увеличении молодому князю денежного жалованья. В приказ она была подана 5 мая 1688 г. Весьма примечательно, как теперь царский стольник интерпретировал события, связанные с его выездом в Россию.

Юрий свидетельствовал, что выехал на службу в Московское государство «по совету дяди», «знаячи <...> и очно видячи такую ж братью нашу, под высокодержавною рукою <...> царского величества будчих, что кожен изобилует в <...> государственной милости». Но гетман Самойлович «задержал» его «в своем рейменте и хотел сприятели за дочь свою», однако князь «за порадую дяди» ничего не делал без царского указа. Он жаловался, что хотя и прожил «час малый в малороссийской стороне, однакож жадного вспоможенья к житью» от гетмана Самойловича «ани у маестностях, ани в иных пожитках не видел».

Согласно челобитной молодого Святополк-Четвертинского, после ареста гетмана и его сына он тотчас выехал в находившийся возле Запорожской Сечи полк Л.Р. Неплюева, которому заявил, что непричастен ни к каким делам Самойловичей («жадных дел их бывших властей, добрых и злых не знаем, потому что меня ни до каких дел не припускали»). Это якобы подтвердила «вся старшина войсковая».

По утверждению князя Юрия, во время службы в неплюевском полку он участвовал в отражении набега крымского отряда: «...во время <...> приходу бусурманского, нурадина салтана к вашим государевым ратем <...> в воинском деле стоялем, хотячи за вашу государскую честь и голову мою положить». Это, по словам Святополк-Четвертинского, могли подтвердить «малороссийские полковники» и сам Л.Р. Не-

плюев. В отношении доноса И. Фальковского челобитчик заявлял, что готов доказать свою невиновность на очной ставке.

Жалуясь, что не имеет, на что жить, и вынужден продавать имущество, чтобы прокормиться, Юрий Святополк-Четвертинский просил о прибавке царского жалованья⁵⁵. Решение по челобитью неизвестно, т.к. конец дела не сохранился⁵⁶, но, скорей всего, содержание митрополичьего племянника было увеличено.

III

В скором времени пребывание Ю.А. Святополк-Четвертинского в Москве вызвало недовольство гетмана И.С. Мазепы. В октябре 1688 г. он заявил прибывшему на переговоры в Батурин Ф.Л. Шакловитому, что ему «не без жалости» слышать о поведении в столице князя Юрия, который «говорит многие непристойные слова и безчестит весь царского величества высокой сенат и никою себе не только вышшаго и равного не ставит и поносными всякими словами укоряет». По словам Мазепы, митрополичий племянник «говорит, что бывшего Самойлова паки на уряд ево возставит и всем ево и своим неприятелем досады отмстит», переписывается со своей «бывшей» невестой Анастасией. Более того, гетман доносил, что надзирающий за ним пристав ненадлежащим образом исполняет свои обязанности: «...всегда у него будучи в частом или и непрестанном с ним подпитке то все слышит, а не возвещает». Все эти сведения гетман, как следует из его же слов, почерпнул из рассказов челядника киевского митрополита, который возвращался из Москвы от племянника. Этот слуга «сказывал многим людям» о князе Юрии «непристойные слова, как он бит в пожарное время⁵⁷ с поношением и укоризною на многие особы». Мазепа беспокоился, что, приехав в Киев, челядник «знатно болши тово тех слов наполнит», усложнив и без того непростые отношения между «мнительным» Гедеоном и гетманом. Последний считал, что киевский митрополит винит его в высылке племянника в Москву «на всякое безчестье», в связи с чем настроил против него и киевского воеводу — И.В. Бутурлина. Гетман просил отправить князя Юрия обратно на Украину⁵⁸. Трудно сказать, лукавил Мазепа в данном случае или нет. Вышеприведенные письма Гедеоны показывают, что он настаивал на оставлении племянника при русском дворе. Мнение епископа, впрочем, могло измениться после известий о злоключениях Юрия в столице.

Примечательно, что хотя другой недоброжелатель Мазепы — племянник бывшего гетмана Михаил «Гадяцкой»⁵⁹ в данное время жил тихо («ныне от него в здешнем краю, как он преж сего непотребно отзывается, не слышать»), тем не менее гетман, считая его человеком «нраву не тово, чтоб без непристойных слов или дел пробыл», предлагал бывшего полковника на всякий случай сослать куда-нибудь подальше на воеводство⁶⁰.

В ноябре 1688 г. по результатам посольства Ф.Л. Шакловитого в приказе было подготовлено письмо Мазепе от имени В.В. Голицына, черновик которого озаглавлен как «К гетману от боярина». Касательно М.В. Самойловича и Ю.А. Святополк-Четвертинского, в нем утверждалось, что над обоими «зде (т.е. в Москве. — К.К.) смотрят накрепко и их государским указом от прежних врак они удержаны и впредь ничего плево[сеятел]ного врать им и розсевать за таким страхом невозможно и по времени и так им учинено будет, как об них ты ныне доносишь». Канцлер обещал, что добьется повторного царского «претительного» указа, чтоб упомянутые гетманские неприятели, «конечно, ничего врать не дерзали» под угрозой смертной казни⁶¹.

Просьба гетмана относительно митрополичьего племянника была удовлетворена, и в начале 1689 г. Ю.А. Святополк-Четвертинский уже был на Украине. Посетив в Киеве дядю, он готовился принять участие в новой кампании против Крымского ханства⁶². Ряд любопытных подробностей этой встречи содержится в написанном по-польски письме киевского митрополита к гетману И.С. Мазепе⁶³. Из него видно, что после посещения дяди Юрий сделал ряд публичных заявлений, что, заручившись поддержкой киевского митрополита, он не оставил идею женитьбы на А.И. Самойлович. В итоге к Гедону было направлено некое доверенное лицо гетмана («confident») с выговором за поведение племянника, действующего якобы с «побуждения и совета» митрополита. Аналогичное содержание имело, видимо, и полученное митрополитом письмо В.В. Голицына. В ответном письме гетману, написанном спустя около двух месяцев после визита племянника, Гедон всячески оправдывался и отмежевывался от действий Юрия, подчеркивал свое неучастие в его делах, стараясь следовать официальной линии Москвы и Батурина в отношении молодого князя.

Юрий прибыл к дяде в Великий пост (в 1689 г. длился с 12 февраля по 30 марта). Митрополит подчеркивал, что вовсе не желал встречи с племянником. По словам Гедона, он еще ранее заявил князю Юрию:

«...aby nigdy u mnie nie bywał, chyba aż dowie się procerto o śmierci mojej, żeby nawiedził aż natenczas grob mój» («...чтобы никогда у меня не бывал, разве в ту пору, когда подлинно проведает о смерти моей, чтоб посетил гроб мой»). Он убеждал гетмана, что не призывал племянника в Киев и не вел с ним никаких возможных разговоров о его женитьбе, видимо, на дочери Самойловича: «...o swatstwach żadnych ani wiem, bom się do nich nie interessował» («...о свадьбах никаких не ведаю, понеже я к ним не прилагался»). При этом Геден не отрицал, что дал благословение племяннику в «w tej materiej swadebnej» («в деле свадебном») и даже выражал надежду, что князь Юрий будет его держаться.

Геден утверждал, что, когда Юрий приехал в монастырь Св. Софии, он в это время находился в Киево-Печерской обители «pro dewotione sancti Antonij» («на молитии у святого Антония»). Юрия принял отец наместник, о чем, как писал митрополит, «wszystek Horod i Podole swego czasu manifestabunt» («весь город и Подолье во свое время объявит»). Геден потребовал, чтобы наместник узнал, есть ли у племянника письма к нему от гетмана и князя В.В. Голицына. В случае положительного ответа тот должен был забрать их. «A sam niech u mnie nie bywa» («А сам у меня чтоб не бывал»), — якобы заявил митрополит. Однако Юрий, сказав, что письма есть, согласился передавать их только лично в руки. Узнав об этом, митрополит решил специально заночевать в Печерском монастыре, чтобы избежать встречи с племянником или чтобы он сам приехал в Печерский монастырь. Юрий не поехал.

В конце концов, будучи «smętnu» («печален»), поехал Святополк-Четвертинский-старший в Св. Софию, где нашел племянника, «vagabundum po monastyrze, bo mu i celiej nie ukazano, mając ode mnie ordinans takowy» («блудящего в монастыре, понеже ему и келии не указано по приказу моему»). Геден потребовал, чтобы племянник отдал ему письма через его духовного отца, и лишь после вторичного отказа митрополит призвал к себе Юрия «nie dla jego osoby, ale dla poważnych listów» («не для него, но для чести листов»).

Ожидая ответа на письма, князь Юрий прожил в Софийском монастыре два дня, и Геден вновь убеждал Мазепу, что за это время не общался с племянником, который «tylko visitami się bawił» («только посещениями забавлялся»), побывав у киевского воеводы, боярина И.В. Бутурлина, его «товарищей», а также у полковников стоявших в городе русских войск. «I coś Ichmmpu Pułkownicy u niego bywali,

trudno mi tego było wzbronić contra jura humanitatis» («И теж полковники бывали у него, трудно мне было возбранити противно добронравию»), — в который раз оправдывался киевский митрополит.

Получив ответные послания, Юрий поехал прямо в Батурин, дав обещание дяде, чтобы «ni na lewo, ni na prawo nigdzie nie wstępował» («ни налево, ни направо, никуды не заезжал»), спеша вслед за гетманом и застав его дома, «a nie goniąc w drodze» («а не гоняя в дороге»). Митрополит Гедеон просил прощения у Мазепы, «dla <...> szaleństwa i szatańskiego oręćtania» («для <...> шалности и шатанского изумления») своего племянника⁶⁴. К письму прилагалась «цедула», сохранившаяся только в переводе, из которой следует, что Гедеон просил гетмана объявить свое «очищение» и князю Голицыну, а также не присылать больше Юрия в Киев, дав ему «в покое <...> скончити житие свое грешное»⁶⁵.

После участия во втором походе на Крым князь Юрий наконец-то получил царское позволение жениться на Анастасии Самойлович. «Сей благородный молодой человек свято сохранил данное им слово и посредством сего брака доставил спокойное убежище семейству бывшего гетмана», — восторженно писал об этом Д.Н. Бантыш-Каменский. Решение это было принято в ходе переговоров гетмана Мазепы с царскими представителями во время его осеннего визита в русскую столицу в 1689 г. Сама свадьба состоялась в феврале 1690 г. Анастасии была выделена 1 тыс. «империалов» из имущества ее отца в качестве приданого. Гетман распорядился временно поселить молодых вместе с женой бывшего гетмана Самойловича на хуторе Дунаевском (Дунаец) в Глуховском уезде.

В марте 1690 г. Мазепа писал в Москву, прося царского указа относительно постоянного места жительства Святополк-Четвертинских и М.И. Самойлович. При этом гетман осторожно намекал на желательность выдворения их с Украины, мотивируя это тем, что князю Юрию, как стольнику и участнику Крымского похода в составе русского Большого полка (имелась в виду, видимо, служба в полку Л.Р. Неплюева в первом Крымском походе), «неприлично» находиться в одном «обществе» с казаками⁶⁶. Об этом же твердил Мазепа и приехавшему к нему в апреле 1690 г. дьяку Борису Михайлову, вновь прося забрать из Малой России также и племянника Самойловича — бывшего гадяцкого полковника Михаила Васильевича, который еще во времена предыдущего гетмана обвинял Мазепу в организации отравления Прасковьи Шереметевой и Семена Самойловича. Не успокоился, по словам

Мазепы, и «пьяница», князь Юрий, рассказывавший всем, что Самойлович еще вернется на гетманский «уряд». В Москве удовлетворили просьбу гетмана, направив ему соответствующий указ⁶⁷.

Дальнейшие сведения о Ю.А. Святополк-Четвертинском отрывочны, заметной политической роли он не играл. В 1690 г., после смерти дяди, он, уже находясь в Москве, бил челом великим государям о наследстве покойного митрополита. По царскому указу Мазепа разыскал и направил в русскую столицу сведения об оставшемся имуществе и копию духовной грамоты Гедонеа⁶⁸. А.П. Оглоблин указывал, что до самой смерти Геденон находился с племянником не в лучших отношениях, что отразилось в его завещании⁶⁹. В ходе отражения очередного татарского набега Ю.А. Святополк-Четвертинский угодил в плен к белгородским татарам, а затем был отправлен в Крым. Он пробыл в крымской неволе до 1700 г., пока его младший брат Януш не освободил князя, заняв его место «во оковах»⁷⁰.

Освободившись из плена, князь Юрий поехал в Фастов, где договорился с тамошним полковником Семеном Палеем о выкупе у него татарского мурзы для обмена на брата. Деньги – несколько тысяч талеров дал (видимо в долг) гетман И.С. Мазепа. Получив мурзу, князь собирался отправиться с ним в Крым⁷¹. Судя по всему, обмен пленными был успешным. После описанных событий Я.А. Святополк-Четвертинский также переселился на Украину, исполняя вместо болевшего брата царскую службу и оставшись верным царю и после ухода Мазепы к шведам⁷². Что же касается самого Юрия, то по поводу его позиции в 1708 г. мнения историков различаются. Действительно, существуют документы, свидетельствующие, что он как будто был сторонником гетмана⁷³. А.П. Оглоблин считал, что они позволяют отнести Святополк-Четвертинского к лицам, поддерживавшим Мазепу⁷⁴. Но еще ранее А.М. Лазаревский, чьи рассуждения Оглоблин проигнорировал, полагал, что гетман просто хотел скомпрометировать князя Юрия в глазах московского правительства. Он отмечал, что факт этот признал подосланный на Украину Мазепой шпион, а также то, что подпись Святополк-Четвертинского стоит на акте избрания гетманом И.И. Скоропадского. Наконец Ю.А. Святополк-Четвертинский получил подтверждение права владения своими имениями (к тому времени к Дунайцу добавились еще три села) от нового гетмана⁷⁵.

Дочь Юрия Святополк-Четвертинского и Анастасии Самойлович — Марина стала супругой старшего сына генерального есаула,

а затем стародубского полковника М.А. Миклашевского — Андрея⁷⁶. Известен и сын князя Юрия и гетманской дочери — Василий, принявший постриг под именем Вассиана и, по-видимому, не оставивший потомства. После смерти Анастасии Ю.А. Святополк-Четвертинский женился второй раз⁷⁷. Помимо Марины, у него были еще две дочери, но от какого брака, неясно. Причем на одной из них, Ульяне, женился брат гетмана Скоропадского⁷⁸. Последнее упоминание о Ю.А. Святополк-Четвертинском относится к 1717 г.⁷⁹ Известно, что он, серьезно заболев, поехал лечиться в Москву, где и умер⁸⁰.

* * *

Сопоставление обстоятельств сватовства и брака князя Ю.А. Святополк-Четвертинского и А.И. Самойлович с историей брака боярина Шереметева и старшей гетманской дочери Прасковьи вызывает вопрос, почему царское правительство выступило против замужества Прасковьи с представителем рода Святополк-Четвертинских в 1681 г. и согласилось на аналогичный союз пять лет спустя. Ответ представляется очевидным. Во-первых, епископ Гедеон перестал быть для русского правительства зарубежным православным архиереем, возглавив в 1685 г. Киевскую митрополию. Во-вторых, в 1686 г. предполагался выезд Юрия в Россию, а не отправление гетманской дочери в Речь Посполитую, как в 1681-м (и надо думать, что гетман теперь эту позицию Москвы учел).

В сношениях с царским правительством касательно судьбы племянника Гедеон, как видно, ориентировался даже более на волю Москвы, нежели на желания гетмана. Складывается впечатление, что митрополит, всячески рекомендовавший Голицыну взять Юрия к себе на службу, был бы скорее рад получить для него в невесты московскую дворянку, нежели гетманскую дочь. Пожалование в стольники и приведение к вере в Успенском соборе Кремля должно было дополнительно гарантировать его верность царскому престолу.

Однако гораздо прочнее привязать митрополичьего племянника к Москве могло бы пожалование вотчины или поместья. Почему царское правительство не пошло на этот шаг? Не исключено, что именно на это намекал гетман, говоря о намерении пожаловать Юрию Кромскую вотчину (тем более, что потом он отказался от этого, мотивируя отказ нерешенными межевными конфликтами).

При отсутствии даже косвенных указаний в источниках, вариантов ответа на этот вопрос может быть несколько. Возможно, что по-

жалования были бы сделаны уже после свадьбы (как в случае с Шереметевым, когда «честью» он был пожалован до, а вотчиной после женитьбы на гетманской дочери). Однако Юрий, в отличие от боярского сына, был выездным шляхтичем и никаких поместий в России не имел. Поэтому не исключено, что сдержанность царского правительства в этом вопросе была отзвуком общего охлаждения его отношений к Самойловичу. Правда, на основании того, что нам известно сегодня об отношениях гетманской администрации и русского правительства в 1686 — начале 1687 г., мы не можем утверждать, что в Москве уже только и ждали повода, чтобы избавиться от человека, которого еще недавно столь тесно хотели привязать к своим интересам.

Примечания

¹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 425—432. Утверждение П. Бушковича, что И.С. Самойлович, выступая против мира и союза с Польшей, оказывался тем самым на стороне Нарышкиных [Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. С. 144], страдает упрощением.

² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 258.

³ Митрополит Гедеон — И.С. Самойловичу. 22 августа 1686 г. «Z kathedry Kijowskiej» — Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 488. Л. 1. Перевод см.: Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 308—310.

⁴ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 258.

⁵ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. С. 123. Здесь упомянуты, помимо Юрия, еще двое его братьев.

⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 258—260.

⁷ Там же. Л. 277—278. Сохранилось еще несколько копий отпуски этой грамоты. См.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 4—5 об.; Там же. Д. 23. Л. 1—2; Там же. Д. 14. Л. 126—127 об.

⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 287—288. Грамота отправлена из Малороссийского приказа 11 октября «через почту». Сохранилось еще две копии отпуски: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 23. Л. 3—4; Там же. Д. 14. Л. 127 об.—128 об.

⁹ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 136. Л. 329—331.

¹⁰ «А о том еще у меня с <...> митрополитом и с его племянником ни словесно, ни через письмо никакова розговору не бывало и нет, и ныне, так и с ним окольничим говоря тайно, подлинным делом то не твердил есмь. Яко и ныне аз не ведаю тово, похощет ли он, князь Юрьи, веру западную оставить и здесь, в де-

ржаве вашей монаршеской, оставатися или похощет назад в своем состоянии возвратитися». Там же. Л. 332.

¹¹ Там же. Л. 332—335.

¹² Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 9—11. Черновик отпуска (сохранился не полностью) см.: Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 127—131.

¹³ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 121—125.

¹⁴ Там же. Л. 125—126. В 1685 г. гетман вел в Глухове и строительство дома (см.: Акты Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1633—1699. СПб., 1853. С. 177).

¹⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 126.

¹⁶ Дьячья помета о царском указе. — Там же. Л. 121 об.; Отпуск царской грамоты Л.Р. Неплюеву. 7 ноября 1686 г. Москва. — Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 23. Л. 5—9. Еще одну копию отпуска см.: Там же. Д. 14. Л. 128 об.—131. «Список» грамоты к гетману от 3 ноября 1686 г. также был выслан Л.Р. Неплюеву.

¹⁷ Отписка Ю.С. Урусова. — Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 61 об.—63. На грамоте помета Е.И. Украинцева от 1 января 1687 г. «взять в столп».

¹⁸ Там же. Л. 69 об.—70 об.

¹⁹ Митрополит Гедеон — В.В. Голицыну. 15 декабря 1686 г. «С катедры Святыя Софии». — Там же. Оп. 3. Д. 492. Л. 1.

²⁰ Грамота митрополита Гедона на царское имя. 16 декабря 1686 г. Киев. — Там же. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 67—69. Получена в Москве 2 января 1687 г. В славословиях царского имени киевский митрополит перешеголял, пожалуй, самого гетмана. «Прилично царскую некто милость уподобляет лучам солнечным, — писал Гедеон, — солнце сияет на праведныя и неправедныя, милость ущедряет ключимых и неключимых рабов, о сиевых щедротах царских слышах разве некогда в притчах премудрых. Ныне ж и вижду и знаю вещественное не токмо сам, но вся со мною Вселенная таковыя щедроты видит и знает премногого милостивого вашего царского пресветлого величества престолу, что есмь аз неключимый раб, неключимый богомалец вашего царского пресветлого величества, но аки благоключимаго и себе потребного честию и славою и богатством жаловати изволили и ныне еще жалуете ваше царское пресветлое величество».

²¹ Грамота И.С. Самойловича на царское имя. 21 декабря 1686 г. Батурин. — Там же. Л. 64—64 об. Получено в Москве 2 января 1687 г. «Не токмо превеликая, но и неизреченная осияет меня вашего царского пресветлого величества милость, егда превеликую свою монаршескую достойность ко мне, низшему своему слуге, крайнею благостынею приклоняя, изволяете на мой убогий дом отеческий приизрати благоволиительно», — витийствовал гетман по поводу разрешения на брак своей дочери с Ю.А. Святополк-Четвертинским. «За тое тогда превеликую и неизреченную вашего царского пресветлого величества

милость, что вы, пресветлые великие государи, мелкого дела убогого дома моего своего милостивого попечения не оставляете, покорно и яко наипокорнее много вам, пресветлым монархом, челом бьем».

²² Там же. Л. 65—66.

²³ Там же. Л. 65 об.—66.

²⁴ См. об этом подробнее: *Кочегаров К.А.* Легенды и факты по истории славян и Древней Руси в интерпретации украинского гетмана Ивана Самойловича // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2010. С. 63—67.

²⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 65 об.—66.

²⁶ «Денег по 8 алтын, питья по 2 чарки вина двойного, по 4 чарки простого, по 2 крушки ренского, по 4 крушки меду вареного, по 8 кружек пива на день» (Там же. Оп. 6. Д. 55. Л. 28).

²⁷ «Кубок золочен с кровлею в четыре гривенки, бархату червчатого венецынского 10 аршин, сукна кармазину 5 аршин, отласу да камки по 10 аршин, 40 соболей во 90 рублей, денег 90 рублей» (Там же. Л. 30).

²⁸ «Кубок золочен с кровлею в 3 гривенки, изарбаф персицкой золотной, отласу да камки по 10 аршин, 40 соболей в 50 рублей, пара соболей в 10 рублей» (Там же. Л. 31).

²⁹ Там же. Ф. 229. Оп. 5. Д. 347. Л. 1. Подписал дьяк Василий Постников.

³⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 69 об.—70 об.

³¹ Там же. Оп. 6. Д. 55. Л. 27.

³² Там же. Л. 21, 27. См. также: Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. 1649—1687. М., 1858. С. 328.

³³ Источники малороссийской истории... Ч. 1. С. 304. Обвинения эти содержались, видимо, на отдельном листе («цедуле»), приложенном к доносу, поэтому текст их помещен уже после подписей старшин. В опубликованном Т.Г. Таировой-Яковлевой оригинале доноса эта цедула отсутствует, при этом автор проигнорировала это отличие (*Яковлева Т.Г.* Донос старшины на І. Самойловича: аналіз першоджерела // Український історичний журнал. 2006. № 4. С. 190—200), анализируя публикацию русского историка. Остается, таким образом, неясным, сохранился этот лист в оригинале доноса или нет.

³⁴ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. 1-е изд. Ч. 2. М., 1822. С. 180.

³⁵ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. 2-е изд. Ч. 2. От присоединения сей страны к Российскому государству до избрания в гетманы Мазепы. М., 1830. С. 199—200.

³⁶ *Костомаров Н.И.* Руина // Исторические монографии и исследования. Т. 15. СПб., 1882. С. 684.

³⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 6. Д. 55. Л. 4.

³⁸ См. приложение, документ № 5. К доносу была «рука приложена полским языком» (Там же. Л. 9).

³⁹ Гордон П. Дневник, 1684—1689. М., 2009. С. 142. В.Л. Кочубей играл руководящую роль и в дальнейшем (Там же. С. 146).

⁴⁰ См., напр.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 202, 308; Костомаров Н.И. Руина... С. 677; Оглоблин О. Гетьман Иван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. С. 75; Сергієнко Г. Іван Самойлович // Володарі гетьманської булави. Київ, 1994. С. 374; Гордон П. Указ. соч. С. 302 (комментарий переводчика и издателя Д.Г. Федосова).

⁴¹ Павленко С. Иван Мазепа. Київ, 2003. С. 40—48.

⁴² Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. С. 43—48.

⁴³ Один из подобных вариантов получил отражение в работе Ф.М. Уманца. Уманец Ф.М. Гетман Мазепа. СПб., 1897. С. 73. На свидетельство П. Гордона этот автор внимания не обратил.

⁴⁴ Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа... С. 49. Заявление, что свидетельство П. Гордона ранее не использовалось историками, показывает к тому же плохое знание автором литературы предмета.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 467. Л. 1. Русский перевод письма см.: Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 173—174. Письмо получено в Москве 3 июля 1685 г.

⁴⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 6. Д. 55. Л. 10—12. На скрепах листов (л. 11 об., 12 об.) подпись Ю.А. Четвертинского: «własną ręką Jerzy Czetwertyński».

⁴⁷ Там же. Л. 1—3. К грамоте прилагался список с «речей» Ю.А. Четвертинского.

⁴⁸ Там же. Л. 27, 31.

⁴⁹ Там же. Л. 29, 31—32. Кормовых денег — 30 алтын и 2 деньги, «питье против прежняго приезде кроме ренского, а ренского ему не давать».

⁵⁰ Грамота митрополита Гедеона на царское имя. 21 октября 1687 г. Киев. — Там же. Л. 13—17. Получена в Москве 14 апреля 1688 г.

⁵¹ Речь, по-видимому, идет о ветхозаветном Ионафане, сыне царя Саула и близком друге Давида.

⁵² Митрополит Гедеон — Ю.А. Четвертинскому. 29 марта 1688 г. Киев. — Там же. Л. 20—23.

⁵³ Митрополит Гедеон — В.В. Голицыну. 29 марта 1688 г. Киев. — Там же. Л. 18—19. «Ради Христа Спасителя на земле в рабием зраце нас ради странствующаго, моего племянника в преславном наяснейших монархов наших царстве страннаго, ныне же неизреченною милостию господарскою в число домовых подданных сочетаннаго, аки присного раба своего наказуй, обличай, наставляй», — увещевал Голицына митрополит.

⁵⁴ Челобитная Гедеоны на царское имя. 29 марта 1688 г. Киев. — Там же. Л. 24—26. Получена в Москве 14 апреля 1688 г. (Там же. Л. 32).

⁵⁵ Там же. Л. 27—27 об.

⁵⁶ Там же Л. 28—33. При рассмотрении челобития «на пример» были выписаны данные о жаловании выехавших в Россию князя Александра Курбского (в крещении Яков), шляхтича Михаила Плосковицкого, а также Ивана и Степана Спафариев (Там же. Л. 29).

⁵⁷ В 1688 г. Москва пострадала от двух крупных пожаров, опустошивших Китай-город и другие районы столицы.

⁵⁸ Там же. Оп. 1. 1688 г. Д. 98. Л. 72, 79, 81. Ср.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 394—395; Костомаров Н.И. Мазепа // Исторические монографии и исследования. Т. 16. СПб., 1885. С. 19.

⁵⁹ С этим прозвищем М.В. Самойловича в историографии случился небольшой курьез. В работе Н.И. Костомарова по вине автора или при переписывании и наборе текста оно трансформировалось в «Галицкий» (Костомаров Н.И. Мазепа... С. 18). Генеалог В.Л. Модзалевский справедливо усомнился в его правильности (Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 4. П—С. Киев, 1914. С. 479. См. примечания внизу страницы указанного труда). Верно прозвище М.В. Самойловича («Гадяцкий») употреблял С.М. Соловьев (Соловьев С.М. Указ. соч. С. 476, 477, 482, 489—491). Это не помешало последующим исследователям употреблять возникшее в работе Костомарова ошибочное прозвище в качестве фамилии племянника бывшего гетмана. См., напр.: Таирова-Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 208, 210, 431.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1688 г. Д. 98. Л. 80.

⁶¹ Там же. Л. 86, 87.

⁶² И.С. Мазепа — В.В. Голицыну. 13 апреля 1689 г. «Из табора на Кустоловой» // Листи Івана Мазепи. Т. 1. 1687—1691. Київ, 2002. С. 328.

⁶³ Митрополит Гедон — И.С. Мазепе. 30 июля 1689 г. «z Mirowska». — РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 602. Л. 1—2 об. Единственное словосочетание вписано по-русски, когда речь идет о том, что, если митрополит лжет, Бог не даст ему «желаемого получить спасения» (л. 2). Сохранился современный перевод послания (без первого листа). См.: Там же. Оп. 1. 1690 г. Д. 20. Л. 1—4. В связи с этим после цитат из оригинального документа в скобках помещен их перевод, сделанный современником в приказе.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Оп. 1. 1690 г. Д. 20. Л. 4. Переводчик снабдил текст заголовком «На особой карте написано».

⁶⁶ Грамота И.С. Мазепы на царское имя. 19 марта 1690 г. Батурин // Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 382—383; Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен... 1-е изд. Ч. 3. М., 1822. С. 9; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 472; Оглоблин О. Вказ. праця. С. 84.

⁶⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 476—477; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 54—55; Грамота И.С. Мазепы на царское имя. 11 мая 1690 г. Батурин // Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 393.

⁶⁸ Грамота И.С. Мазепы на царское имя. 29 декабря 1690 г. Батурин // Листи Івана Мазепи. Т. 1. С. 438—439.

⁶⁹ Оглоблин О. Вказ. праця. С. 171.

⁷⁰ Листи Івана Мазепи. Т. 2. 1691—1700. Київ, 2010. С. 597—598, 606, 614, 632. В историографии существуют расхождения касательно обстоятельств пленения князя Юрия. Н.И. Костомаров, использовавший собственноручную реляцию Ю.А. Святополк-Четвертинского, утверждал, что тот был взят в плен во время нашествия самозванного гетмана Петра Иваненко (Петрика) и татарского войска на южные границы Украины (Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 185—186), т.е. в 1692 или 1693 г. А.М. Лазаревский, основывавшийся на других источниках, и в т.ч. письме князя Януша, приводит достаточно подробное описание, как в 1697 г. князь был захвачен в плен, когда в устроенную крымцами под Казикерменем засаду попал отряд нежинского полковника И.П. Обидовского (Лазаревский А.М. Семья Скоропадских (1674—1758) // Исторический вестник. 1880. Т. 2. № 8. С. 720—721).

⁷¹ Листи Івана Мазепи. Т. 2. С. 606, 612, 630, 632—633, 652.

⁷² Лазаревский А.М. Семья Скоропадских... С. 720—721.

⁷³ Полтавская битва 27 июня 1709 года. Документы и материалы. М., 2011. С. 186, 267.

⁷⁴ Оглоблин О. Вказ. праця. С. 294.

⁷⁵ Лазаревский А.М. Семья Скоропадских... С. 721—722.

⁷⁶ Оглоблин О. Вказ. праця. С. 252.

⁷⁷ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. С. 123—124.

⁷⁸ Лазаревский А.М. Семья Скоропадских... С. 722. Историк ничего не пишет о мужском потомстве князя Юрия.

⁷⁹ Оглоблин О. Вказ. праця. С. 82.

⁸⁰ Об этом его брат Януш сообщал в 1723 г. В тексте опечатка — 1823 г. вместо 1723-го. Лазаревский А.М. Семья Скоропадских... С. 720—721.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимоотношения русского правительства и гетманской семьи в матримониальных и имущественных вопросах сыграли заметную роль не только в формировании и развитии общей системы русско-украинских связей первой половины 1680-х гг., но и иллюстрируют важные их тенденции за более широкий период времени гетманства Ивана Самойловича.

Связи гетманского двора с русским правительством и — шире — с господствующим дворянским сословием носили двоякий характер. С одной стороны, гетман Самойлович стремился укрепить свое личное и имущественное положение в рамках русского государства, с другой — использовал это для усиления своих позиций на самой Украине. Если второе не могло не вызывать некоторой настороженности русского правительства, то первое вполне приветствовалось в Москве и всячески поощрялось, даже ценой ущемления интересов отдельных представителей или групп русских правящих кругов. В пользу гетманского зятя был решен спор Ф.П. Шереметева с казаками и рейтарами Сапожка и окольников В.С. Нарбековым; муж Прасковьи в исключительном порядке получил землю в Диком поле; в угоду Самойловичу правительство отказалось от покупки Тегина с целью включения в дворцовые села, пожаловав гетмана деревнями в Кромском уезде и землями под пасеку в Олешковском. Идя навстречу пожеланиям Самойловича, правительство отозвало с должности киевского воеводы одного из видных представителей царских родственников Салтыковых, чтобы назначить на киевское воеводство гетманского зятя.

Стремление Самойловича к поиску дополнительных опор своей власти и влиянию в украинском обществе за пределами этого самого общества свидетельствуют о неустойчивости позиции гетмана на Украине, и в первую очередь среди казацкой старшины. Вместе с тем, выдавая свою дочь замуж за московского боярина и демонстрируя различными средствами свою лояльность русским царям, Иван Самойлович становился в некоторой степени заложником этой политики, которая,

хотя и приносила ему сиюминутные выгоды, в перспективе ставила его в большую зависимость от русского правительства. Отдавал ли себе отчет сам гетман? Принимая во внимание его намерения породниться с луцким епископом, будущим киевским митрополитом, можно осторожно предположить, что Самойлович стремился обрести некий противовес укреплявшимся связям с российской элитой. Однако готовность, с какой он согласился на брак дочери с Шереметевым, настойчивые хлопоты о поездке молодой четы в русскую столицу для аудиенции у царей, — все это показывает, что Москва все-таки рассматривалась им как более надежный и приоритетный партнер, поддержка которого оказывала существенное влияние на позиции гетмана на Украине, нежели связанный с польской знатью епископ Гедеон. Тем более, что, как уже отмечалось выше, переговоры о свадьбе гетманской дочери и родственника луцкого епископа велись, по всей вероятности, параллельно с консультациями о выборе последнего киевским митрополитом и, соответственно, могли означать стремление Самойловича укрепить свое положение уже в Малой России.

Характерно, однако, что попытки гетмана породниться с Гедеоном уже после того, как он стал митрополитом, показали, насколько зависел Самойлович в этом вопросе от Москвы. Причем, судя по всему, в этом отдавал себе отчет и киевский митрополит.

Расширение личных связей с московскими правящими кругами, несмотря на желание гетмана использовать их как рычаг усиления его властных прерогатив, одновременно усиливало российское влияние на Украине как гаранта стабильности гетманской власти. Подобно тому, как явные знаки царской милости в виде позволения на брак Прасковьи с московским боярином возвышали гетмана над остальной казацкой старшиной, таким же образом и лишение поддержки русского правительства предопределяло его бессилие перед ее интригами, приводя к стремительному падению с властного пьедестала.

В литературе, в т.ч. и применительно к Ивану Самойловичу, иногда пишется о некоей «династической» идее в политике гетманов, когда попытки утверждения собственной династии рассматриваются в контексте укрепления украинской «державности» в XVII в.¹

Проведенное исследование показывает, насколько поверхностным должно быть такое мнение в отношении Ивана Самойловича. Уж если мы говорим о стремлении гетмана превратить свою

выборную должность в наследственную с опорой на матримониальные связи, то следует помнить, что в 1680-е гг. устанавливались они (в случае, если гетман хотел породниться с представителями не-казачьей среды) не просто при прямой поддержке, а по указу царского правительства. При этом все претенденты на роль будущих родственников гетманской семьи зависели от Москвы самым тесным образом, будь то киевский митрополит или знатный смоленский шляхтич. То, что соответствующее решение русского правительства не являлось лишь формальной санкцией выбора, сделанного гетманом, подтверждает тот факт, что предложенный Самойловичем царскому двору в 1681 г. план брака дочери был отвергнут. При этом в случае с Шереметевыми гетман не только не отказывался, но и принимал самое активное участие в имущественных делах, носивших уже сугубо великороссийский характер, втягиваясь в тяжбы и споры, которые, казалось бы, с «династическо-державной» точки зрения его должны были интересовать мало. И в этом смысле на первом месте для Самойловича были интересы его собственной семьи, его рода, которые отнюдь не всегда совпадали с абстрактными судьбами «Малороссийской Отчины». В этом смысле матримониальная политика Самойловича никак не способствовала обособлению политической системы Гетманщины от влияния Москвы.

Примечательно и то, что тенденции, выявленные еще М.М. Плохинским в отношении пожалования царских вотчин И.С. Мазепе, зародились, по всей видимости, как раз во времена И.С. Самойловича. Причем последний оказался связан с русским землевладельческим классом, в т.ч. и через своего зятя Ф.П. Шереметева. Важно здесь отметить, что русское правительство жаловало земли гетманам в пределах Великороссии в ответ на их вполне прозрачные намеки и просьбы, сохраняя при этом исключительное право казачества на владение землей на Украине. Политика пожалования гетману владений за пределами Гетманщины, несмотря на отдельные противоречия в случае с Самойловичем, тем не менее получила активное развитие впоследствии. Но вот о матримониальных делах такого сказать нельзя.

Родственные связи с одним из знатнейших семейств Московского государства и вхождение гетмана в ряды великороссийских землевладельцев имели двойное значение для русско-украинских отношений. С одной стороны, основной результат этого, лежавший на поверхности и очевидный для царского правительства, заключался в укреплении связей семьи

Самойловича с правящей социальной группой, а следовательно, и политических взаимоотношений Гетманства и Русского государства.

С другой стороны, попытка интеграции гетманской семьи в общероссийскую элиту вызывала противоречия, которые в Москве не смогли предвидеть. Действительно, если ранее гетман получал милости от царского правительства, которые не затрагивали имущественные интересы и социальные права отдельных представителей господствующего сословия и потому не вызывали его возражений, то теперь ситуация изменилась. Самойлович оказывался втянутым в придворные интриги, в распри между Шереметевыми и Голицыными, а шире — и в противостояние между Нарышкиными и Милославскими. Земельный спор, связанный с Борками, настроил против него В.С. Нарбекова, межевание в Новоселках — думного дворянина Н.И. Акинфова, назначение гетманского зятя в Киев — Салтыковых, а конфликты из-за межи вокруг полученных Кромских деревень наверняка вызвали недовольство князей Трубецких. И во всех этих случаях царское правительство уже не могло идти на безоговорочные уступки гетману, не вызвав неудовольствия, а следовательно, и скрытого противодействия со стороны «обиженных» лиц.

Смерть боярыни Прасковьи показала, что Самойлович не готов мириться с установившимися правами наследования, в очередной раз требуя для себя исключения из сложившейся практики. Руководивший украинскими делами Голицын и, шире, русское правительство вновь оказались между двух огней. На одной чаше весов лежала лояльность гетмана, на другой — амбиции могущественного и влиятельного рода Шереметевых. В результате было принято половинчатое решение, не устроившее ни одну из сторон. Москва не удовлетворила все претензии гетмана, а Шереметевы были недовольны унижительным возвращением приданого и после свержения Самойловича немедленно предъявили свои права на него.

Русское правительство и гетманская семья были заинтересованы в подкреплении существующих политических связей узами личного характера. Однако конкретные результаты и роли каждой из сторон в этом процессе виделись им по-разному. Это стало причиной того, что политическое значение брака Прасковьи Самойлович и Федора Шереметева оказалось, вопреки обоюдным ожиданиям, скорее негативным и для Москвы, и для Батурина. Не случайно год спустя после смерти гетманской дочери русское правительство уже не предложило

в мужа Анастасии Самойлович московского дворянина, ограничившись присягой в Успенском соборе и пожалованием в стольники ее «польского» жениха — князя Юрия Святополк-Четвертинского.

С избранием на место Самойловича И.С. Мазепы в русско-украинских отношениях уже не наблюдается попыток связать нового гетмана матримониальными узами с российской высшей аристократией, хотя на некоторых направлениях он сотрудничал с Москвой даже теснее, чем его предшественник. И думается, что именно позиция русского правительства имела здесь решающее значение. Возврат к политике матримониальных связей русских и украинских верхов произошел уже во времена гетмана Скоропадского, дочь которого вышла замуж за сына петровского сподвижника и дипломата П.А. Толстого². Причем царское правительство отказало литовскому магнату — троцкому каштеляну Казимиру Доминику Огинскому, сватавшему сына за дочь Скоропадского³. Было положено начало процессу смешения украинской и русской знати, интенсивно развивавшемуся в течение всего XVIII в. рука об руку с интеграцией Украины в общероссийское политическое и культурное пространство на других направлениях.

Примечания

¹ Оглоблин О. Династична ідея в державницько-політичній думці України-Гетьманщини 17—18 ст. // Державницька думка. Ч. 4. Філадельфія, 1951. С. 40—52.

² Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 4. П—С. Киев, 1914. С. 663.

³ Огинский, будучи в начале 1714 г. в Санкт-Петербурге, пытался добиться согласия на этот брак от Петра I. Как писал 29 мая (из Санкт-Петербурга) граф Г.И. Головкин русскому представителю при гетмане Федору Протасьеву, царь изволил дать Огинскому письмо для гетмана, что ему «не будет то свойство противно». Одновременно Петр распорядился поручить Протасьеву объявить Скоропадскому, чтобы он себе вышеупомянутого письма «в указ не вменял» (в черновике даже было более четко написано: «то супружество не позволял»), а в случае, если к нему приедет Огинский или его посланец, отказал, под предлогом того, «что еще его дочери за малолетством итти замуж невозможно и к тому ее он приневолить не может или отговаряся к тому пристойными резоны, не подав ему неприятственного виду» (Российский государственный архив древних актов. Ф. 229. Оп. 2. Д. 120. Л. 184 об.—185). Из черновика более позднего письма Головкина к гетману (от 14 июля) видно,

что Скоропадский сватовство Огинского, как писал граф, «принял со оскорблением, опасаясь, чтобы не причтено было вам к согласию с сим Огинским». В ответ Головкин «обнадеживал» гетмана, что царь «такова мнения на вас не изволил имет, но не мог от докучного того Огинского прощения отрещися» (Там же. Л. 197—197 об.). Одновременно аналогичные указания «обнадеживать» гетмана были даны Протасьеву в ответ на его послание от 20 июня (Там же. Л. 198—198 об.). Огинский упорно продолжал добиваться своего, направив Головкину очередное послание из Минска 19 октября 1714 г. В ответном письме от 14 декабря 1714 г. граф вновь повторял, что гетманской дочери всего 10 лет и она, «не достигши совершенного возраста, сама еще к супружеству размыслить не может». А поскольку «на пребудущее время в том обязатца за нее ныне нелзя и понеже по законом и правилом благочестивые нашае церкви к супружественному браку имеет быть жениха и невесты самих добровольное намерение и согласие», царское правительство не может к браку «невесты, наименши же отца ее, принудить и повторительного указу к нему, господину гетману, послать». Огинскому рекомендовалось отложить свое «намерение» на будущее «и до совершенного возраста той невесты самим в том старатся» (Там же. Л. 159—159 об.). По всей видимости, речь в данном случае шла именно об Ульяне Скоропадской (род. в 1703 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

№ 1

**1683 г. мая 15. — Купчая на двор М.Я. Волынской в Москве
на Покровке, приобретенный Ф.П. Шереметевым
на деньги гетмана И. Самойловича**

(Л. 86) *Список с подлиннова списка купчей слово в слово*

Аз, боярина Василья Семеновича Волынского, жена ево боярыня, вдова Марья Яковлевна продала я боярину Федору Петровичу Шереметеву и жене ево боярыне Прасковье Ивановне двор мужа своего боярина Василья Семеновича в Белом городе у церкви Николая Чюдотворца, что у столпа, а на дворе полаты каменные и с погребам и со всем каменным и деревяным строением², что есть того строения на лицо и с садом и з дворовою и с садовою землею и с тою, что к тому двору пригорожено купленного двора земли, что куплено у князь Ивана княж Андреева сына Хованского и с прикупленою ж дворовою землею, что прикупил муж мой боярин Василей Семенович Волынской после смерти Михайла Афонасьева сына Нестерова у прикащиков души ево Михайловой церкви Николая Чюдотворца, что у столпа, у попа Алексея Яковлева, да у Петра Петрова сына Львова, да у Ивана Степанова сына Ермолова, а в межах тот двор подле двора боярина Артемона Сергеевича Матвеева, а по другую сторону двор Михайла да Ивана Приклонских, а мерою того двора (л. 89) и с прикупным местом, что куплено у князя Ивана Хованского по писцовым книгам по улице вдоль по воротам от артемоновского двора Сергеевича да двора Михайла да Ивана Приклонских тритцать семь сажен с третью, в заднем конце в саду вдоль же по перечнику от артемоновского ж двора Сергеевича до прикупной земли михайловского двора Нестерова дватцать три сажени без получетверти, а поперег того двора от улицы подле артемоновского двора Сергеевича до заднего переулка тритцать пять сажен с третью, а по другую сторону подле двора Михайла да Ивана Приклонских до прикупной земли михайловского двора Нестерова во дворе шеснатцат сажен с третью, да по той же стороне в саду от полат задние стены подле прикупной земли михайловского двора Нестерова до заднего переулка в саду осмынатцат сажен без полу-

четверти, а прикупной земли михайловского двора Нестерова мерою от угла по перечнику по забору двора Михайла да Ивана Приклонских две сажени три четверти, а длиннику по забору от Приклонских же двора до полат мужа моего, боярина Василья Семеновича (л. 87) двенадцать сажен без четверти аршина, а в другом конце по полатам по перечнику от забору две сажени три четверти, а земля под тем двором и с прикупными месты по писцовым книгам белая, а взяла я, боярыня, вдова Марья Яковлевна, за тот двор с каменным и з деревяным и со всяким дворовым строением и с садом и с прикупными месты у него, боярина у Федора Петровича Шереметева, и у жены ево, боярыни Прасковьи Ивановны, четыре тысячи семь сот рублей денег, а тот двор со всем строением и с прикупными месты преж сей купчей оприч ево, боярина Федора Петровича, и жены ево, боярыни³ Парасковьи Ивановны, иному никому не продан и не зложен и ни в каких крепостях ни у кого ни в чем не написан и ни укреплен, а хто в тот двор и во всякое строение и в прикупные места у него, боярина у Федора Петровича, и у жены его, боярыни Прасковьи Ивановны, учнет вступатца по каким ни буд крепостям и мне, боярыне, вдове Марье Яковлевне, тот двор с строением и с прикупными месты ото всяких крепостей очищают и убытка в том никакова не доставить, а будет моим неочищением по каким крепостям от кого в том дворе и во всяком строение и в прикупных местах (л. 88) учинятца какие убытки и ему, боярину Федору Петровичю, и жене ево, боярыне Парасковье Ивановне, те свои убытки по сей купчей взят на мне, боярыне, вдове Марье Яковлевне, по своей скаске все сполна и тому двору со всем строением и с прикупными месты очистка и тот двор по сей купчей записать в Земском приказе, а записные дворовые пошлыны и мостовые и решеточные денги впред платит ему, боярину Федору Петровичю, а буде мостовые и решеточные денги с того двора и с прикупных мест объявятца на прошлые годы по нынешней сто девяносто первой год в доимке и те денги платит мне, боярыне Марье Яковлевне, а на то послуши Кирило Чекаев, Борис Дмитриев, Семен Козмин, Степан Орлов, Ипат Унфов, Андрей Иванов, Евдоким Анофреев, Семен Сидоров, Кондратей Шапошников, Нестер Бугаев, Степан Ефимов, Родион Боровков, Аким Алексеев, Федор Мойсеев, Игнатей Максимов, Аксен Феоктистов, а подлинную купчую писал Ивановские площади подьячей Филка Благодатцкой.

На л. 86 об. помета вверху листа: Списано на Москве.

*Российский государственный архив древних актов
(далее — РГАДА). Ф. 229. Оп. 1. Д. 170.*

№ 2

**1683 г. сентября 6. — Жалованная грамота
боярину Ф.П. Шереметеву и его супруге Прасковье Ивановне
на село Борки⁴**

(Л. 67) Писат в тетрати⁵

Божиею милостию мы, великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичи, и дедици, и наследники, и государи, и обладатели по своему царскому милосердому рассмотрению и по челобитью подданного нашего Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетмана Ивана Самойловича пожаловали боярына нашего, а ево гетманского зятя Федора Петровича Шереметева и жену ево боярыню, а ево гетманскую дочь Парасковью Ива(л. 68)новну за ево гетманскую к отцу нашему блаженные памяти к великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, так же и к брату нашему блаженные памяти к великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и к нам, великим государем, к нашему царскому величеству многую и верную и радетелную службу, велели боярину нашему Федору Петровичю, а ево гетманскому зятю дать в вотчину в Переславском уезде Резанского село Борки з деревнями, которое отписано было в дворцовые села во 180-м году после столника нашего Ивана Глебова сына Морозова, а в том селе и в деревнях двести пятьдесят шесть дворов крестьянских и бобыльских, четвертные пашни по писцовым книгам по сту по осмидесят по две чети в поле, а в дву потому ж, сена тысяча восемьсот восемьдесят семь копен⁶ без трети (л. 122) волоковых, лес большой за рекою Порою и всякие угодыя с половиною Красной Слободы вопче⁷ и под селом Борками на реке на Поре мельница⁸ и в селе торжек. И на ту вотчину мы, великие государи, цари и великие князи, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великие и Малыя и Белья Росии самодержцы, указали дат ему, боярину нашему Федору Петровичю Шереметеву, и жене ево, боярыне Парасковье Ивановне, жалованную грамоту за нашею царскою печатью и по нашему, великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, жалованью та вотчина ему, боярину нашему Федору Петровичю Шере-

теву, и жене ево, боярыне Парасковье Ивановне, и их детям и внучатом и правнучатом неподвижно и в той вотчине он, боярин наш Федор Петрович, и жена ево, боярыня Парасковья Ивановна, и дети ево и внучата и правнучата по нашей царской жалованной грамоте волны (л. 69) продать и заложить и в приданные дать, а в монастыри тое вотчины не отдат, а будет он, боярин наш Федор Петрович Шереметев, и жена ево, боярыня Парасковья Ивановна, тое вотчину продадут в чюжей род, а хто в роду ево похочет ту вотчину выкупит и ему та вотчина вкупить по Уложению, а буде есть у него в роду, как написано в сей нашей, царского величества жалованной грамоте выше сего не останетца, а та вотчина останетца непродана и не заложена и та вотчина взять на нас, великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев в дворцовые села. Писана ся наша царская жалованная грамота в нашем царствующем величем граде Москве лета 7192 сентября⁹ в 6 день.

Подписал назади дьяк Григорей Посников таково: цари полное по самодержци, в лице молвил дьяк имя свое.

Кустодия обьяр золотная по... зерн...¹⁰ (л. 69 об.) покрыта камкою червчатою, печать на шнуру *кормчая*, *шнур*¹¹ золото с серебром бескисей.

Лист писан застовица и буки, и по сторонам древка золотом да серебром с чернью, титла по самодержца писана и покой, и иже золотом.

Скрепа: (л 67 об. — 68 об.) Такую великих государей (л. 68 об. — 69 об.) грамоту (л. 122 об.) Василий Кочубей взял и раеписался.

Там же.

№ 3

1685 г., не ранее июня 25¹². — Фрагмент статейного списка Л.Р. Неплюева с описанием погребения С.И. Самойловича и отправки делегатов Войска Запорожского в Киев на собор, посвященный избранию киевского митрополита

(Л. 150 об.) Июня в 17 день, околничей и воевода з гетманом Иваном Самойловчем из Батурина поехали в город Сосницу, от Батурина дватцать пять верст, и в Соснице ночевали.

Июня в 18 день гетман Иван Самойлович и околничей и воевода из Сосницы поехали в Макушин монастырь, а приехав в тот монастырь, слушали обедни. И после обедни митрополит Никодим Призренский¹³ да Новгородского Спасского монастыря архимандрит Михайла Лежайской, да Макушева монастыря игумен, да стародубской протопоп со священницы и со дьяконы (л. 151) у гроба умершаго отправливали понохиду и пред отпуском панохиды казнадея Иван Гогуревич казал казание, а в казании предложил начало из Евангелия: «Сыне, что намо сотвори, искахом и не обретосте тебе» и прочее, казнадействуя час или полтора. А по отпуске казания митрополит у гроба говорил разрешительныя молитвы, по молитвах отец и мать, и сродницы, и кто есть приключьшийся, приходя ко гробу, отдавали прощения или последнея целования и по прощении, восприяв понахиде отпуск, с телом пошли по Десне х Киеву. А гетман в монастыре Макушеве, дав монастыреню на поминовение шездесят рублей да священного чину и нищим сотворив довольно милостину и устроя братии того монастыря и приключьшимся священником при себе пищу, того ж (л. 151 об.) числа из монастыря поехал в город Сосницу. И в Соснице у сына своего Григорья гетман, и околничей и воевода, да столник и полковник и старшина ели.

А на погребении з гетманом были ево гетманские дети Григорей да Яков, да столник и полковник Борис Щербачев, да старшина генеральная: судья Михайло Воехеевич, писарь Сава Прокопов, есаул Иван Мазепа, бунчужной Костянтин Иванов, хоронжей Степан Забела, старшей концелярист Василей Кучубей, полковник гадицкой Михайло Василев, компанейской Илья Новицкой, сердюцкой Петр Кожуховской, знатной товарищ Иван Ломиковской, да тех, что зовутца дворянами или дворнею (л. 152) пятьдесят человек, да ис полков Стародубского с четьреста, Черниговского и Нежинского и из ближних городов, из Батурина, из Сосницы, из Новых Млинов, из Мены, из Березны тысячи з две. Всего на том погребении было с три тысячи человек и по скончании панохиды казаки по умершем стреляли, и, когда простреляли, всем вскоре велено поехать во свои дома, а Стародубского полку для провожанья тела велено ехать до Киева.

Июня в 19 день в Соснице гетман Иван Самойлович околничему и воеводе объявил, посылает он и(з) Сосницы в Киев для погребения усопшего детей своих Григорья да Якова, да гадицкого полковника Михайла (л. 152 об.) Васильева, да бунчужного Костянтина Иванова, да в Киеве ж на погребении и на обрании Киевского митрополита при елекции будут генеральные судья Михайло Воехеевич, есаул Иван Мазепа, да полковники ис Чернигова Василей Борковской, ис Переяславля Леонтей Полуботок,

из Нежина Яков Журоховской, киевской Григорей Коровченко. И гетман Иван Самойлович, советовав с околничим и воеводою, Михайлу Боехеевичу да Ивану Мазепе при нем околничем и воеводе на отпуску наказывал, чтоб в Киеве приключышемуся всему освященному собору и им от него, гетмана, присланным старшинам по указу великих государей и великой государыни царевны и по благословению святейшаго патриарха московского и всеа России богоспасаемого града Киева (л. 153) на вдовственный престол волными голосами обрать архиерея в скором времени, а прежде обрания и при обрании всему собору им, старшинам, по их государеву указу подписатися руками и приложит свои печати всем на том, чтоб по их, великих государей, и сестры их, великой государыни царевны, указу, и ради самых давних причин тому новообранному архиерею быти у святейшаго и всеблаженнейшаго Иоакима патриарха московского и всеа России и по нем у святейших московских патриархов в послушании и под их архиерейским благословением во веки неотступно и что он, гетман, их государевым указом им, Михайлу и Ивану при нем околничем и воеводе о киевском (так! — *К.К.*) митрополии наказывал, то б было так, а не иноко (л. 153 об.). И взяв у околничего о той митрополии статьи, отдал Ивану Мазепе. Да им же отдал святейшаго Парфения патриарха Костянтина Полского грамоту, писаную греческим писмом, а список с той грамоты белорусского писма отдал околничему и воеводе. И тот список послан к великим государям к Москве с сею запискою.

Того ж числа гетман Иван Самойлович и околничей и воевода ис Сошницы поехали в Батурин, и, не доезжая Батурина за дес(я)ть верст, в селе Головенках гетман и околничей и воевода начевали.

Июня в 20 день из села Головенек гетман и околничей и воевода приехали в Батурин.

Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221.

№ 4

1685 г., после июня 26. — Перечень приданного, возвращенного боярином Ф.П. Шереметевым гетману И.С. Самойловичу после смерти жены; список вещей, которые возвращены не были; реестр свадебных и других подарков чете Шереметевых казацкой старшины

Документ¹⁴ составлен в виде тетради, скорописью, по всей видимости, севским подьячим, сопровождавшим С.П. Неплюева. Росписи предшест-

вует описание обстоятельств ее появления, которая при публикации опущена. Из него следует, что это копии «слово в слово» документов с перечнями имущества, которыми обменивались стороны в ходе раздела. Публикуемый документ был составлен в Киеве, при завершении переговоров между Ф.П. Шереметевым и гетманскими представителями. Сохранение русским переписчиком многих украинских слов и выражений позволяет заключить, что участники вели переговоры без помощи какого-то специально подготовленного переводчика. При составлении сводной росписи были сохранены оригинальные заглавия документов, к которым переписчик добавил еще и свои заголовки.

При составлении комментариев использовались словари польского, старопольского и староукраинского языков¹⁵. Для пояснения малопонятных слов использовалось сделанное уже позднее в Москве с другой украинской копии частичное переложение текста росписи (для удобства будем называть его «московский перевод»), опубликованное А. Востоковым¹⁶, а также (в связи с отсутствием точных ссылок в данной работе) архивный оригинал этого документа¹⁷. Обозначены также наиболее существенные различия в обоих источниках. Для краткости при ссылках на роспись Востокова в скобках сначала указывается страница публикации, а затем лист архивного дела. Все цитаты при этом даны по архивному оригиналу.

По сути дела, публикуемый документ состоит из нескольких росписей, однако, учитывая общий заголовок и вводную преамбулу, представляется целесообразным опубликовать его целиком.

(Л. 4) Список с росписи, какову дали в Киеве столнику и воеводе Семену Протасьевичу Неплюеву Войска Запорожского обеих сторон Днепра гетмана Ивана Самойловича присланные ево генералные есаул Иван Мазепа да бунчужной Костянтин Иванов

По указу великих государей наших, их царского пресветлого величества, будучи послан в Киев до боярина его милости и воеводы киевского и наместника кандинского Федора Петровича Шереметева (л. 4 об.) их царского величества столник и воевода севской Семен Протасьевич Неплюев для отобрания позасталых добр в посагу¹⁸ данных от ясневелможного его милости пана Иоанна Самойловича, гетмана войск их царского пресветлого величества запорожских, в готовых сумах грошей в среб-

ре, в золоте, в клейнотах¹⁹, в фантах²⁰ и иных сплендорах²¹ дщери своей, в Богу зешлой боярыне ей милости Парасковии Ивановне гетмановне Шереметевой, с которым то его милости столником и воеводою севским Семеном Протасьевичем Неплюевым будучи им сполне от боку ясне велможного его милости пана Ивана Самойловича, гетмана Войск их царского пресветлого величества Запорожских в Киев до боярина его милости Федора Петровича Шереметева высланными за его ж панским указом тое, штосмо отобрали от боярина его милости через руки вышемененного его милости столника Семена Протасьевича Неплюева на сем реестре выражаем, а штосмо ведлуг (л. 5) реестру, нам данного, не отобрали, тое ниже окажется в сем ж(е) реестре по лицу и личбе. Деялось в Кieve року 1685 года месяца июня 6 дня.

Наперед

Образ нерукотворенный всемилостивого Спаса в серебре золочен, средка с венцом так ж(е) серебро золоченым.

Серебра всего

Два пуда дватцат полтретья фунта, в якой вазе²² так много штук:
 Полумисков двенатцат пстрозлотистых²³;
 Тарелок пстрозлотистых дватцат четыре;
 Кубков пстрозлотистых дватцат четыре;
 Ложек пстрозлотистых дватцат четыре;
 Солница с позолотою пстроробленая;
 Тое серебро в одной шкатуле и одного ремесника (л. 5 об.);
 Инди(к)ой²⁴ зас роботы ложек пстрозлотистых двадцат четыре;
 Рострухан²⁵ великий злотистый с покрывкою, на котóром орел на верху;
 Другой рострухан меньшей суто злотистый²⁶;
 Два рострухана малыя сломанные старой роботы;
 Куфлев²⁷ два пстрозлотистых;
 Куфел серебряной с накрышкою;
 Пугар²⁸ суто злотистый;
 Коновочка²⁹ серебряная местами позолочена;
 Кубки два пстрозлотистых;
 Лихтар³⁰ местами позалочен серебряный;
 Чарка сута злотистая с туркусом³¹;
 Пуздерко³² серебряное, в катором фляш семь пстрозлотистых;
 Коновочка серебряная над реестр до ваги приложенная, важит пол-четверта фунта.

Еще над реестр великий полумисок серебряный пстрозлоченый фунтов в 6. Место пяти манист перловых в пятьдесят в пят ниток большого и среднего и меншого (л. 6) жемчюгу идут в реестре шапки, кокошники, вершки и прочая, переделаны от небожницы ей милости боярыни з манист, то есть:

Кокошник, низанной перлами, тринатцать на нем рожечков³³ перловых и около обнизан жемчюгом, на нем же тритцат девять зерен уриянских³⁴, в рожечках пят каменей шмаракг(д)ов³⁵ и рубинов в серебре; Вершок шапочный, низан жемчюгом в рожечки, сплошь в рожечках камня шмаракгды, малые перла в рожечках большие и малые, около вершка, обнизано кругом великими перлами;

Наметка³⁶ низаная, на ней осьм коначков³⁷ в золоте з рубинами и з шмаракгдами, низаца великими перлами, около каначков обнизано середними перлами, а тая наметка баволничная³⁸ по концом злототканая; (л. 6 об.) Повивач³⁹ низан перлами, шмаракгдами и рубинами маленькими, низанного места в том повивачю мерою в длину полтора аршина з двумя вершками, в ширину полтора вершка;

Кукол, што надевается наверх головы, детинной, на нем вышит по красном отласу деисус Спасов образ Пресветлые Богородицы, Иоанна Предтечи, Гаврила Архангела, Михаила Архангела, вверху над деисусами три херувима, у деисусов обнизано и внизу поднизачка в снизку перелная и около венцов, в што росписуютца ризы и около херувимов у крила низаны перлами маленькими;

Вершок отласный борщовый⁴⁰, около его обнизано перлами середними в клеточки⁴¹, восемь рожечков низаных перловых особно;

Нитка перел мелких мерою два аршина;

Другая нитка менших перел в полтора аршина;

(л. 7) Дватцат пят перел на нитке середних;

Восемь десят два перла уриянских;

Персней осмнатцат шириозлотных⁴² з шафирами, диаментами и рубинами⁴³;

Адин перстен серебряный злотистый;

Крест шириозлотный шмелцованый⁴⁴ с четырьмя каменцами з рубинами и з шмаракгдами;

Два ланцуги⁴⁵ шириозлотных мерою по полтора аршина;

Каначок большой з шмаракгдами и рубинами;

Манели⁴⁶ шмелцованные з рубинами в злоте сажень, з тых манелей осьм штук на наметце, а четыре штучки отданы на лицо;

Манели диамантовые в золоте, котрыи были поломаны и в шапку
межи перла вправлены, а потом з нее выбраны;
Манели з шмаракгдами и перлами, околосаженые в золоте⁴⁷;
Манели шмалцованые з рубинами в золоте;
Каначок маленькой з рубинами и перлами (л. 7 об.) в золоте саженые,
где три рожечка зоплеваны⁴⁸;
Крест маленькой сребный золоченый с четырма камени простыми;
Три дукаты золотых червонных;
Серги з каначками⁴⁹ з рубинами и з шмаракгдами в золоте;
Серги з каначками з диамантами в золоте широм;
Серги з каначком з рубинами и з шафирами в золоте и з зернами пе-
рел уриянских на подвесках два камня зумруда;
Серги з каначками в золоте на подвесках;
Шесть шмаракгдав;
Серги двойные на колцах з камением простым серебряные, на них
восм зерен кафимских⁵⁰ перел;
Корали великие, што была маниста.

Одежды женского строю

Летник⁵¹ отласной жолтой, вошвы⁵² шиты по красному бархоту окса-
митным⁵³ швом серебро з золотом, подбит киндяком⁵⁴ алым;
(л. 8) Летник объеринной⁵⁵, вошвы бархат зеленой, травы⁵⁶ серебре-
ные, подбит киндяком жолтым;
Телогрея⁵⁷ отласная алая, круживо серебряное немецкое, на ней дватцат
четыре пугвицы серебряных золоченых, подложена киндяком алым;
Телогрея отласная красная, круживо золотое, без пугвиц, подложена
киндяком алым;
Шуба белая камчатая⁵⁸, травы золотные, без кружива, мех черевей⁵⁹
белей⁶⁰, опушена бобром, две пугвицы серебряные золоченые;
Телогрея объяринная, серебряная белая, по ней травы золотые, кру-
живо немецкое большое з города⁶¹, дватцат четыре пугвицы серебро
золоченых с финисвью, подложена тафтою⁶² красною;
(л. 8 об.) Шуба алтабасная⁶³ золотая, травы серебряные, круживо
большое немецкое серебряное, мех хребтовой соболей⁶⁴, адиннатцат
пугвиц золотых с черню;
Телогрея алтабасная серебряная, травы золотые, круживо большое
немецкое, серебро з золотом з города, подпушка комка красная, под-
ложена комкою жолтою;
Шуба столовая⁶⁵, бархат, травы на ней серебро з золотом, подложена
тафтою жолтою;

Шуба, отлас цветной, земля⁶⁶ белая, травы золотные с розными цветы, круживо большое немецкое золотное з городаы, мех пупки соболю⁶⁷, двенатцат пугвиц серебряных золоченых с финисвью, пушена бобром; Шуба отласная. красная, круживо золотое (л. 9) большое немецкое з городаы, двенатцат пугвиц серебряных золоченых с финисвью, мех белей хребтовой⁶⁸;

Шуба объер красная, травы золотные, круживо серебряное большое немецкое з городаы, мех горностаевой, пугвица серебряная золоченая сканная;

Шуба объер серебряная белая, травы золотые, круживо золото с серебром широкое немецкое з городаы, двенатцат пугвиц⁶⁹ серебро золоченых, мех пупки соболю;

Шуба объер рудо-желтая, травы серебряные, круживо серебряное большое немецкое, мех лобковой соболей, две пугвицы серебро золоченых;

Шуба объер золотая, травы золота с серебром, круживо серебряное большое немецкое з городаы, двенатцат пугвиц (л. 9 об.) серебряных золоченых с финисвью, мех пластинчатой⁷⁰ соболей, опушен бобром;⁷¹

Телогрея цвету осинового объеринная, травы по ней золото с серебром, круживо золотое з городаы, дватцат четыре пугвицы серебряных золоченых, подложена кумачом⁷² зеленым;

Дедея⁷³ помаранчевой адамашки⁷⁴, хребтами лисьими подшита;

Телогрея объер золотая, травы золото с серебром, дватцат две пугвицы серебро золоченых, подложена киндяком зеленым, круживо немецкое золото с серебром;

Телогрея изорбаф⁷⁵ красной, травы золотые, круживо золото с серебром немецкое, шеснатцат пугвиц серебряных, золоченых, подложена киндяком алым;

(л. 10) Телогрея белая отласная, круживо немецкое золотое, дватцат три пугвицы⁷⁶ серобро золоченых, подложена безью белою;

Летник оксамитной, травы серебро з золотом, вошвы по черному бархоту шиты высоким швом золотом и серебром;

Одеяло пластинчатое соболе, мерою в длину трех аршин без чети, в ширину два аршина с четью, покрыто отласом красным, по отласу травы шиты волоченым золотом;

Одеяло песцовое хребтовое черное, покрыто изорбафом рудо-желтым травчетым цветным;

Треух, оксамит золотной, травы серебряные, опушен соболми, подложен объерью желтою;

(л. 10 об.) Адамашки⁷⁷ зеленой девят аршин.

Реестр белого платья

Османтцат бовалниц⁷⁸ розных.

Три постели:

1. Простирадло⁷⁹ золотом и серебром суто шитое, а до него новолочек три одного гафтованя⁸⁰;

2. Простирадло зеленым шолком з золотом шитое, а до него новолочек шесть;

3. Простирадло червонным шолком з золотом богато шитое, а до него новолочек шесть;

Три постели крамного⁸¹ полотна, фарботами⁸² шитых, а до кождое четьре новолочки;

(л. 11) Кошул⁸³ золотом шитых пят;

Еще кошул пят з золотом и шолком⁸⁴ шитых;

А розной еще ж работы сорок две⁸⁵;

Обрусов⁸⁶ пят;

А над реестр московских сорочек отдано шеснатцат;

Килимов⁸⁷ турецких дано десят⁸⁸;

Коберцов⁸⁹ не самых предних, але середних десять;

Ноженки турецкой работы з двумя ножиками ветхий;

Три штуки рубков⁹⁰;

Штучка полотна швабского;

(л. 11 об.) Полторы рурки⁹¹ московского полотна;

Пол сувоя⁹² простого полотна;

Колдра⁹³ на червоном отласе суто тягненным золотом гафтована⁹⁴ до нее новолочек золото главных три;

Зерцало болшое московское работы;

Завес две, адна золотоголавная червоная заживена⁹⁵;

Другая так же белая злотоглавная старая;

Колдра турецкая великая безовая;

Коберец тутейшой работы под постель оден;

(л. 12) Над реестр наволочка болшая перинная адамашковая⁹⁶ жолтая;

Перин великих две;

Цыну⁹⁷ каменей⁹⁸ шесть⁹⁹, з котрой ваги полмисков великих и малых пятьдесят восемь;

Тарелок¹⁰⁰ тритцать две.

А на сей реестр любо руки наши подписуемжесмо, вышеописанные добра отобрали, еднак же жадною мерою неkvитуем, до ясневелможного его милости пана гетмана сила даючи воле.

(л. 12 об.) У подлинной росписи приложены руки:

Иван Мазепа, ясаул войсковый енералный,
 Костянтин Иванович, бунчючный войсковый енералный.
 После росписки з дороги послано к гетману Ивану Самойловичу в
 Батурин июня в 18 день из Глухова з генералным есаулом с Миха-
 илом Миклошевским камень алмаз, которой был в персне (л. 13) и
 июня в 26 день из Севска киевского салдацкого полку с подполков-
 ником с Родионом Стразбурхом великой государыни жалованья:
 Шуба объер серебро с черчетым шолком на горностае, кружево се-
 ребренное з городами, пушена пластины соболя, адна пугвица золо-
 тая, на пугвице пять яхонтиков да один изумрудец;
 Перстень золотой, а в нем яхонт зелено(й)¹⁰¹;
 Охобень¹⁰² отласной жолтой (л. 13 об.) круживо кованое серебре-
 ное, пугвицы с финифтом;
 Охобень отлас зеленой, круживо серебряное з городами, пугвицы се-
 ребренные золочены;
 Охобень объяр голубая, круживо золото с серебром, пугвицы се-
 ребренные золочены;
 Одеало изорбафное, по зеленой земли травы, опушка красная трав-
 четого отласу, подложено кумачем;
 Двои рукова кисейные женских рубях.

**(Л. 14) Список с росписи, какову подали в Киеве столнику
 и воеводе Семену Протасьевичу генеральной есаул Иван Мазепа
 да бунчюжной Костянтин Иванов, что каких клейнотов
 и пожитков против росписи у отдачи на лицо не объявилос**

*Реестр тых речей, котрые ведлуг реестру, нам даного
 от ясневельможного его милости пана гетмана, не отобралисмо
 от боярина его милости Федора Петровича Шереметева*

Напредь

Сума столповая червоными золотыми, копейками, талярами тритцать
 тысячь золотых в посагу данная;
 Рострухан менший без накрышки пстрозлотистой;
 Кубки два с чернью;
 Чарки две сребных;
 З манист перлового да с королевого (л. 14 об.) червоных девятнатцать;
 Поясов серебряных пят злотистых;

Ланцужков щирозлотных два, с котрых покойная ее милость боярыня один зробивши на Москве, з Верху¹⁰³ идучи, згубила, яко о том мовит боярин его милость.

Реестр фантов

Дорогой злогоглавной материи курта¹⁰⁴, хребтами соболями подшита;
Курта аксамитная червонная, лобками соболями подшита;
Кунтуш¹⁰⁵ червонный табиновый¹⁰⁶, подшитый соболями пупками, з кветами золотыми;
Кунтуш помарончиковый¹⁰⁷ табиновый, (л. 15) з сребными кветами, горностаями подшитый;
Кунтуш алый аксамитный летний з золотыми потребами;
Кунтуш кветчатый белый з бляшкою серебреною, сибирками подшита;
Кунтуш поморанчиковый венечкой адамашки, сибирками подшитый;
Кунтуш жовтое адамашки венечкое, сибирками подшитый.

Женского строю

Летник червонный аксамитный;
Летник зеленый так же аксамитный, с пстрозлотистою строкою;
Летник на червоном полю злогоглавный с пстрозлотистою строкою;
Летник также на червоном полю злогоглавный с пстрозлотистою строкою;
Летник червонный отласовый з золотыми (л. 15 об.) кветами, строка до него злотистая;
Летник зеленый отласовый, потребы червонные з золотом шолковые;
Летник червонный табиновый, потребы едвабные борщовые з золотом.

Реестр белого платья

Осм штук бовалниц;
Штука едвабниц¹⁰⁸.

От пяти постелей ведлуг першого реестру

Простирадло розным шолком з золотом и серебром шитое, до котрого наволочок четыре;
Простирадло черным шолком серебром шитое, до котрого наволочек четыре;
(л. 16) Четвертой постели водлуг реестру крамного платья, фарботами шитой до якой четыре наволочки;
Кошул осми золотом шитых;
Полотна швабского дватцат штук;
Пят штук полотна полского;

Семь хусток¹⁰⁹, золотом и серебром суто шитых;
 Семь хусток розных шолков, з золотом и серебром суто шитых;
 Скрыни великой розных полотен;
 Килима одного турецкого;
 Коберцов самых предних двух;
 Ноженков одних з ножиками турецкой работы з смалцом¹¹⁰;
 Зерцадел трех великих;
 (л. 16 об.) Коберцов под постел тутейшой работы двух;
 Двенатцати коцов¹¹¹.

С тых речей, што в розных часех розными были дорунками

Две тысячи золотых, якие по веселю през пана Мазепу и пана Миклошев-
 ского на челядь боярскую посылались скилко десять мосулбесами¹¹²;
 Двести золотых чехами, данные на расходы в Севеск через пана Мик-
 лошевского и сафьянов восм;
 Двести дватцать золотых копеек з Глухова, посланные к Москве через
 Понаса¹¹³;
 Через Войтенка¹¹⁴ сто рублей копеек;
 Через Вергуна посланные два мешка (л. 17) по сту рублей на Москву;
 Через пана Кирилу¹¹⁵ посланные триста рублей копейками и табину
 рожового¹¹⁶ з кветами золотыми.

*Данные часу того речи, як боярин его милость
на воеводство ехал в Киев*

Конь гнедый з рондзиком¹¹⁷ и с кулбакою¹¹⁸ каповою¹¹⁹ и с оксамит-
 ным золотом гафтованым сиденем, платом¹²⁰ и чепкам¹²¹ сребными;
 Сто талярей через пана Миклошевского чехами данных;
 Данные тысяча золотых панскими руками на расходы боярыни ее ми-
 лости;
 Сто талярей грошей, чехами через Стефановича с под Лубен посланных;
 (л. 17 об.) Через пана Кочюбея тысяча золотых чехами послано и пол
 сема ста золотых, котрыми роковая служба челяди заплатилос;
 Еще сто талярей, посланных боярину его милости в Киев чехами;
 Материи кизылбаской¹²² травястой того ж часу посланой;
 Швабского полотна штук пят, бицкого штук две, бовалниц пять;
 По Рожестве (с) Лукьяном посланных в Киев чехами золотых двесте
 через его ж посланных пять сот;
 Через его милость пана Мазепу сто талярей;
 Через Полажку татарку посланных соболей четыре пары, якие суть в
 футра¹²³ вшиты по слову боярина его милости;

(л. 18) Через пана Лисицу¹²⁴ посылаемых в восени пять штук рубков, шесть штук швабского полотна и бецкого руру;
 Запасок розного табину десять;
 Шапок двух крисатых¹²⁵ на Москве справленных;
 Двадцать рублей, до Севска воженных через писаря королевецкого;
 Через Белозорецкого¹²⁶ полшеста ста золотых до Киева на молебны воженных.

Список с росписи, какову подали столнику и воеводе Семену Протасьевичу Иван Мазепа да Константин Иванов, что давали боярину и воеводе Федору Петровичу в подарках полковники и старшина, а того всего против росписи у отдачи не объявилось (л. 18 об.)

*Реестр дарунков от панов полковников под час акту веселного боярину его милости Федору Петровичу Шереметеву и покойной боярыне ее милости Парасковии Ивановне оферованных*¹²⁷

Пан полковник гадицкой¹²⁸ боярину его милости карету с конми добрыми сивошпановатыми и со всем як належит, а покойной боярыне ей милости тузин¹²⁹ ложок серебряных суто золоченых, на которых и имя боярыни ей милости в трех литерах выражено, даровал.

Пан полковник черниговский¹³⁰ боярину его милости коновку серебряную белую, (л. 19) спорую високую, якая не меншой ваги была, а боярыни ей милости рострухан недробный суто злотистый, особливе пани полковникова черниговская¹³¹ от себе боярыни ей милости два достатные кубки як бы в полдоброго пугара, один в другой сложенные, роботы хорошей, выбияной, пстрозлотистые оферовали.

Пан полковник лубенской¹³² боярину его милости пару фриз¹³³, закие дано чetyреста золотых, а пани полковникова лубенская¹³⁴ покойной боярыне ей милости тузин ложек позлотистых серебряных и бавалницу з засновцами, купленную за десять таларей доровали.

Пан полковник прилуцкий¹³⁵ боярину его милости двема червоными золотыми и боярыне ей милости тож двема червоными золо (л. 19 об.) тыми, а пани полковникова прилуцкая¹³⁶ десяти левами битыми покойной боярыни ей милости поклонилис.

Пан полковник миргородский¹³⁷ боярину его милости саблю неподлую, оправою оправленную, оферовал.

Пан полковник переясловской¹³⁸ боярину его милости саблю оправную якой цена сто золотых, а боярыни ей милости десят червоных, особливе пани полковникова переясловская¹³⁹ боярыни ей милости кубки два спорые

серебряные и червонных четыре золотых при поклоне оферовали, знову прошлого року в осени будучи, он же, пан полковник переяславской, боярину его милости коня неподлого, а пани полковникова покойной боярыни ей милости табину блакитного¹⁴⁰ доброго на сукню¹⁴¹ доровали в Киеве.

Пан полковник киевской¹⁴² боярину, его милости, подчас веселя в Батурине даровал (л. 20) штучку атласу венецкого и пят червонных золотых, сама пани полковникова¹⁴³ самой покойной боярыни даровали штучку адамашки, образ трех святителей в серебро оправный злотистый и пят червонных золотых, як зась на воеводство в Киев ехал боярин его милость, сам пан полковник киевской даровал боярину его милости коня в сту золотых, сама небожце боярыни ей милости даровала рострухан в восмнатцат талярей.

Пан полковник нежинский¹⁴⁴ подчас акту веселного боярину его милости даровал талярей битых десять, самой покойной боярыни ей милости червонных три, сама пани полковникова нежинская¹⁴⁵ талярей два, знову як на воеводство в Киев ехал боярин его милость, того часу пан полковник нежинской боярину его милости даровал коня гнедого, за котрого давано сто талярей.

(Л. 20 об.) Пан Иван Мазепа, ясаул войсковый енеральный, подчас акту веселного покойной боярыни ей милости перстенок даровал в трицать рублей, а будучи на Москве, сто рублей грошей и материи две злоголавные белую и кармазиновую, купленные за сто рублей, а кды боярин его милость на воеводство в Киев простовал, ей же боярыни ей милости в Батурине оферовал рострухан, знову боярыни ей милости доровал два шнуры перел ури-янских в зерне осьмдесят два, цена сто золотых, сама зас пани ясаулова¹⁴⁶ подчас веселья в Батурине даровала три дукаты, кождый з них важить по два червонных золотых, надто доровал коней двое белых до цукту¹⁴⁷ цена сорок рублей, на Москве будучи, турецкого коня купленного от себе за сто рублей боярину его милости даровал, знову як ехал на воеводство до Киева боярин его милость, даровал коня белого с накрывом (л. 21) червоным турецким, котрому цена дватцать четыре рубли, того ж часу саблю в рублей трицать, налучье в шесть рублей и ковш серебряный в фунтов два.

Пан Салонина¹⁴⁸ доровал его милости боярину, як на воеводство ехал, коновочку злотистую.

Опрочь пана Максима, ексактора войскового¹⁴⁹, котрый жеся сего часу в своем дому не згодил, тым и подарунка¹⁵⁰ его в сем реестре не суть написано.

Все теды тое шоколкек паны полковники доровали так боярину его милости, яко и самой небожце боярыне, мається без жадных споров в дом ясневелможного его милости пана гетмана ворочати от боярина его милости яко для того, же кождый себе на ласку гетманскую зарабатывал, а не о якую иншую побочную стараючис ласку.

Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 9.

№ 5

**1687 г. сентября 9. — Фрагмент доноса козельского сотника
Ивана Фальковского на «безчестные» слова
князя Ю.А. Святополк-Четвертинского**

(Л. 4) Хлебивши¹⁵¹, блядин сын Мазепа, с Кучубейком с таким, каков сам, безделицею извели бедного гетмана как хотели, сослався писмами с тем блядиным сыном Неплюевым, которому (л. 5) жалею, что, едучи еще з Григорьем¹⁵², не положил дву пулек в лоб, однако ж дай Бог здоровье, то ево не минет.

Ныне по что Неплюев ездил в Батурин, знатно видя, что учинили недобро, советуют, как бы то затереть, чтоб поголоски не было.

А Голицын всех виннее, имея власть над всеми войски и потеряв людей не мало. Видят скурвы сынове, что уж не добро и шеи бы им усекли, что и собаки крови их не перелоктали бы, а они одного невинного человека выдали.

А после ево, негодницы, сами себя понарядили панками и не допускают меня до девицы. Я бы сыскал ту обиду, и ныне меня под караулом держат, чтоб (л. 6) без исповеди умер.

Толко-де все ничего, дай Бог здоровье, отпишет мой митрополит к царскому величеству, что укажут быть пред своими очами мне и моему благодетелю пану гетману Ивану Самойловичю и з Голицыным, увидит, кому велят голову отсечь. Дождусь ли того, что п[о] всем блядиным детям палачь будет в тыл яз[ыки?] тянуть. И тот бляд[ин сын], нынешней полковник [...] Солонина, бил вши у [моего?] благодетеля. Имею[...] в Бозе надежду [...] на Москве бытностию им всем конечно пагуба будет, потому что без вин[ы] того человека взяли.

Стоячек¹⁵³ ныне учинился гетманом, блядин сын, на жаль было, когда бы хто до[стойный?] (л. 7) и кого было называть гетманом, а то, что сматривали преж сего у господина Самойловича пова[рни?], то ныне гетманом.

А для чего скурвы сын не стал в замке, там было бедную гетманову жену з девицею поставить, а то для того, чтоб казна обманщиком блядиным детям досталася.

Да хотя мне в Сибири быть, и я тое девки не отпущу и сыщу кровавой нажиток его милости господину гетману, благодетелю моему.

Послали господина Голицына от себя к Москве, и ссылалис, что толко один тот виновен и чтоб на одном пагуба учинилас, толко я имею в Бозе надежду, что те все блядины дети пропадут (л. 8).

Писал к пану гетману нынешне[му], блядину сыну многажды, а от него ни одной литеры, чтоб заступил у того чер[...] собаки, каков и сам есть,

чтоб меня где ни есть [на] месте оставили, а они ме[ня] болши мучат, не могу ко[...] прийти.

И то хорошо ли, что тот ск[урвы] сын Неплюев велел сво[ему] немчину дохтуру дать мне отраву, в чем м[еня] остерег доброй человек, господин цей¹⁵⁴. А то все одна дума у блядиных детей, чтоб не было наследника, потому что тем бедным никак о себе говорить, а мне ничего не учинят для того, что я князь и столник, и так меня морят в той дороге (л. 9) на безлюдье меж теми жидами неверными, что меня всегда оглушат своими барабанами.

Там же. Оп. 6. Д. 55.

Примечания

¹ Документы публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

² Сохранился фрагмент описи двора, сделанной уже после смерти гетманской дочери, в июле 1685 г., дьяком П.Б. Возницыным в присутствии гетманского представителя Алексея Туранского (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1685 г. Д. 27. Л. 8; опубликовано: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 12. СПб., 1872. С. 283).

³ Слово вписано над строкой.

⁴ См. также черновик данной грамоты с пометой: «такова прислана из Дворца» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 170. Л. 74—77).

⁵ Помета в левом верхнем углу.

⁶ В информации, присланной из Большого дворца в Малороссийский приказ, дополнительно отмечалось, что «во 190 году укошено 4300 копен» (Там же. Д. 171. Л. 149—150).

⁷ В информации из Большого дворца в Малороссийский приказ добавлялось, что крестьяне села «денежных доходов не платили, а пахали десятинной пашни по 200 десятин в поле, а в дву потому ж; столовых запасов: 200 пуд мяс свиных, 200 баранов, 200 аршин сукна сермяжного». Полонянничьих и ямских денег с села собирали 12 руб., 26 алтын 4 деньги, стрелецкого хлеба — 64 четверти ржи и такое же количество овса (Там же. Л. 150).

⁸ В информации из Большого дворца в Малороссийский приказ указывалось, что мельница «о трех снастях, верного бранья в зборе бывало по 94 рубли по 32 алтын» (Там же.).

⁹ Написано после зачеркнутого «августа».

¹⁰ Текст неразборчив.

¹¹ Слова, выделенные курсивом, вписаны над строкой.

¹² Датируется по возвращению Л.Р. Неплюева в Севск (Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 155 об.).

¹³ Эмигрант с православного Востока, прибывший на Украину при гетмане Самойловиче и живший там длительное время (См.: *Мицик Ю.А.* Гетьман Іван Мазепа як покровитель Православної Церкви // *Сіверянський літопис*. 2006. № 6. С. 41).

¹⁴ По-видимому, именно этот документ безымянный автор публикации различных украинских росписей вещей и предметов конца XVII — первой половины XVIII в. ошибочно именовал «рядной записью» гетмана Самойловича, составленной при выдаче дочери замуж. См.: Бытовая малорусская обстановка в документах XVII—XVIII ст. // *Киевская старина*. 1887. Т. 19. № 10. С. 337.

¹⁵ *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Т. 1—35. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966—2011; *Słownik języka polskiego*. Т. 1—11. Warszawa, 1958—1969; *Słownik staropolski*. Т. 1—11. Warszawa; Kraków, 1953—1995; *Історичний словник українського мови*. Т. 1. Зошит 1—2. Харків; Київ, 1930—1932; *Словник староукраїнської мови XIV — XVI ст.* Т. 1—2. Київ, 1977—1977.

¹⁶ *Востоков А.* Приданое П.И. Шереметевой // *Киевская старина*. 1888. Т. 22. № 8. С. 39—45.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1596. Л. 122—124, 91—93, 95, 94, 117.

¹⁸ От польск. *posag* — приданое.

¹⁹ Драгоценности.

²⁰ От польск. *fant* — ценный предмет, который может служить залогом или средством оплаты. В XVII столетии в Речи Посполитой так именовали богатство и ценные вещи сами по себе. См., напр.: *Starożytności historyczne polskie, czyli pisma i pamiętniki do dziejów dawnej Polski, listy królów i znakomitych mężów, przypowieści, przysłowia i t.p.* Т. 2. Kraków, 1840. S. 285.

²¹ От польск. *splendor* — пышность, великолепие, здесь, видимо, предмет роскоши.

²² От польск. *waga* — вес.

²³ От польск. *pstrożycisty* — пестрый, разноцветный, с преобладанием золотистого цвета. В московском переводе — «местами золоченых» (С. 40; Л. 122).

²⁴ Индийской? В московском переводе — «иной» (С. 40; Л. 122).

²⁵ *Рострухан* — большой бокал, кубок.

²⁶ Т.е. полностью позолоченный. В московском переводе — «другой кубок меньшей золоченой с цветами» (С. 40; Л. 122).

²⁷ От польск. *kufel* — большая кружка. В московском переводе — «стопа» (С. 40; Л. 122).

²⁸ От польск. *richar* — кубок, бокал. В московском переводе — «пугар золоченой с цветами» (С. 40; Л. 122).

²⁹ Кружка.

³⁰ Подсвечник. В московском переводе — «шандан» (С. 40; Л. 122).

³¹ От польск. *turkus* — бирюза.

³² От польск. *puzdrow* — футляр, ларец. В московском переводе — «погребец серебряной, а в нем семь сулеек, местами золоченых» (С. 40; Л. 123).

³³ В московском переводе — «репейков» (С. 41; Л. 123). По-видимому, речь идет об украшении, подобном розетке либо резному кругу или шару.

- ³⁴ В Речи Посполитой так называли жемчуга из Ост-Индии, считавшиеся самыми лучшими. В московском переводе — «бурминских» (С. 41; Л. 123).
- ³⁵ *Шмарагд* — изумруд.
- ³⁶ Укр. *намітка* — женский головной убор, представлявший собой полосу полотна, завязывавшуюся специальным образом вокруг головы.
- ³⁷ В московском переводе — «канаков» (С. 41; Л. 123). Возможно, от польск. *kanak*, означавшего шейное украшение либо украшение прически из драгоценных камней или жемчуга.
- ³⁸ Т.е. шерстяная. В московском переводе — «кисейная» (С. 41; Л. 123).
- ³⁹ Длинная узкая полоска ткани, которой обычно пеленали новорожденного. В московском переводе — «повивалник» (С. 41; Л. 123).
- ⁴⁰ В московском переводе — «осиновой» (С. 41; Л. 124).
- ⁴¹ В московском переводе — «низан в шахмате» (С. 41; Л. 124).
- ⁴² Т.е. из чистого золота.
- ⁴³ В московском переводе — «с алмазы, с яханты красными и лазоревыми» (С. 41; Л. 124). Яхонт лазоревый (шафир) — сапфир.
- ⁴⁴ Т.е. эмалированный. В московском переводе — «золотой с чернью» (С. 41; Л. 124).
- ⁴⁵ *Ланцуг* — цепь.
- ⁴⁶ От польск. *maneta* — браслет. В московском переводе — «зарукавы с чернью» (С. 41; Л. 124).
- ⁴⁷ В московском переводе — «зарукавье, изумруды 44, жемчугом кругом обнизаны, в золоте» (С. 41; Л. 91).
- ⁴⁸ В московском переводе — «где три репейки испорчены» (С. 41; Л. 91).
- ⁴⁹ Здесь и далее, видимо, речь идет об украшении для волос.
- ⁵⁰ Так называли разновидность мелкого жемчуга, ввозившегося в Восточную Европу через турецкий порт Кафа (ныне Феодосия) в Крыму.
- ⁵¹ Верхняя длинная женская одежда, с длинными рукавами, срезанными углом, сверху застегивалась до горла, внизу была расклешенная.
- ⁵² *Вошва* — лоскут дорогой ткани, вшивавшийся в одежду с целью ее украшения.
- ⁵³ От польск. *aksamit* — бархат.
- ⁵⁴ Бумажная набойчатая ткань обычно желтого или алого цвета.
- ⁵⁵ *Объерь* или *объярь* — плотная шелковая ткань с разводами и узорами, отличающимися на свету.
- ⁵⁶ Узоры или орнамент растительного характера.
- ⁵⁷ Утепленная кофта на лямках, расклешенная к талии.
- ⁵⁸ *Камка* — шелковая ткань с узорчатыми разводами.
- ⁵⁹ *Черев* — мех с брюха животного.
- ⁶⁰ Видимо, беличий.
- ⁶¹ Т.е. кружево в сборку.
- ⁶² *Тафта* — персидская гладкая тонкая глянцевая ткань из шелка.
- ⁶³ *Алтабас* — ткань сложного переплетения шелка с золотой нитью.
- ⁶⁴ Т.е. из спинки соболя.

- ⁶⁵ Т.е. без меха, для застолий.
- ⁶⁶ Т.е. фон.
- ⁶⁷ Т.е. с брюшка соболя.
- ⁶⁸ В московском переводе — «мех соболей хрептовой» (С. 43; Л. 93).
- ⁶⁹ В московском переводе — «20 пуговиц» (С. 43; Л. 93).
- ⁷⁰ В московском переводе — «хвостинчатой» (С. 43; Л. 93).
- ⁷¹ В московском переводе описание этой и предыдущей шуб объединены в одну (С. 43; Л. 93).
- ⁷² Кумач — хлопчатобумажная ткань.
- ⁷³ От польск. *delia* — разновидность плаща, подбитого мехом.
- ⁷⁴ Адамашка — низкосортная камка, привозившаяся в Европу из Дамаска (отсюда название), использовалась для пошива повседневной одежды.
- ⁷⁵ Парча с золотыми или серебряными узорами.
- ⁷⁶ В московском переводе — «22 пуговицы» (С. 43; Л. 93).
- ⁷⁷ В московском переводе — «камки» (С. 43; Л. 95).
- ⁷⁸ Правильнее «бавелница» (польск. *bawełnica*) — шерстяная ткань либо шерстяной платок. В московском переводе — «кисей» (С. 44; Л. 95).
- ⁷⁹ Простыня.
- ⁸⁰ Вышивка золотом и серебром. От польск. *haftowanie* — вышивка. В московском переводе — «одного шитья» (С. 44; Л. 94).
- ⁸¹ От польск. *kram* — лавка, небольшой магазин, соответственно *kramny* — купленный в лавке. В московском переводе — «красного полотна» (С. 44; Л. 94). В Малороссии в крамных лавках как раз продавали различные виды тканей. См.: Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. Белые берега, 2008. С. 519.
- ⁸² От польск. *farboty* — кружева. В московском переводе — «шитая с травами» (С. 44; Л. 94).
- ⁸³ От польск. *koszula* — рубашка.
- ⁸⁴ В московском переводе — «золотом и серебром шитых» (С. 44; Л. 94).
- ⁸⁵ В московском переводе — «2» (С. 44; Л. 94).
- ⁸⁶ Обрус — скатерть.
- ⁸⁷ Килим — шерстяной безворсовый двусторонний ковер ручной работы.
- ⁸⁸ В московском переводе — «9» (С. 44; Л. 94).
- ⁸⁹ От польск. *kobierzec* — ковер.
- ⁹⁰ В московском переводе — «три косяка рупков» (С. 44; Л. 117). «Рубок», по-видимому, от слова «руб» — холст.
- ⁹¹ Возможно, от польск. *garka* — трубка, в данном случае, рулон. В московском переводе — «полтара свертка» (С. 44; Л. 117).
- ⁹² Сувой — свиток, связка. В московском переводе — «полсвертка» (С. 44; Л. 117).
- ⁹³ Одеяло.
- ⁹⁴ В московском переводе — «а по нем цветы волоченым золотом шитые» (С. 44; Л. 117).
- ⁹⁵ В московском переводе — «держаное» (С. 44; Л. 117).

- ⁹⁶ В московском переводе — «камчатая» (С. 44; Л. 117).
- ⁹⁷ От польск. супа (олово). В Польше в старину так называли оловянную посуду.
- ⁹⁸ Старопольская мера веса, равная 32 фунтам.
- ⁹⁹ В московском переводе — «шесть пуд олова» (С. 44; Л. 117).
- ¹⁰⁰ Здесь московский перевод обрывается (л. 117). У А. Востокова ошибочно — 88 полумисков (с. 44).
- ¹⁰¹ *Яхонт зеленый* — топаз.
- ¹⁰² *Охабень* — мужская или женская одежда, длинная и широкая, с длинными рукавами с прорезями для рук.
- ¹⁰³ «З Верху» — т.е. из царских покоев.
- ¹⁰⁴ Короткая верхняя одежда, приталенная, с узким стоячим воротником.
- ¹⁰⁵ Верхняя одежда с отрезной приталенной спинкой и небольшими сборками и отворотами на длинных прорезных рукавах.
- ¹⁰⁶ От польск. *tabiń* — разновидность шелковой ткани (укр. «табенек»).
- ¹⁰⁷ От польск. *romagańczowy* — оранжевый.
- ¹⁰⁸ Здесь: *едвабница* (польск. *edwabnica*) — шелковая ткань.
- ¹⁰⁹ *Хустка* — платок.
- ¹¹⁰ От польск. *szmalc* — эмаль.
- ¹¹¹ *Коц* (от польск. *koc*) — одеяло.
- ¹¹² *Мосулбес* (дословно с турецкого — «полотно из Мосула») — турецкая простая шерстяная ткань либо невысокого качества кумач светло-красного цвета, ввезившиеся из Турции (См.: *Славутич* Є. Службовий одяг і мундирне забезпечення військової музики в Лівобережній Гетьманщині // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. 2006. Вип. 13 (2). С. 306). Возможно, в данном случае имеется в виду, что сумы или мешки, в которых привозились деньги, были изготовлены из этой ткани.
- ¹¹³ Гетманский слуга Афанасий (видимо, А. Дорофеев).
- ¹¹⁴ Приближенный (слуга) гетмана Иван Войтенко.
- ¹¹⁵ Приближенный (слуга) гетмана Кирилл Дорофеев (Дорофеевич).
- ¹¹⁶ Розового.
- ¹¹⁷ По-видимому, конская упряжь (от польск. *gzędzik*).
- ¹¹⁸ От польск. *kułbaka* — седло с высокой лукой.
- ¹¹⁹ Возможно, речь идет о седле, изготовленном с использованием капа — древесного нароста на стволе дерева, считавшегося особо ценным. Так, среди имущества, конфискованного у опального боярина В.В. Голицына, было «седло гусарское, оклеено капом, на огибах кругом кости» (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. Стб. 147).
- ¹²⁰ Здесь, возможно, большой платок, которым накрывали голову лошади.
- ¹²¹ Т.е. цепочками.
- ¹²² Т.е. персидский.
- ¹²³ От польск. *futro* — шуба.
- ¹²⁴ Иван Павлович Лисица, бывший брацлавский полковник, затем дипломат, доверенное лицо И.С. Самойловича (См. о нем: *Оглоблин* О. Вказ. праця.

С. 160; *Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004. С. 169—170).

¹²⁵ Т.е. с полями (от старопольск. kresy — поля головного убора).

¹²⁶ Возможно, Иван Белозерецкий, бывший при И.С. Мазепе дозорцей Почепы и управляющим гетманскими имениями в Стародубском полку. См.: *Лазаревский А.М.* Указ. соч. С. 385, 486—487.

¹²⁷ Т.е. врученных.

¹²⁸ Михаил Васильевич Самойлович.

¹²⁹ От польск. tuzin — дюжина.

¹³⁰ Василий Карпович Борковский (Дунин-Борковский).

¹³¹ Имя первой жены В.К. Борковского неизвестно. Вторую звали Мария Степановна (урожд. Шуба) (*Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 4. П—С. Киев, 1914. С. 486).

¹³² Максим Ильяшенко.

¹³³ Порода лошадей, выведенная в XVI—XVII вв. во Фрисландии (Нидерланды).

¹³⁴ Имя жены М. Ильяшенко неизвестно.

¹³⁵ Лазарь Федорович Горленко.

¹³⁶ Известна только вторая жена Л.Ф. Горленко — Евфросинья (*Модзалевский В.Л.* Указ. соч. Т. 1. А—Д. Киев, 1908. С. 303), наиболее раннее упоминание о ней в документах — 1687 г. (*Павленко С.* Вказ. праця.С. 44).

¹³⁷ Даниил Павлович Апостол.

¹³⁸ Леонтий Артемович Полуботок.

¹³⁹ Имя первой жены Л.А. Полуботка неизвестно. Вторую звали Евгения Ивановна (урожд. Костомаха) (*Модзалевский В.Л.* Указ. соч. Т. 4. С. 182).

¹⁴⁰ Голубого.

¹⁴¹ От польск. suknia — платье.

¹⁴² Григорий Карпович Коровка-Вольский.

¹⁴³ Имя жены Г.К. Коровки-Вольского неизвестно.

¹⁴⁴ Яков Михайлович Жураковский.

¹⁴⁵ Марина (Мария) Жураковская (*Модзалевский В.Л.* Указ. соч. Т. 2. Е—К. Киев, 1910. С. 46).

¹⁴⁶ Анна Семеновна (урожд. Фридкевич).

¹⁴⁷ Возможно, «до цугу» (в оригинале, написанном малороссийской скорописью, видимо, было «до цуггу»), то есть так, чтобы можно было впрягать их цугом (вид упряжки, когда лошади идут друг за другом гуськом либо парами).

¹⁴⁸ Бывший киевский полковник Константин Солонина.

¹⁴⁹ Максим Васильковский.

¹⁵⁰ В рукописи «подуранка».

¹⁵¹ Т.е. льстивши.

¹⁵² Григорий Самойлович, сын гетмана.

¹⁵³ Прозвище И.С. Мазепы?

¹⁵⁴ Смысл слова до конца не ясен.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Август II, польский король 43
Агафья Симеоновна (урожд. Грушецкая), русская царица 132
Акинфов Никита Иванович, думный дворянин 132, 133, 150, 182
Александров Ефрем, площадной подьячий г. Переславля-Рязанского 67
Алексеев Аким, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
Алексей Михайлович, русский царь 13, 22, 42, 112, 143, 175, 187
Алмазов А.С. 6—8, 12—14, 46, 84, 129, 143, 145, 146, 149, 152
Алмазов Семен Ерофеевич, стольник, дипломат 40, 101—105, 142, 147
Андреев Ерема, батуринский сотник 50, 134
Анофреев Евдоким, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
Антоний Печерский, христианский святой 169
Апостол Даниил Павлович, миргородский полковник 37, 208
- Багалея Д.И.* 145
Бантыш-Каменский Д.Н. 5—7, 11, 13, 14, 42, 46, 101, 105, 114, 143, 145—147, 149—151, 161, 170, 175, 177
Барсуков А.П. 43, 141, 152
Барятинские, княжеский род 113
Баутин Василий, подьячий Малороссийского приказа 36, 68, 69, 76, 87
Бахметьев Иван, писец 73—75
Белозерецкий Иван, дозорца Почепа, управляющий именьями гетмана И.С. Мазепы 208
Белозорецкий, гетманский слуга 110, 200
Белосельский Иван, князь, воевода г. Переяславля 50
Беляев И. 85
Бентковский Станислав, польский дипломат, посланник в Россию 56
Благодаткой Филка, площадной подьячий Ивановской площади г. Москвы 186
Бодянский О. 6, 147, 175
Бордаковский Игнатий, драгун 66, 67, 75, 76
Борков Василий, полковник 148
Борковская (Дунин-Борковская) Мария Степановна (урожд. Шуба), супруга черниговского полковника В. Борковского 208
Борковский (Дунин-Борковский) Василий Карпович, черниговский полковник, генеральный обозный Войска Запорожского 37, 162, 189, 208

* В указатель не включен гетман И. Самойлович в связи с упоминанием его имени практически на каждой странице книги.

- Боровков Родион, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
 Бочаров Гурий, казак 67
 Бочаров Денис, казак 67
 Брюховецкая Дарья Алферьевна (урожд. Исканская), московская
 дворянка, супруга гетмана И.М. Брюховецкого 4
 Брюховецкий Иван Мартынович, гетман Войска Запорожского 4, 7, 12, 17,
 18, 21, 41, 42
 Бугаев Нестер, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
Буганов В.И. 44, 45, 80, 87
 Булай Иван, управляющий Кромской вотчины гетмана И. Самойловича
 116, 117
 Булдаковский Василий, см. Булдаковский Григорий
 Булдаковский Григорий, войсковой канцелярист 48, 51—53, 81
Бурдович-Новицкий Я. 19
 Бурцов Максим, дьяк 26, 27, 45
 Бутурлин Иван Васильевич, боярин, воевода г. Киева 167, 169
 Бутурлин Иван Федорович, окольный, глава Ямского приказа 87
 Бутурлин Петр Васильевич, стольник 71
Бушкович П. 7, 13, 40, 43, 46, 48, 88, 139, 152, 173
Важинский В.М. 86, 141
 Варлаам (Ясинский), архимандрит Киево-Печерской лавры 121—123
 Василий IV Иванович (Шуйский), русский царь 65
 Васильев Иван, подьячий 73
 Васильев Самошка, крестьянин с. Борки 87
 Васильев Михаил, см. Самойлович Михаил Васильевич
 Васильков Семен, подьячий Малороссийского приказа 132
 Васильковский Дмитрий, войсковой экзактор, сын М. Васильковского 148
 Васильковский Максим, войсковой экзактор, откупщик 124, 148, 201, 208
 Васильковский Павел, учитель Я.С. Самойловича 48
Величко С. 144
 Вера, христианская мученица 117
 Вергун, гетманский посланец 199
 Витвицкий Иван, управляющий Кромской вотчины гетмана
 И. Самойловича 115, 116, 147, 157
Владимирский-Буданов М.Ф. 149
 Воейков Семен, стольник и полковник, начальник стрелецкого гарнизона
 в Батурине 83
 Возницин Прокофий Богданович, дьяк Посольского приказа 82, 131, 203

- Войтенко Иван, посланец гетмана И.С. Самойловича 98, 199, 207
 Волжинский Алексей, воевода Сапожка 67, 72, 74
 Волынская Мария Яковлевна, боярыня 59, 185, 186
 Волынские, боярский и дворянский род 64
 Волынский Андрей Васильевич, московский дворянин 65, 72
 Волынский Василий Семенович, боярин, глава Посольского приказа 59, 185, 186
 Волынский Иван Федорович, боярин 75
 Воронцов-Вельяминов Кирилл, писец 72, 77
Воскобойникова Н.П. 46
Востоков А. 6, 13, 46, 47, 138, 149, 150, 152, 191, 204
 Вуяхевич Михаил Васильевич, генеральный судья Войска Запорожского 137, 189, 190
 Выговский Иван Ёвстафьевич, гетман Войска Запорожского 146

 Гаврилов Осип, подъячий Малороссийского приказа 90, 98
 Гамалея Григорий Михайлович, лубенский полковник 163
 Гедеон (Святополк-Четвертинский), луцкий епископ, киевский митрополит 6, 14, 17, 18, 29, 40, 42, 153, 155, 158, 159, 161—174, 176, 177, 180
 Гогуревич Иван, проповедник 189
 Голицын Алексей Васильевич, князь, сын В.В. Голицына 13, 19, 29, 30, 31, 46, 91, 94, 97
 Голицын Василий Васильевич, князь, боярин, глава Посольского и Малороссийского приказов 4, 5, 7, 9, 19, 28—32, 34, 35, 39, 41, 47, 50—53, 55, 57, 59, 61—63, 67, 68, 75—77, 79, 80, 81, 85, 90—100, 104, 105, 107, 108, 111—114, 117, 121, 133, 136, 141, 143, 145, 147, 150, 153—156, 158, 160, 161, 163—166, 168—170, 172—174, 176, 177, 202, 207
Голицын Н.Н. 43
 Голицын Яков Алексеевич, князь 21, 43
 Голицыны, княжеский род 29, 30, 64, 182
 Головин Федор Алексеевич, стольник 118
 Головкин Гаврила Иванович, глава Посольского приказа и Посольской канцелярии 183, 184
 Голуб Константин Иванович, генеральный бунчукный Войска Запорожского 38, 89, 101, 124, 126, 129, 130, 189, 191, 197, 200
 Гордон Патрик, генерал, шотландский дворянин на русской службе 11, 14, 45, 46, 100, 101, 108, 109, 118, 119, 120, 124, 129, 130, 142—144, 148, 149, 151, 162, 176

- Горленко Евфросинья, супруга прилуцкого полковника Л.Ф. Горленко 208
 Горленко Лазарь Федорович, прилуцкий полковник 37, 208
 Горобец В. 12, 13, 42
 Грушевский М.С. 12
 Грушинский Кирилл Дорофеевич, см. Дорофеев Кирилл
 Гундертмарк Тихон Христофорович, стольник и подполковник 107, 121, 148
- Давид, ветхозаветный пророк 136, 176
 Дворецкий Василий, киевский полковник 12
 Демидова Н.Ф. 46, 87
 Дмитрашко Родион Григорьевич (Дмитрашко Райча), переяславский полковник 56
 Дмитриев Борис, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
 Долгорукая Наталья Борисовна (урожд. Шереметева), княгиня, мемуаристка, дочь Б.П. Шереметева 132, 152
 Долгорукие, княжеский род 64
 Долгорукий Григорий Федорович, князь, стольник 19
 Долгорукий Дмитрий Алексеевич, князь, окольничий 4, 7
 Долгоруков П.В. 42, 173, 178
 Домнин Любим, думный дьяк 47
 Домонтович Иван Михайлович, генеральный судья Войска Запорожского 50
 Дорофеев (Дорофеевич) Афанасий, слуга гетмана И.С. Самойловича, бунчуковый товарищ 61, 83, 85, 199, 207
 Дорофеев (Дорофеевич) Кирилл, дворецкий гетмана И.С. Самойловича 56, 77, 79, 83, 89, 95, 96, 132, 141, 199, 207
 Дорошенко Петр Дорофеевич, гетман Войска Запорожского 22, 31
 Драгинич Ян, наместник молдавского господаря на Правобережной Украине 16
 Дука Георгий, молдавский господарь 57
- Елоцкий Василий, глуховский сотник 133
 Ермолов Иван Степанов сын, душеприказчик М.А. Нестерова 185
 Ермолов Федор, крестьянин с. Борки 87
 Ефимов Степан, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
 Ефимьев Федор, дьяк г. Севска 52
- Жаденов Михаил, разрядный дьяк г. Севска 116, 137, 138, 149, 153, 154, 157
 Желябужский Иван Афанасьевич, думный дворянин 26, 27, 45

- Жирово-Засекин Василий Федорович, князь, окольничий, товарищ воеводы г. Киева 110, 130
- Жураковская Марина (Мария), супруга нежинского полковника Я.М. Жураховского 208
- Жураховский Яков Михайлович, нежинский полковник 37, 106, 190, 208
- Забела Степан Петрович, генеральный хорунжий Войска Запорожского 189
- Заборовский Л.В. 12
- Заозерский А.И. 86, 152
- Звенигородцев Афанасий, мельник с. Волково 117
- Зеленин Анисим, драгун 66, 67, 72—73, 75
- Зенченко М.Ю. 65, 79, 86, 89, 99
- Зыков Федор Андреевич, думный дворянин, товарищ воеводы г. Киева 110
- Иаков, ветхозаветный патриарх 122
- Ионафан, герой Ветхого Завета, старший сын царя Саула 165, 176
- Иван V Алексеевич, русский царь 27—29, 35, 46, 49, 52, 55, 58, 60, 71, 88, 101, 107—108, 118, 149, 160, 187, 188
- Иваненко Петр (Петрик), самозванный гетман, писарь Полтавского полка 178
- Иванов Андрей, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
- Иванов Константин, см. Голуб Константин Иванович
- Иванов Ларион Иванович (Илларион Иванович), думный дьяк, глава Посольского и Малороссийского приказов 24, 35, 45
- Иевлев Прохор, стольник и полковник 107
- Иеремия, ветхозаветный пророк 122
- Иеффай, военачальник и судья израильский Ветхого Завета 122
- Иисус, сын Сирахов, древний книжник, автор «Премудрости» 136
- Илларион Иванович, см. Иванов Ларион
- Ильяшенко Максим, лубенский полковник 37, 208
- Иннокентий (Гизель), архимандрит Киево-Печерского монастыря 48
- Иоаким, патриарх Московский и всея Руси 131
- Иоанн Предтеча, христианский пророк 108, 193
- Иов, христианский святой 123
- Иосиф (Нелюбович-Тукальский), киевский митрополит 22
- Иосиф, герой Библии, сын Иакова 122
- Исайя, архимандрит Свято-Афонского монастыря 136, 151
- Исканская Дарья Алферьевна, см. Брюховецкая Дарья Алферьевна
- Искрицкий Василий, казацкий полковник 37

- Камынин Григорий Иванович, купец 45
 Карандеев Александр Федорович, стольник, стрелецкий полковник 5, 6,
 15, 16, 18—25, 36—39, 41, 43, 44
 Кашкин Тихон Кондратьевич, писец 73
 Квашнина Марья Исаевна, дворянка, невеста А.В. Голицына 30
 Квилон Александр, полковой лекарь 163
 Киреевский Григорий Федорович, писец 64, 73
Ключевский В.О. 14, 46, 143—145
Кобеко Д. 152
 Кобозев Агей, см. Прокофьев Агей
 Кобыла Андрей, боярин, родоначальник Шереметевых 21
 Ковальский Ромашко, прислужник лекаря 163
 Кожуховский Петр, сердюцкий полковник 189
 Козмин Семен, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
 Коровка-Вольский (Коровченко) Григорий Карпович, киевский
 полковник 37, 106, 124, 190, 208
Короткова М.В. 12
 Корсак Михаил, смоленский дворянин 112
Костомаров Н.И. 6, 11—14, 16, 42, 47, 48, 84, 130, 136, 148—150, 161,
 171, 175—178
Кочегаров К.А. 14, 47, 48, 83, 88, 144, 173, 175
 Кочубей Василий Леонтьевич, старший канцелярист Войска
 Запорожского 23—27, 38, 44, 45, 62, 63, 67, 69—72, 77, 86—89,
 96, 110, 114, 128, 129, 134, 135, 144, 149, 161—163, 176, 188,
 189, 199, 202.
 Кошалева, землевладелец Кромского уезда 116
Кузнецов И.А. 85
 Куракин Борис Иванович, князь, дипломат, мемуарист 43
 Куракин Федор Александрович, князь 43
 Курбский Александр, князь, выездный шляхтич из Речи Посполитой 177
Лавров А.С. 45, 61, 71, 82, 85, 88
Лазаревский А.М. 83, 145, 150, 152, 171, 178, 206, 208
 Ларионов Максим, подьячий Приказа Большой казны 45
 Леопольд I, император Священной Римской империи 147
 Лисица Иван Павлович, знатный войсковой товарищ 110, 200, 207
 Лисов Александр, гетманский гонец 131
 Лисов Богдан, «дворецкий» Я.С. Самойловича 38, 48
 Лихачев Алексей Тимофеевич, постельничий, окольничий 65, 66, 74, 78

- Ломиковский Иван Васильевич, знатный войсковой товарищ 106–108, 111, 189
 Лопухин Василий Абрамович, стольник 49–51, 80
Лукашева С.С. 42
 Лукьян, гетманский слуга 110, 199
 Лучников Кондратий, служилый человек из Сапожка 67, 75
 Львов Петр Петров сын, душеприказчик М.А. Нестерова 185
 Любовь, христианская мученица 117
 Лядинский Иосиф, польский дипломат 56

 Мазепа Анна Семеновна (урожд. Фридкевич), супруга И.С. Мазепы 208
 Мазепа Иван Степанович, генеральный есаул, гетман Войска Запорожского 5, 7, 13–19, 22, 23, 29, 30, 31, 35–37, 42, 46, 47, 50, 56–60, 69, 71–72, 80, 83, 84, 98, 106, 110, 119, 123, 124, 128, 129, 130, 137, 138, 146, 148, 158, 161–165, 167–171, 175–178, 181, 183, 189–191, 197, 199, 200–202, 204, 208
 Макарий (Криницкий), монах Киево-Печерского монастыря 12
 Максимов Игнатей, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
 Максимов Михаил, приказчик князей Трубецких 115
 Марфа Матвеевна (урожд. Апраксина), русская царица, супруга царя Федора Алексеевича 58, 60
 Матвеев Андрей Артамонович, боярин, дипломат, мемуарист 45
 Матвеев Артамон Сергеевич, боярин 25, 59, 185
 Меншиков Алексей, подъячий Малороссийского приказа 39
 Мефодий (Максим Филимонович), епископ Мстиславский и Оршанский 17
 Миклашевская Марина Юрьевна (урожд. Святополк-Четвертинская), дочь Ю.А. Святополк-Четвертинского, супруга А.М. Миклашевского 171, 172
 Миклашевский Андрей Михайлович, сын М.А. Миклашевского 172
 Миклашевский Михаил Андреевич, генеральный хорунжий, стародубский полковник 49, 80, 110, 113, 133, 172
Миллер Г.Ф. 6, 13, 151
 Милославские, дворянский и боярский род 28, 71, 74, 75, 91, 94, 182, 199
 Михаил, протопоп московского Успенского собора 160
 Михаил (Лежайской), архимандрит новгород-северского Спасского монастыря 189
 Михайлов Борис, дьяк 170

- Модзалеvский В.Л. 139, 150, 152, 177, 183, 208
 Мойсеев Федор, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
 Морозов Афонка, драгун 66
 Морозов Борис Иванович, боярин 65, 86
 Морозов Константин, драгунский сержант 66
 Морозов Иван Глебович, последний представитель рода Морозовых 65, 86, 187
 Морозова Анна Ильинична, боярыня, вдова Б.И. Морозова 86
 Мыцык Ю.А. 83, 204
 Мясной Василий Данилович, думный дьяк, товарищ воеводы г. Киева 110
 Надежда, христианская мученица 117
 Нарбеков Василий Саввич, окольный 74—78, 88, 98—100, 142, 179, 182
 Нарышкины, боярский и дворянский род 22, 28, 32, 61, 71, 75, 132, 173, 182
 Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина), русская царица, мать царя Петра 28, 45, 58, 60
 Неплюев Леонтий Романович, окольный, севский воевода 20, 21, 26, 27, 31, 32, 37, 46, 48, 51, 53—56, 80—83, 92, 97, 102, 105, 113, 116, 121, 125—127, 129, 133—135, 146, 150, 153—158, 160—164, 166, 167, 170, 174, 188, 202, 203
 Неплюев Семен Протасьевич, стольник и воевода 105, 125—129, 137, 138, 148, 149, 190—192, 197, 200
 Непогожий Петрушка, подьячий г. Кромь 117
 Нестеров (Нестеренко) Дмитрий, слуга гетмана И.С. Самойловича 84
 Нестеров Михаил Афанасьевич, московский житель 185, 186
 Нефимов Кузьма, подьячий Посольского приказа 146
 Никодим (Призренский), митрополит, выходец с Балкан 189
 Николай Чудотворец, христианский святой 45, 59, 185
 Новицкий Илья Федорович, охочеконный полковник 117, 143, 189
 Новосельский А.А. 150
 Обидовский Иван Павлович, нежинский полковник 178
 Огинский Казимир Доминик, троцкий каштелян 183, 184
 Оглоблин А.П. 6, 13, 14, 148, 152, 171, 176—178, 183, 207,
 Одинцов Иван Петрович, стольник 79, 90—98, 100, 102, 104
 Одоевский Василий Федорович, боярин и дворецкий 58, 70
 Орлов Степан, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
 Павел, апостол, христианский святой 136
 Павленко Н.И. 152
 Павленко С.О. 162, 176, 208

- Палей Семен, фастовский полковник, 171
 Палицын Андрей, подъячий приказа Большого дворца 66
 Панас, см. Дорофеев Афанасий
 Парфений, патриарх Константинопольский 190
 Парфеньев Вонифатий, подъячий Малороссийского приказа 54, 56, 82
 Пашковский Григорий, войсковой товарищ 76, 89
 Пелепелкин Пимен Ермолаев сын, крестьянин с. Борки 66, 72, 73, 87
 Перфильев Никита, подъячий 64, 73
 Перхуров Борис Михайлович, дворянин 100, 132
 Петр I Алексеевич, русский царь 19, 22, 27—30, 35, 43—46, 49, 52, 55, 58, 60, 61, 71, 75, 88, 94, 139, 143, 152, 160, 173, 176, 183, 187, 188
Петрикеев Д.И. 86
 Петров Афиноген, приказной человек с. Борки 66
 Плещеев Семен Федорович, стольник 19
 Плещеев Федор, придворный 19, 43
 Плосковицкий Михаил, выезджий литовский шляхтич 177
Плохинский М.М. 14, 133, 146, 181
 Подпрысков Демка, служилый человек из Сапожка, 75, 76
 Подымов Иван Богданович, воевода г. Кромы 117
 Полажка, татарка, прислужница гетмана И.С. Самойловича 199
 Полуботок Евгения Ивановна (урожд. Костомаха), супруга Л.А. Полуботка 208
 Полуботок Леонтий Артемьевич, переяславский полковник 37, 50, 106, 135, 189, 208
 Посников Григорий, дьяк 188
 Постников Василий, дьяк 175
 Потоцкий Павел, польский вельможа 93
 Прасковья Федоровна (урожд. Салтыкова), русская царица, супруга царя Ивана Алексеевича 60, 101, 108, 130
 Приклонский Иван, московский житель 185, 186
 Приклонский Михаил, московский житель 185, 186
 Прозоровский Петр Семенович, князь, боярин 22
 Прокопов Савва, генеральный писарь Войска Запорожского 50, 134, 137, 162, 189
 Прокофьев Агей, крестьянин с. Борки 87
 Протасьев Андрей Петрович, стольник 135, 136
 Протасьев Иван, стольник 99, 102
 Протасьев Федор, русский представитель при гетмане И.И. Скоропадском 183, 184
 Протопопов Семен, дьяк 142

- Пушкин Матвей Степанович, окольничий 19
 Пушкин Петр Михайлович, окольничий 113
 Пушкин Федор Матвеевич, стольник 19
 Пырев Федор, крестьянин с. Борки 76
- Разбоев Сергей, приказчик с. Борки 67, 72—77, 98
 Ребриковский Андрей, охочеконный полковник 50
 Романовы, царская династия 79
 Ромодановский Григорий Григорьевич, князь, боярин 30, 112
Рычаловский Е.Е. 12
 Юриковичи, княжеская династия 40, 159
- Салтыков Алексей Петрович, боярин, воевода г. Киева 92, 101, 104, 109, 118
 Салтыковы, боярский род 97, 104, 105, 118, 179, 182
 Самойлович Анастасия Ивановна, дочь гетмана И.С. Самойловича 8, 14, 42, 127, 128, 140, 153, 154, 161, 167, 168, 170—172, 183
 Самойлович Анна Владимировна (урожд. Швыйковская), смоленская дворянка, жена Я.С. Самойловича 111, 112
 Самойлович Григорий Иванович, черниговский полковник, сын гетмана И.С. Самойловича 4, 33, 38, 46, 47, 137, 160, 165, 189, 202, 208
 Самойлович Евгения Ивановна, дочь гетмана И.С. Самойловича 54
 Самойлович Мария Ивановна, супруга гетмана И. Самойловича 120, 170
 Самойлович Михаил Васильевич, гадяцкий полковник, племянник гетмана И.С. Самойловича 33, 37, 107, 112, 134, 168, 170, 177, 189, 208
 Самойлович Прасковья Ивановна, см. Шереметева Прасковья Ивановна
 Самойлович Семен Иванович, сародубский полковник, сын гетмана И.С. Самойловича 33, 35, 36, 38, 47, 101, 110, 112, 119, 126, 129, 133—137, 150, 170, 188
 Самойлович Яков Иванович, стародубский полковник, сын гетмана И.С. Самойловича 7, 8, 21, 25, 27, 33, 36, 38, 48, 83, 94, 110, 112, 137, 145, 189
 Самойловичи, гетманский род 40, 123, 166
 Сапогов Филипп, капитан 38
 Саул, царь ветхозаветного Израиля 176
 Святополк-Четвертинские, княжеский род 6, 17, 42, 157
 Святополк-Четвертинский Андрей Захарьевич, князь, отец Ю.А. Святополк-Четвертинского 153
 Святополк-Четвертинский Василий Юрьевич (Вассиан), князь, сын Ю.А. Святополк-Четвертинского 172

- Святополк-Четвертинский Юрий Андреевич, князь, стольник, племянник киевского митрополита Гедеоны 8, 14, 17, 42, 153—174, 176, 178, 183, 202
- Святополк-Четвертинский Януш Андреевич, князь, брат Ю.А. Святополк-Четвертинского 171, 178
- Седов П.В. 22, 43, 46, 65, 86, 150
- Селиванов Максим, стольник, воевода г. Переяславль-Рязанского 72
- Сербин Илья, гетманский гонец 111, 145
- Сергеев Якушка, земский дьячок 115, 116
- Сергиенко Г.Я. 12, 14, 150, 176
- Сидоров Семен, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
- Синев Самошка, см. Васильев Самошка
- Скоропадская Ульяна Ивановна, дочь гетмана И.И. Скоропадского 184
- Скоропадская Ульяна Юрьевна (урожд. Святополк-Четвертинская), дочь Ю.А. Святополк-Четвертинского 172
- Скоропадские, гетманский род 178
- Скоропадский Иван Ильич, гетман Войска Запорожского 139, 171, 183
- Скуратов Петр Дмитриевич, окольный, товарищ воеводы г. Белгорода 49, 80
- Славутич Е. 207
- Созон (Созонов) Александр, слуга гетмана И. Самойловича 52, 53
- Соловей Кондрат, гетманский гонец 35
- Соловьев С.М. 6, 11, 13, 14, 43—46, 48, 91, 94, 101, 102, 114, 141, 143, 146, 150, 177, 178
- Солонина Константин Дмитриевич, киевский полковник 37, 48, 56, 201, 202, 208
- София Римская, христианская мученица 117
- Софья Алексеевна, русская царица, регентша при братьях Иване и Петре 28, 33, 47, 55, 66, 74, 77, 82, 83, 93, 98, 99, 105, 107, 108, 114, 116—118, 126, 133, 134—135, 151, 160, 176
- Спафарий Иван, выездный молдавский дворянин 177
- Спафарий Степан, выездный молдавский дворянин 177
- Станиславский А.Л. 85, 141
- Станиславский В.В. 14, 47
- Стаханов П.П. 85
- Стаханова Н.П. 85
- Степанов Савва, гетманский гонец 121
- Стефанович, гетманский слуга 110, 199
- Стразбурх Родион, подполковник киевского солдатского полка 197

Судейкин Клим, дьяк г. Севска 21

Сурта Т.Р. 145

Таирова-Яковлева Т.Г. 13, 46, 47, 162, 175—176

Татаринов Осип, дьяк 72—77, 98

Телепнев Иван Степанович, думный дворянин 71—77, 98

Терновский С. 6, 13

Титов Захар, подьячий г. Севска 26

Титов Иван, подьячий 131, 133

Толстой Петр Андреевич, дипломат, сподвижник Петра I 183

Торопов Иван, подьячий Малороссийского приказа 17, 26—32, 45, 46, 79

Троекуров Иван Борисович, князь, глава Поместного приказа 57

Трубецкие, княжеский род 115, 116, 182

Трубецкой Иван Юрьевич, князь, вотчинник Кромского уезда 115

Трубецкой Юрий Юрьевич, князь, вотчинник Кромского уезда 115

Трубницкий Ю. 145

Туранский Алексей, глуховский атаман 131, 133, 149, 203

Украинцев Емельян Игнатьевич, думный дьяк 34, 89, 113, 131, 138, 148, 174

Ульянеев Микула, крестьянин д. Михеевка 75

Унфов Ипат, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186

Урусов Юрий Семенович, князь, воевода г. Киева 154, 155, 158, 174

Урусовы, княжеский род 61, 152

Устрялов Н.Г. 176

Фальковский Иван (Ян), козельский сотник 161, 163, 167, 202

Федор Алексеевич, русский царь 15, 17, 18, 20, 22, 23, 25, 27—29, 38, 42, 44, 52, 58, 65, 75, 98, 112, 132, 187

Федоров Иван, человек В.С. Нарбекова 74

Феодосий (Гугуревич), игумен Михайловского Златоверхого монастыря 119

Феоктистов Аксен, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186

Фирсов Киприан, драгунский сержант 66

Флоря Б.Н. 12

Харишин М.В. 13

Харлампович К.В. 14, 45

Хилков Михаил Яковлевич, князь, стольник 74, 75, 88

Хилкова Марья, княгиня, супруга М.Я. Хилкова 74, 88

Хлопов Ерофей, человек князя И.А. Хованского 66

Хмельницкий Богдан, гетман Войска Запорожского 4

- Хованский Андрей Иванович, князь, сын И.А. Хованского 36
 Хованский Иван Андреевич, князь, глава Стрелецкого приказа 35, 36, 47, 59, 66, 185
 Хованский Петр Иванович, князь, воевода Белгородского разряда 36
Холмогоров В. 142, 148
Холмогоров Г. 142, 148
 Хотетовский Иван Степанович, князь, окольничий, товарищ воеводы г. Киева 110
- Цыклер Иван Елисеевич, стрелецкий полковник 19
- Чаадаев Петр, трубчевский воевода 47
 Чекаев Кирило, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
Черепнин Л.В. 87
 Черкасский Андрей Канбулатович, стольник 131, 132
 Чернышев Иван, драгунский сержант 66, 67
 Чечель Дмитрий, охочекомонный полковник 50
- Шакловитый Федор Леонтьевич, думный дьяк 46, 47, 113, 146, 148, 149, 167, 168, 207
Шамин С.М. 45
 Шапошников Кондратей, свидетель сделки по купле-продаже двора Волынских 186
 Шаховской Григорий, князь, писец 131, 133
Шватченко О.А. 43, 58, 84, 148
 Швейковский Владимир (Владислав) Иванович, генерал, смоленский дворянин 110—112, 145
 Шеин Алексей Семенович, воевода Белгородского разряда 54, 56
 Шеншин Потап Филимонович, стольник 109
 Шереметев Борис Петрович, боярин, фельдмаршал 21, 138, 152
 Шереметев Василий Борисович, боярин 21, 43
 Шереметев Василий Петрович, боярин 21
 Шереметев Василий Федорович, сын Ф.П. Шереметева, внук гетмана И.С. Самойловича 108, 123—125, 130, 138, 139, 140
 Шереметев Владимир Петрович, стольник 49
 Шереметев Михаил Борисович, сын Б.П. Шереметева 139
 Шереметев Петр Большой Васильевич, боярин, глава Оружейной палаты 19—22, 25—28, 35, 36, 38—40, 43, 49—54, 59, 61, 63, 71, 80, 87, 88, 90—95, 101, 106, 109, 124, 125, 144, 148, 149, 152

- Шереметев Петр Меньшой Васильевич, боярин 88
- Шереметев Федор Петрович, боярин, зять гетмана И.С. Самойловича 4—8, 13, 19—22, 24—26, 28, 30, 31, 35—37, 39, 41, 46, 48—54, 56—65, 67—73, 75—82, 86, 87, 90—110, 119, 120, 123—132, 137—144, 161—172, 173, 179, 181, 182, 185, 186—188, 190—192, 197, 200
- Шереметева Евфимия Васильевна, дочь боярина В.Б. Шереметева 43
- Шереметева Марья Петровна, дочь П.В. Большого Шереметева 49
- Шереметева Настасья Петровна (урожд. Урусова), боярыня, вторая супруга Ф.П. Шереметева 139
- Шереметева Пелагея Борисовна (урожд. Львова), супруга В.Ф. Шереметева 139
- Шереметева Прасковья Ивановна (урожд. Самойлович), дочь гетмана И.С. Самойловича 4—8, 13, 15—17, 22, 23, 25, 26, 28—30, 34—37, 41, 51, 53, 56, 58, 60—63, 78—80, 85, 90, 91, 94, 97, 103, 106—108, 119—121, 123—125, 129, 133, 135, 137—139, 140, 144, 148, 149, 151, 161, 170, 172, 179, 182, 185—188, 192, 200, 204
- Шереметевы, боярский род 6, 7, 21, 28—31, 41, 47, 49, 52—54, 58, 60—62, 79, 88, 89, 91, 94, 97, 98, 106, 110, 112, 119, 120, 123, 124, 137, 138, 141, 152, 180—182, 190
- Шестаков Емельян, подьячий Малороссийского приказа 15, 18, 20, 49—51
- Шийкевич Захар, генеральный писарь Войска Запорожского 59
- Шпиколов Иван Семенов сын, крестьянин д. Михеевка 75
- Щербачев Борис Степанович, стольник и полковник, начальник стрелецкого гарнизона в г. Батурине 121, 134, 135, 150, 189
- Языков Иван Максимович, боярин, глава Оружейной палаты 20, 23—25, 30, 43, 62, 65, 66, 69, 70, 74, 78, 94, 98, 99, 142
- Яковлев (Яковенко) Федор, казак, гетманский посланец 101, 143
- Яковлев А. 85
- Яковлев Алексей, душеприказчик М.А. Нестерова 185
- Яковлева Т.Г., см. Тацрова-Яковлева Т.Г.
- Якушев Петр, подьячий 99, 142
- August II, см. Август II
- Burdowicz-Nowicki J. 43
- Czetwertyński Jerzy, см. Святополк-Четвертинский Юрий Андреевич
- Piotr I, см. Петр I Алексеевич

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	
РУССКО-УКРАИНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О БРАКЕ ДОЧЕРИ ГЕТМАНА И ЕЕ ЗАМУЖЕСТВО С БОЯРИНОМ Ф.П. ШЕРЕМЕТЕВЫМ	15
Глава 2	
ГЕТМАН САМОЙЛОВИЧ, ЧЕТА ШЕРЕМЕТЕВЫХ И ЦАРСКИЙ ДВОР В 1682—1684 гг.	49
Глава 3	
НАЗНАЧЕНИЕ Ф.П. ШЕРЕМЕТЕВА ВОЕВОДОЙ В КИЕВ И СМЕРТЬ ПРАСКОВЬИ	90
Глава 4	
СВАТОВСТВО КНЯЗЯ ЮРИЯ СВЯТОПОЛК-ЧЕТВЕРТИНСКОГО К ГЕТМАНСКОЙ ДОЧЕРИ АНАСТАСИИ	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
ПРИЛОЖЕНИЕ	185
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	209

Научное издание

Кочегаров Кирилл Александрович

**РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СЕМЬЯ
УКРАИНСКОГО ГЕТМАНА ИВАНА САМОЙЛОВИЧА
В 1681—1687 гг.**

Художественное оформление и макет *Л.М. Ордынской*
Корректор *Л.Н. Федосеева*
Верстка *Ю.А. Костиной*

Подписано в печать 07.11.2012.
Формат 60х90¹/16.
Печать офсетная. 14 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Типография ПРЕМИУМ».
150000, Ярославль, ул. Лисицына, д. 30, корп. 2.

ISBN 978-5-7576-0261-5

